

Михаил Байков

Скульптор жизни

16+

Михаил Денисович Байков

Скульптор жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42611114

SelfPub; 2019

Аннотация

Михаил Александрович Божесов – прокурор, карьерист, юморист, циничный философ и просто привлекательный мужчина – обустроивает свою жизнь, не жалея о людях, с которыми по долгу профессии сталкивается. Его жизнь – это череда неожиданных обстоятельств, которые Божесов с лёгкостью обращает в свою пользу... Но может ли человек, иногда преступающий закон, добиться высших должностей в государстве? И что движет им? Жажда денег, обиды молодости или сердечная травма?.. И так ли проста его жизнь?

Посвящается

МАРИИ БЕРЕЗОВСКОЙ

Часть первая

Извилины

Глава I

Прозвенел третий звонок. Зрители заняли места согласно купленным билетам. Свет потух. Раздались набирающие силу аплодисменты. С фальшивой улыбкой на сцену выплыла ведущая в вечернем платье, удивительно сочетающемся с занавесом. Её появление озадачило и удивило зрителей, с нетерпением ожидавших спектакля, но аплодисменты не прекратились и затихли лишь тогда, когда свет полностью потух, а зелёный свет прожекторов украсил образ ведущей.

– Добрый вечер, дорогие друзья, любители театрального искусства, – со сладкой улыбкой начала она, – Сегодня, в этот прекрасный вечер, коллектив Лимского областного театра драмы закрывает сезон 2017–2018 года, бессмертным произведением Николая Васильевича Гоголя «Ревизор». Но перед этим...

Одновременно с началом зажигательной речи в левой стороне занавеса пробежала полоска света, и сильно скучающие зрители увидели, как в 14 ложу бельэтажа вошёл областной прокурор, советник юстиции, Михаил Александрович

Божесов в сопровождении девушки. Разбирающиеся в жизни областных «слуг народа и закона» люди не были удивлены спутницей прокурора, который, будучи молодым, харизматичным и умным человеком, питал некую слабость к женскому полу, кстати, взаимную.

Молодые люди заняли свои места. Михаил Александрович продолжил разговор:

– Так что у нас здесь весело! Даже театр имеется, и довольно хороший.

– Мы не опоздали?

– Нисколько, – ответил прокурор. – Ещё только официальная часть...

– ... Но перед началом спектакля пройдёт короткая церемония поздравления и награждения – громче остальной речи продолжала ведущая. – Слово предоставляется губернатору Лимской области, Игорю Сергеевичу Наклеватко.

– Я же говорил, – посмотрел на спутницу Михаил Александрович. – У нас хороший губернатор... Мы с ним учились в одной школе... Он закончил на три года раньше меня. И теперь жизнь нас свела в родном городе, обреченных на лучшую работу в мире! Правда Игорь сильно поменялся... причем как внешне, так и внутренне.

– Власть людей меняет.

– Виной всему сидячая работа! Из-за неё он потерял много здоровья, но приобрёл много чего другого... С людьми его профессии такое часто случается, – ответил Михаил, по-

чувствовав свою любимую тему нерабочих разговоров. – Посмотри на соседние ложи. Напротив нас сидит председатель областного суда Виктор Иванович с супругой, в 12 ложе сидят начальник управления полиции области Петр Дмитриевич и начальник службы безопасности Лев Антонович – все мои друзья и при этом, в некотором роде, конкуренты.

– А кто по левой стороне? – с большей заинтересованностью спросила спутница.

– Это гражданские чиновники, достойные, пожалуй, не меньшего уважения.

– И все они любят театр?

– Как сказать, – пожал плечами прокурор. – Их вкусы специфичны... К тому же, через две недели выборы в областную думу!

– Когда было иначе... – заметила спутница со скучающим видом. – А кто это рядом с губернатором? – тут же оживилась она, указав на грациозную девушку в черном коктейльном платье, проследовавшей с Игорем Сергеевичем в директорскую ложу.

– Не знаю. Я раньше её никогда не видел, – озадаченно ответил Михаил.

– Жена?

– Боже упаси! Если бы у него была *такая* жена, я бы знал об этом все подробности.

– Так кто же это?

– Представления не имею! Узнаю завтра...

Тут зал наполнился облегченными аплодисментами. Ведущая покинула сцену. Занавес распахнулся.

Глава II

Надо сказать, девушка привлекла внимание многих, слушающих скучные речи в театре, да что уж говорить, некоторые смотрели на неё и во время спектакля! Сам прокурор решил забыть о планах на свою спутницу и уехал домой один, гонимый странными мыслями...

Незнакомка появилась в городе совершенно недавно, обустроившись в лучшей гостинице, откуда и должна была заниматься порученной ей работой. Звали её Мари Берне. Странное имя для человека, приехавшего в город, находящийся в десяти часах пути от Москвы, но не нам её за это судить.

Мари вышла из своего номера в десять часов утра, предварительно заказав такси на целый день, и уже мчалась в центр города, когда её машину совершенно неожиданно остановил сотрудник ДПС в сопровождении человека в штатском.

– Предъявите документы, – другим голосом, нежели тем, которым обычно произносят эту фразу, потребовал инспектор.

– Пожалуйста, – неловко улыбаясь и предвкушая что-то страшное, ответил водитель и протянул книжечку с документами.

– Лицензия есть?

– Пожалуйста, – повторил все свои прежние действия водитель.

– Та-а-а-ак, – протянул инспектор, невнимательно пробежав глазами по документам. – Что насчёт аптечки?

– В багажнике...

– Откройте.

– Извините, что я прерываю вашу милую беседу! – вмешалась Мари. – Вижу, вы друг в друге заинтересованы, но какое отношение к этому имею я?

– Хотите узнать? – ядовито спросил инспектор, но тут же был одёрнут человеком в штатском.

– Девушка, думаю, мы здесь надолго... Если вы торопитесь, мы сейчас поймаем вам любую машину!

– Буду признательна.

Через минуту к месту остановки Лады-Калины с табличкой «ТАХИ», подъехала скромная, черная машина «BMW».

– Добрый день, старший лейтенант полиции Василий Карпов, – представился водителю «BMW» «штатский», и продолжил с тщетно скрываемой весёлостью. – Можно попросить Вас довезти эту девушку до центра?

– Конечно, товарищ старший лейтенант, – мягко и непринужденно ответил водитель и вышел из машины, чтобы галантно помочь своей новой спутнице, с готовностью севший в автомобиль.

Через минуту «BMW» мчалось как можно дальше от по-

ста ДПС.

– Давайте знакомиться? – с улыбкой предложил водитель.

– Вам это надо? – холодно ответила Мари.

– Думаю, мы с вами ещё встретимся, – не обратив никакого внимания на тон Мари, ответил водитель. – Так лучше познакомиться пораньше.

– Давайте начнём с вас, – заинтересовавшись тоном водителя, предложила Мари.

– Ну, если вы настаиваете, – с теми же интонациями продолжил водитель. – Михаил Александрович Божесов, прокурор области, советник юстиции.

– Мари Берне, – холоднокровно ответила она.

– Странное имя для нашей страны, а тем более провинции.

– Да неужели?! – иронично спросила Мари.

– Псевдоним?

– Разумеется.

– И настоящего не скажите?

– Никогда.

– Ваше право, – просто ответил прокурор.

Недолго ехали молча, пока не встали в традиционную для города, утреннюю пробку.

– А что вы забыли в нашей глубинке? – как ни в чем не бывало спросил Михаил.

– Я вроде бы не на допросе, – хитро прищурившись, ответила Мари.

– По-моему, мы можем спокойно поговорить, пока стоим в пробке, – всё ещё с улыбкой продолжил прокурор. – Но не советую вам шутить с возможностями моей профессии.

– Мне кажется, что и здесь мы встретились не случайно.

– Когда кажется креститься надо.

– Но я этого не делаю, – начав улыбаться сама, ответила Мари.

– И правильно, – многозначительно наклонив голову, сказал Михаил, и они посмотрели друг другу в глаза, хищно сверкнувшие.

Минут пять посидели в тишине.

– Неужели вы не можете воспользоваться мигалкой? – спросила Мари.

– Зачем? Мне кажется, мы можем воспользоваться пробкой и поговорить о городе.

– То есть, вы можете уехать отсюда, когда пожелаете?

– Сейчас я хочу поговорить с вами, – настойчиво ответил Михаил Александрович.

– Ладно... Тогда говорите что-нибудь о Лимске, чем он примечателен?

– Такой же, как все: машины ездят, чиновники живут, дети учатся, люди – выживают, едят, спят.

– А вы, как я вижу, больше живёте, чем выживаете?

– Ваша наблюдательность поразительна, Мари.

– И вы обыкновенный прокурор?

– Хм... не совсем. Во-первых, я областной прокурор! Во-вторых, я центр всей правоохранительной системы области. Фактически, именно я творю правосудие и поддерживаю порядок здесь.

– Прямо всемогущий!

– Вы мне льстите! Просто я грамотно балансирую в этой неустойчивой среде. К тому же, имею массу полезных знакомств...

– Не пытайтесь казаться Воландом, у вас не получается, вы слишком прямолинейный.

– Кто-то считает меня довольно милым, – сделав вид, что не заметил аналогии с Булгаковским героем, высказался прокурор.

– Не понимаю этих людей.

– Я могу начать обижаться, – встрепенулся Михаил.

Мари проигнорировала его слова, играя со слабостями прокурора. Чтобы раздражить его ещё больше, Мари решила вообще ничего не говорить до конца поездки. Это принесло самый неожиданный эффект...

Глава III

Михаил и Мари расстались в центре города. Прокурор поехал в здание областной администрации, а Мари скрылась в неизвестном направлении.

Припарковав машину, Михаил Александрович поднялся в кабинет губернатора.

– Людмила, добрый день, – поздоровался прокурор с сек-

ретарём областного главы.

– Добрый день, Михаил Александрович.

– Свободен? – спросил посетитель, указав на дверь кабинета.

Людмила утвердительно кивнула.

Прокурор вошёл в кабинет без стука, тяжело распахнув дверь.

– Здравствуйте, Игорь Сергеевич, – голосом одного русского режиссёра, чья фамилия созвучна с именем прокурора, протянул Михаил. – Доброе утро.

– Скоро уже обедать, а ты только у меня появился, не говоря уже о прокуратуре, – не отрываясь от каких-то бумаг проворчал губернатор.

– Да вы, батенька, не в настроении?

– А сам подумай, какое у меня может быть настроение, когда к нам, из Москвы, да ещё и перед выборами, якобы случайно, «заехал» полпред! А ещё друзья «подарили» мне визит представительницы «Voff Corporation», и с ней я должен возиться ради семимиллиардных инвестиций в регион! Просто разрываюсь!

– А-а-а, – с улыбкой протянул Михаил, коварно добавив, – Мари Берне.

– Ты откуда её знаешь? – удивленно спросил Игорь, оторвавшись от документов.

– Случайно познакомились. Сейчас её до центра подвозил.

– Слушай, Миша, у меня прекрасная идея!

– Ну хоть когда-то эту чудную голову посетила светлая мысль, – наиграно сказал Михаил, плюхнувшись на диван.

– Ну, не язви, что за мода?

– Да ладно... не злись... Какая идея?

– Миш, можешь представить нашу область в выгодном свете для Мари и корпорации?

– С удовольствием, Мари достойна того, чтобы...

Вдохновляющие слова прокурора прервал неожиданный телефонный звонок.

– Пардон, ваше высокоблагородие, по основной работе, – встав с дивана сказал Михаил. – Алло... И вам не хворать... Какое? Убийство? Так... Передайте Загороднему... Мне это не интересно... Чао...

– Какое убийство? – обеспокоено спросил губернатор.

– Обычное дело. В Дмитриевском районе. Бритвой по горлу и всё.

– И это перед выборами?

– Не надо паники, Игорь, это обычная «бытовуха», её быстро раскроют. И вряд ли выборы как-то пострадают от подобного.

– Ты всё-таки лично проследи за этим и, не дай Бог, подобными делами. Это важно.

– Хорошо. Тогда сейчас и поеду, до встречи, – с этими словами прокурор покинул кабинет губернатора.

– Не забудь о Мари! – крикнул вслед губернатор, возмож-

но, поздно...

Глава IV

Михаил Александрович быстро доехал до Дмитриевского района, теперь ничто не мешало воспользоваться ему мигалкой.

Подъезжая к деревянному одноэтажному дому на улице Смирной, прокурор заметил небольшую группу людей, очевидно ближайших соседей, две ведомственные машины и форд капитана следственного комитета Загороднего. Машина областного прокурора была легко опознана полицейскими, стоящими в оцеплении, тем более что такая в области была только у губернатора и архиерея.

Михаил вышел из машины навстречу ожидающему капитана.

– Добрый день, – протянул прокурору руку следователь.

– Для кого как... – ответил Михаил.

Два блюстителя закона направились во двор дома.

– И что случилось? – равнодушным тоном спросил Михаил.

– Девушке по горлу полоснули каким-то странным ножом. Часа полтора назад.

– Почему странным?

– Он был кривой.

– И что в этом такого? – спросил прокурор.

– Такие не используются в быту.

– Это на что-то влияет? – цинично спросил прокурор.

– Да нет, – неуверенно протянул следователь.

– Пойдёмте посмотрим на место.

Следователь и прокурор пошли в сторону ветхого сарайчика, где орудовал судебный эксперт.

Зрелище было не самым приятным. На соломе, в углу, на спине лежала девушка с залитой кровью грудью и лицом.

– Сколько ей лет? – спросил прокурор.

– Василиса Владимировна Комаринова, 19 лет, студентка нашего журфака, – не отрываясь от каких-то действий, ответил эксперт.

– Как убита? – ещё раз спросил Михаил.

– Вот этим ножом, – сказал эксперт, показывая кривой нож с резной рукояткой. – Любопытно, что нож в неё метнули.

– Но ведь это не каждому под силу? – поинтересовался следователь.

– Разумеется! С таким эффектом это мог сделать только специально обученный человек: военный, спортсмен, самурай...

– Запомнил? – спросил прокурор у следователя.

Тот кивнул.

– Пойдём поговорим, – отозвал Михаил следователя. – Мне губернатор сегодня сказал, чтобы все дела раскрывались быстро и общественность не беспокоилась. Сам понимаешь почему... Я знаю, ты следователь честный, насколько возможно, и поэтому я разрешу тебе продолжить расследо-

вание, но потенциального подозреваемого найди мне к вечеру. Понял?

– Это будет нелегко, – грустно проговорил следователь.

– Наша работа вообще нелегкая.

В это время с улицы послышался шум и во двор вбежал растрёпанный молодой человек, за ним вбежал один полицейский, а за забором послышался звук подъехавшей машины. Капитан двинулся навстречу вбежавшему и быстрым движением сбил его с ног. Подоспевший полицейский поднял его и собрался увести со двора...

– Кто вы? – любезно спросил прокурор у молодого человека, остановив движением руки полицейского.

– Дима я, – тяжело дыша ответил молодой человек.

– А что вы тут забыли? – спросил Михаил, показав полицейскому отпустить парня.

– Это жених убитой, – пояснил полицейский.

– Ага... – протянул прокурор, многозначительно покосившись на следователя. – А что за машина подъехала? – спросил Михаил у полицейского.

– Это журналисты.

– С вашего позволения, Дмитрий, я покину вас на попечение моего коллеги.

– Конечно, товарищ подполковник, – ответил обрадованным голосом (насколько это возможно в подобной ситуации) Дима.

Михаил Александрович вышел за ворота, а следователь,

посмотрев на Диму, сказал:

– Он не подполковник, он советник юстиции...

Дима виновато пожал плечами.

Михаил Александрович, выйдя к журналистам, заметил, что толпа стала немного больше. Он направился в сторону фургона регионального телевидения и узнал в корреспонденте Оксану Васильеву, свою давнюю «больше чем подругу».

– Здравствуйте, Оксаночка, – нагло поздоровался Михаил.

– Добрый день, Михаил Александрович, – холодно ответила журналистка. – Пётр, начинай съёмку.

– Ну и ладно, – пожал плечами прокурор.

– Михаил Александрович, расскажите о происшествии.

– Убита девушка. В своём доме. Полиция считает, что причина убийства носила бытовой характер. Следственный комитет уже приступил к работе, причин сомневаться в положительном итоге следствия нет, – говорил прокурор в камеру.

– Петя, камеру на ворота! – крикнула журналистка.

Михаил Александрович повернулся посмотреть на ворота, из которых полицейский выводил Дмитрия... Прокурор оценил быструю реакция капитана.

Глава V

Вечером того же дня, в кабинет Михаила Александровича

пришёл Загородний.

– Добрый вечер, товарищ подполковник, – поздоровался следователь с улыбкой.

– Плохая шутка, – сердито сказал Михаил.

– А шутник здесь.

– Ты его привёз? Зачем? Мы же всё обсудили.

– Я его немного допросил. И оказывается, что он умеет метать ножи. Научился в армии. А вот алиби–то и нет!

– Думаешь, что это он?

– Скорее всего.

– А мотив?

– Девушка была беременна. Я подозреваю, что не от него.

Наверное, он тоже об этом узнал, произошла ссора и... и всё.

– Почему «наверное»?

– Он не признался, именно поэтому я привёз его сюда.

– Ты хочешь, чтобы я его допросил? – смеясь, спросил

Михаил Александрович.

– Был бы не против.

Прокурор встал из-за стола и вместе со следователем пошёл в комнату для допросов, куда уже привели Диму.

– И снова здравствуйте, – слащаво поздоровался прокурор.

– Ну, слава Богу, – воскликнул Дима. – Вас-то я и ждал!

– Неожиданно, – удивился Михаил.

– Да, да. Вы ведь понимаете, что я бы не убил её, – тараторил Дима, – не убил... У нас должен был быть ребёнок.

Мы собирались пожениться. И...

– Я понимаю, Дмитрий, – прервал прокурор. – Вы были шокированы, в состоянии аффекта... Но убийство есть убийство. Мы будем настаивать на смягчении приговора, но вот суд... Суд может не понять, у него своё мнение... Вы же понимаете... – лживо говорил прокурор, внутренне подсмеиваясь над обвиняемым.

– Стоп, стоп, стоп! Вы тоже думаете, что я её убил? Это ведь невозможно! Как...

– Думаю, не стоит отпираться, Дмитрий. Мы все знаем, что убили вы. Верно, товарищ капитан?

– Конечно, господин прокурор. Все улики следствия указывают на Дмитрия...

– Но ведь это какой-то бред! – отчаянно крикнул Дмитрий.

– Вы думаете, что это бред? Хотите я расскажу, как всё было?

– Делайте всё что хотите.

– Прекрасно! Не нервничайте, Дмитрий... Всё можно исправить... Чуть-чуть, но исправить... Итак, вчера вечером вы сидели со своим другом, назовём его «Виктором», в баре на улице Суворова. Вы всегда так делаете перед ночной сменой. От него, мы не знаем в каком контексте, но узнали, что ваша будущая жена беременна не от вас. Всю свою смену вы были расстроены и уже готовы были простить, но придя домой, часов в девять, вы в жестких выражениях погово-

рили со своей невестой... В один момент чаша терпения переполнилась, и ваша благоверная выбежала во двор, но вы, вскипев, ведь вы импульсивная личность, выбежали за ней с криками и метнули, уверен, что в порыве ярости и гнева, без всяких дурных мыслей, но *метнули* нож... О ужас, она убита! Вы, опять в порыве, убегаете с места преступления. И возвращаетесь прямо нам в лапы! А теперь внимание, попали нам в лапы с *чистосердечным признанием*. Поняли?

Дмитрий молча сидел с подавленным видом.

– Оставлю вас с бумагой и ручкой. Надеюсь, что вы опишите всё ещё подробнее. Хорошо?

Дмитрий молчал.

– Хорошо, – сам ответил Михаил. – Пойдемте, товарищ капитан.

Прокурор и следователь вышли из комнаты допроса, оставив Дмитрия наедине с бумагой и пригласив конвойного.

– Михаил Александрович, – почему-то по отчеству обратился следователь. – Вы ведь угадали с ночной сменой.

– Да? – равнодушно спросил прокурор. – Я не удивлён... Хотите узнать о вашей ночной смене, товарищ следователь?

Загородний заинтересованно кивнул, но немного поморщился.

– Я сейчас поеду домой, где буду спать. А вот вы будете искать «Виктора» и дальше прорабатывать версию произошедшего, для суда я слишком слабо всё придумал! Хотя и достаточно интересная получилась импровизация...

– А в суде вы обвинять будете? – унылым голосом спросил следователь.

– Нет. Мне дело не интересно, передай его Димскому или Вилкову.

– Хорошо. Спокойной ночи, Михаил Александрович.

– Продуктивной ночи.

Божесов и Загородний пожали друг другу руки и направились в разные стороны.

Михаил прошёл на парковку областной прокуратуры, зашёл свою машину и мягко вывел её на опустевшие улицы города. За десять минут прокурор доехал до охраняемого жилого комплекса, в котором занимал скромную четырёхкомнатную квартиру с гостиной, библиотекой-кабинетом, двумя спальнями, ванной комнатой, кухней и террасой.

Не успел Михаил устроиться на уютном диване в гостиной, как ему позвонили.

– Слушаю?

– Здравствуйте, Михаил, это Мари.

– Добрый вечер... Чем обязан? – с унылым видом, о котором не могла догадаться Мари, но оживлённым голосом, спросил прокурор.

– Игорь Сергеевич передал мне ваш номер и сказал, что вы мне подробно расскажете о городе. И желательно с лучшей стороны.

– К сожалению, вспомнил об этом...

– Почему «к сожалению»? Вы что, не рады моему звонку? – игриво спросила Мари.

– Можно предположить, что вы ждали это мгновение всю жизнь.

– Не всю, но всё же... С радостью с вами встречусь. Когда вам удобно?

– А давайте прямо сейчас, – рискнул предложить Михаил в надежде на отказ, ибо душевная усталость от дневных событий требовала отдыха.

– Где? – неожиданно легко спросила Мари.

– В одном прекрасном ресторане на улице Советской, ресторане «Golden appetite», 16 дом.

– Ждите меня. Через полчаса буду, – и повесила трубку.

Михаил немного постоял, потом надел на себя лёгкий летний костюм. На всякий случай осмотрел квартиру и, с появившейся лукавой улыбкой, покинул помещение.

– Не дали отдохнуть и осмыслить ситуацию – хотя бы развлекусь!

Глава VI

Ресторан «Golden appetite» по достоинству был лучшим в городе. В нём отдыхала после тяжелого дня «аристократия». Классическая европейская кухня, аутентичный зал и живая музыка могли успокоить измученную душу, подарить наслаждение и заставить забыть обо всём...

Именно там через полчаса, как и было запланирова-

но, встретились областной прокурор и представительница «Boff Corporation».

После короткого изучения меню были заказаны стейк из форели, филе индейки, ягодный десерт и белое полусладкое вино.

– Ну, Михаил, давайте поговорим, – предложила Мари.

– Давайте, для начала, перейдём на ты, так будет проще.

– Как скажешь, – ответила Мари, сделав ударение на последнем слого.

– Можно поинтересоваться, что ты тут делаешь? – спросил Михаил Александрович.

– Игорь не мог тебе не рассказать. Компания, в которой я работаю, хочет проинвестировать в ваш регион достаточно солидную сумму. Но нужно взвесить все «за» и «против».

– А чем занимается компания?

– Неужели не слышал? – удивлённо спросила Мари.

Михаил пожал плечами.

– В основном информационными технологиями, но также не гнушается электроэнергией, газодобычей, нефтепереработкой, строительством, машиностроением, фармацевтикой... В общем, многопрофильная деятельность.

– А в нашем регионе чем планирует заниматься компания?

– В принципе, планируется захват газового и нефтяного рынка в области, но я здесь для того, чтобы рассмотреть и другие предложения.

– Хочу сказать, что не считаю себя компетентным в подобных сферах. Но рискну рекомендовать заняться строительством или машиностроением. Это, хотя бы, актуально в регионе... В нашей области готовят профильных специалистов, а против новых рабочих мест никто не будет ничего иметь!

– Я обдумаю эти предложения, – улыбнулась Мари. – Сообщу начальству, и, разумеется, осмотрюсь сама... Но я думаю у нас будет много времени, чтобы поговорить о деле, поэтому предлагаю воспользоваться случаем и немного поболтать.

– Следующего раза может не быть... У меня предвидится много работы в связи с выборами. О делах надо поговорить сейчас.

– Всё же я надеюсь, что у нас будет время... Просто Игорь отзывался о тебе, как о своеобразном городском философе. Вот я и хотела поговорить о чём-нибудь...

– Например? – спросил Михаил Александрович, подавившись лести.

– О религии.

– Серьёзно? – очень удивившись такому предложению, спросил прокурор.

– Почему бы и нет? – ответила Мари, глядя прямо в глаза.

– Вряд ли я могу считаться философом... Но, раз уж ты предложила... Знаешь, Мари, мне трудно назвать себя религиозным. Но в Бога я верю! Вообще, я считаю, что отрицать

существование чего-то выше нас – глупо. Возможно, люди приписали слишком большие способности Богу, но лучше верить, чем нет. В итоге я ничего не потеряю.

– Почему не потеряешь? – с интересом спросила Мари.

– Когда я умру, то: либо я исчезну вообще, либо появлюсь перед высшим судом. В первом случае, от жизни по церковным правилам я получу лишь добрую память современников, а во втором от праведной жизни перед высшим судом я предстану каким-никаким, но праведником.

– Любопытно.

– Скорее логично. Продолжим дальше, – сказал Михаил, всё больше оживляясь. – Сейчас люди, судящие о религии, в своём большинстве, не имеют о ней ни малейшего представления.

– Почему же?

– Потому что эти люди, когда-то хотели «войти» в религию, но были повёрнуты обратно...

– А из-за чего? – уже действительно заинтересовавшись спросила Мари.

– Всего лишь из-за бабулек (конечно же я утрирую), считающих себя святыми, и поучающими всех людей, которые в первый раз посетили церковь. При этом бабульки сами мало чего знают.

– Но от чего такие выводы? Сам же говорил, что не веришь...

– У меня был случай, – продолжил прокурор. – Одна-

жды в церкви, когда я ходил туда с народом, было очень душно и жарко. И одному маленькому мальчику стало плохо. Сопровождающая бабушка начала лихорадочно его крестить. Я же предложил вывести его на воздух. И знаешь, не все те люди, с которыми мне приходилось работать, смотрели на меня таким взглядом, как эта бабулька и её «единомышленники». Потом я рассказал эту историю митрополиту, и он, расстроено, согласился с тем, что люди плохо ориентируются в некоторых вопросах, придавая им слишком большую значимость.

– А как же церковные поборы? – ввернула Мари.

– Ну, во–первых, это встречается не во всех религиях. А во–вторых, по отношению к Русской Церкви подобные аргументы стали уже стереотипными! Конечно, может быть и попадаются такие священники, но, в своем подавляющем большинстве, прихожан никто не обирает. Они сами платят за услуги, оказываемые церковью. С другой стороны, есть услуги, заходящие за рамки разумного, но скорее всего это происходит от отсутствия истинного духовного воспитания как у священников, так и у тех, кто просит оказывать такие услуги. Конечно же, сравнивая внешние показатели, можно смело сказать, что церкви очень богаты, а митрополиты и патриархи одеваются очень роскошно! Но в этом есть доля традиций, изменённых и подогнанных под вкусы настоящих управляющих... Но не стоит забывать и о мистическом значении религии...

– Тем не менее, как замечала я, к религии относятся с каким–то отвращением.

– Ты видела когда–нибудь, в русскоговорящих странах, атеиста, который бы уважал религии? Нет таких! Мне не встречались! Все атеисты, в подавляющем большинстве, кричат на каждом углу, что религия уничтожает личность, убивает свободу, или обирает народ. И приводят множество аргументов. Как раз о церковных поборах и даже о крещении. Они считают, что нельзя крестить детей в младенческом возрасте, что это убивает их права на самоопределение. Но кто мешает этим детям отказаться от веры позже? Тем более, что религия сама говорит о самоопределении. Поэтому все слова подобного рода – это демагогия. Кстати, атеисты тоже не едины. Атеизм нельзя назвать религией, ибо атеист протестует против доминирующей в своей стране религии. Конечно, у церкви есть проблемы с духовным воспитанием своих прихожан, в отсутствие наглядных и понятных пособий. А у общества есть проблема с резким негативным настроением против церкви. К слову, подобное отношение нарушает права человека, за которые сейчас все так воюют. Но, безусловно, Церкви нужны реформы, но и людей стоит перевоспитывать.

– Даже не знаю, что тебе сказать. Ты меня очень удивил такими наблюдениями.

– Давай просто выпьем за всепоглощающую силу здравого смысла и за мировое понимание.

– Давай.

Вино было выпито. Ужин съеден. Голова разгружена. Михаил и Мари ещё немного посидели. Поболтали об окружающих людях. Попросили счет на двоих. Расплатились. И уехали из ресторана на машине прокурора.

Глава VII

Утром, после совместного завтрака, Михаил подвёз Мари до центра, а сам уже в половину девятого был в своём рабочем кабинете.

Два часа он работал с различными документами и уже собирался поехать к губернатору, чтобы рассказать о гарантированных инвестициях. Но в дверь постучали, и вошёл Загородний, выглядящий достаточно озабоченно, но Михаил Александрович списал это на рабочую ночь.

– Доброе утро, – поздоровался прокурор. – Как ночь? Дело готово для передачи в суд?

– Да, – кивнул следователь.

– Дмитрий сознался?

– Всё сделано, но...

– Что?

– Ещё одно убийство.

– И что? – скептически спросил прокурор.

– Таким же способом и таким же ножом.

– Где? – заинтересованным голосом спросил Михаил.

– В университетском общежитии.

– Ещё одна студентка?

– Нет. Парень. Аспирант юридического.

– Когда?

– Часов в девять.

– Ну, расследуй, что могу сказать...

– Да, да... – как-то неуверенно сказал следователь

Загородний уже собирался уходить, но видимо переборол себя, спросил:

– А как насчёт Дмитрия?

– А что с ним не так?

– Ну, я думаю, он не виновен в первом убийстве...

– То есть, думаешь, что убийства совершены одним человеком?

– Скорее всего.

– Был на месте?

– Сейчас собирался.

– Вот и съезди, и уже потом делай выводы. А Дмитрий подписал?

– Да.

– Тогда он виновен, – откинулся в кресле Михаил.

– Угу... – грустно ответил Загородний.

– Ладно, монах, поехали вместе. Там разберёмся, – сказал прокурор, настороженный резкой переменой мнения своего следователя.

Ехали каждый на своей машине. Через шесть минут добрались до общежития – каменного здания, помнящего Ста-

лина.

Прокурор и следователь прошли на третий этаж, в одну из комнат, залитую кровью лежавшего там молодого человека, рядом с которым крутился судебный эксперт.

– А он кто такой? – спросил Михаил, осмотрев комнату скучающим взглядом.

– Сергей Николаевич Моринов, 27 лет, аспирант юридического факультета. Убит так же, как и та девушка.

– Ясно, – сказал Михаил и прошёлся по комнате, осмотрев её беглым взглядом. – А кто нам так быстро сообщает об убийствах?

– Какой–то аноним, – непринужденно ответил следователь.

– Видимо, с этого не стоило начинать! – укоризненно посмотрел на следователя прокурор.

– А как же насчёт общественности? – ехидно спросил следователь.

– Скажите, что Моринов и был истинным отцом ребёнка, мать которого убил Дмитрий.

– Но Дмитрий не мог этого сделать. Убийство произошло в 9 часов!

– А я и не говорил о том, что Моринова убил Дмитрий. Вы, товарищ капитан, продолжайте расследовать убийство аспиранта, а виновник первого убийства, по–прежнему, внимание, капитан, – *сознавшийся* Дмитрий.

– Но...

– И не забудьте определить анонима. Понятно?

– Да...

– Всего хорошего. Докладывайте мне, – задумчиво произнёс прокурор.

Михаил вышел из общежития и поехал в администрацию. Через десять минут он был в кабинете губернатора и, расположившись на диване, рассказывал во всех подробностях, как провёл вечер, как провёл ночь, и сообщил о том, что регион точно получит инвестиции, а также выразил готовность помогать в подобных проектах сколько угодно – ему только в радость.

Но когда речь зашла об убийстве, которое заставило Михаила Александровича покинуть кабинет губернатора вчера, прокурор начал осторожничать, но всё–таки рассказал о любопытных совпадениях, умолчав личность подозреваемого и оправданность подозрений.

– Следи за этими делами и принимай меры. Не нужны нам убийства перед выборами.

– Ты уже говорил об этом...

– Я повторю ещё раз.

– Не надо, – улыбнулся Михаил.

– Ну и хорошо. Я сейчас поеду провожать полпреда, с ним вроде бы всё обошлось. Поэтому я предлагаю заняться своими делами, хорошо?

– В отличие от некоторых губернаторов, прибегающих

к магии гостеприимства, я всегда хорошо и вовремя делаю свою работу, к которой никто не подкопается... И поэтому я лучше поеду домой поспать после... ну ты понял.

– Ради Бога, делай всё что угодно.

– Прекрасно!

Заехав в прокуратуру и взяв некоторые документы, Михаил отправился домой, где в уютном кабинете под тёплыми лучами солнца, спокойно просмотрел отчёты и дела.

Стало скучно. Что-то ныло в душе. Михаил Александрович гнал от себя очевидные мысли, но в конце концов решил позвонить Мари.

– Привет, – наивно начал Михаил.

– Привет, – весело ответила Мари.

– Как провела день?

– Весело. А ты?

– Как обычно... Слушай, может мы...

– Прости, мне сейчас немного неудобно разговаривать.

Свяжемся потом. Хорошо?

– Ладно.

Прокурор взгрустнул, немного помечтал о том, что было предсказуемо, но собрался и решил заглушить томления своей души так, как он делал это обычно. Михаил позвонил начальнику полиции:

– Пётр Дмитриевич, можете прислать мне патрульную машину и двух сотрудников, хочу по городу покататься... Спа-

сибо.

Глава VIII

Патрульная машина забрала прокурора и поехала своим стандартным, ночным маршрутом. Прокурор и полицейские поговорили о жизни, о работе, покатались по городу, посмеялись, навели порядок в двух дворах, поймали наркомана, остановили пьяную потасовку – в общем занимались должным.

Так они прокатались до половины шестого утра и уже собирались заканчивать со сменой, но Михаилу позвонил Загородний.

– Здравствуйте, не разбудил?

– Абсолютно точно нет. Что случилось?

– Ещё убийство, полчаса назад, на Западном кладбище.

Звонил аноним. Группа уже выехала, я буду через пятнадцать минут. Вы приедете?

– Думаю даже раньше остальных.

– Хорошо.

– Поехали, товарищи, на Западное кладбище. Там нас ждёт достойное продолжение ночи, – обратился прокурор к полицейским.

Солнце уже вставало, но Западное кладбище оставалось мрачным от зловещих теней высоких старых деревьев. Прокурор и один из полицейских направились вглубь кладбища. Атмосфера была настолько гнетущей, что пришлось достать

пистолеты. Мерное покачивание скрипучих деревьев щекотало расшатанные бессонницей нервы. Михаил краем глаза заметил странное очертание белой фигуры вдалеке, но он лишь отмахнулся.

Послышался звук приближающихся машин, прокурор и полицейский немного успокоились и продолжили двигаться дальше. Наконец они нашли то, что искали, впрочем, это не оказало на них приятного впечатления. На мраморном, старом и забытом всеми надгробии растянулся труп женщины с кривым ножом, торчащим из горла.

– Господи! – воскликнул полицейский.

– Вряд ли это сделал он, – заметил прокурор, убрав пистолет за ненадобностью, мёртвых он не боялся.

Следственная группа отработала всё, что ей полагалось, а прокурор, устав от более чем суточного бодрствования и трёх трупов, поехал домой, предварительно отдав распоряжение капитану Загороднему, чтобы тот подготовил подробный отчёт о случившемся.

Но, видимо, не суждено было Михаилу попасть в тёплую постель, раздался телефонный звонок.

– Алло?

– Михаил Александрович, – послышался в телефоне голос следователя. – Хотите узнать кто была убитая?

– Ну давай... Рискни...

– Анастасия Леонидовна Петрова, 32 года, бывшая заклю-

ченая, нигде не работала.

– Очень интересно, – ответил спящим голосом прокурор. – Я лучше спать пойду. Соберитесь завтра у меня в кабинете.

– А не сегодня?

– Сегодня не могу, буду отдыхать.

– Кого позвать?

– Петра Дмитриевича, Димского, Вилкова и себя не забудь.

– Хорошо, отдыхайте.

– Спасибо.

Михаил завершил разговор, лёг в постель и уже в полудрёме подумал: «Неужели маньяк?»

Глава IX

Прошёл день. Все приглашённые пришли к прокурору, к ним присоединился губернатор.

Михаил Александрович, встал из-за стола и начал:

– Итак, думаю, что у людей, которые в курсе событий, уже сложилось мнение о случившемся. Но я, всё же, озвучу общее мнение: в городе маньяк.

Все удрученно кивнули.

– Это очень плохо и тем более за полторы недели до выборов. С этим нужно что-то делать. Какие идеи у вас есть?

Все промолчали.

– Маньяк, – продолжал прокурор, поняв, что надеется можно только на себя. – Должен действовать по каким-то

стандартам, но все жертвы различаются буквально во всём. Разные социальные статусы, разный пол, возраст, между ними просто не было ничего общего!

– Согласен, вроде бы нет ничего общего, но обо всех преступлениях сообщал один и тот же человек, личность которого нам не удалось установить, и способ убийства был одинаковым, – заметил начальник полиции Пётр Дмитриевич.

– Мы не знаем кто нам звонил? – спросил Игорь Сергеевич.

– Нет, – ответил ему следователь.

– Ладно. А что же нам говорить СМИ?

– Думаю, правду. Скрывать ничего не надо, если это всплывёт, то нам будет хуже, – ответил Михаил.

– Скорее всего, вы правы, – согласился губернатор.

Стук. Дверь открылась.

– Михаил Александрович, убили главу оппозиционного штаба, точно так же, – сказал, вбежавший в кабинет, дежурный.

– А вот это господа, действительно удар по нашей предвыборной кампании! – горячо сказал губернатор.

Все присутствующие выехали на место преступления. В своей квартире, выходящей окнами на реку, лежал убитый, известным нам способом, Александр Всеволодович Сикиров, глава областного штаба ультралевой оппозиционной партии.

– Сложно представить, какие последствия повлечёт за собой эта провокация, – сказал Игорь Сергеевич.

– Думаю, ужасные.

– Найти убийцу или маньяка, кого угодно, за два дня, – как-то задумчиво приказал губернатор.

– Для начала нужно установить анонима, – заметил прокурор.

– Мы знаем кто это, – неожиданно всплыл следователь.

– Кто?

– Наш старый друг Понырев.

– Серьезно? – удивлённо спросил прокурор. – Не ожидал.

Где он?

– Его отвезли в СИЗО.

– Вы тут разбирайтесь, – сказал прокурор. – А я тогда к Поныреву.

Прокурор вышел из квартиры, оставив в ней следователя, двух своих заместителей, начальника полиции и, непонимающего что он здесь делает, губернатора.

Глава X

В СИЗО Михаила Александровича провели в допросную комнату, где спокойно сидел городской бездомный, лидер всех бродяг и просто неработающий (но талантливый) человек.

– Ну что, господин Понырев, поехал ты от такой жизни, – с какой-то неприязнью проговорил прокурор. – Рассказывай всё об убийствах.

– Михаил Александрович, – начал совершенно спокойно обвиняемый. – Вы меня прекрасно знаете, я вам часто помогал, вы часто помогали мне... Думаю, за это время мы смогли достаточно хорошо изучить друг друга, чтобы вы поняли – я не имею к случившемуся никакого отношения.

– Я и не говорил, что ты убийца. Я говорю тебе, что ты маньяк, – усмехнулся Михаил.

– Да что вы! Какая принципиальная разница.

– Не оstri, уважаемый. Предположим, что я тебе пове­рил. Тогда ответь, почему ты сообщал обо всех убийствах? Почему представлялся анонимно? А?

– Ну, во-первых, не обо всех, а только о трёх.

– Не важно, – прервал прокурор.

– А анонимом я представлялся, потому что мне так хоте­лось.

– Безумно логично, – посмотрев на подозреваемого взглядом полным превосходства, ответил Михаил. – Хорошо, давай так: сможешь назвать мне три причины, почему мы не должны тебя хотя бы подозревать?

Повисла пауза. Понырев напряжённо стал думать. Думал долго. Прокурор не выдержал:

– В таком случае я назову тебе три причины для *подозрений*. Первая. Ты знал обо всех убийствах и сообщал о них. Вторая. Ты умеешь владеть ножом, мне это прекрасно известно. Третья. У тебя была реальная возможность совершать эти убийства... Достаточно?

– Для вас – да.

– Ну и прекрасно. Адвоката я тебе найду. Следствие закончится. Обвинять тебя буду я.

– Спасибо. Большое спасибо, – с сарказмом сказал обвиняемый.

– Не благодари, – аналогичным образом ответил прокурор.

Михаил Александрович вышел из допросной камеры. Сильно болела голова. Михаил поехал домой. Пришёл. Уснул прямо на диване. В два часа ночи проснулся. Что-то в душе, не относящиеся к убийствам, очень сильно болело...

Глава XI

Михаил Александрович сидел дома, в столовой, думал:

«Убийства происходили в какой-то определённой последовательности.

Возраст первой жертвы 19 лет, пол женский, убили в 10 часов утра, студентка факультета журналистики.

Возраст второй жертвы 27 лет, пол мужской, убили в 9 часов утра, аспирант юридического факультета.

Возраст третьей жертвы 32 года, пол женский, убили в 5 часов утра, когда-то сидела в тюрьме, не работала.

Обо всех убийствах сообщал аноним, который вероятно и был убийцей, играющим в игру с полицией, но четвёртое убийство...

Возраст четвертой жертвы 31 год, пол мужской, убили в 4 часа утра, глава ультралевой оппозиционной партии в об-

ласти.

Какая же здесь закономерность? Что мотивировало Понырева? А может быть и не Понырева?

Убитые не имели между собой связи. Не были знакомы. Работали в разных сферах. Были разного возраста и пола. Какой же алгоритм? Если бы это сделал Понырев, то, чем бы он мог руководствоваться? Ему от этих убийств ни жарко, ни холодно. Вряд ли он мог стать маньяком за такой короткий срок. Может быть и не Понырев убийца?

Надо отпустить и его, и Дмитрия. Рискнуть. Может быть ловить на живца?»

Прокурор ещё раз посмотрел на свои записи с данными жертв.

«Ха! Это ведь неожиданно, но интересно. Нужно ехать в Следственный Комитет!».

Прокурор, обрадованный своей находкой, поехал к Загородному.

Глава XII

Загородний выходил из своего кабинета, когда послышались шаги по коридору, и вскоре появился прокурор.

– Надо выпустить Дмитрия и Понырева, они невиновны, – быстро сказал Михаил.

– Почему вы так решили? – спросил следователь, вновь открывая кабинет.

– Как думаешь, что объединяло убийства? – ответил вопросом прокурор.

– Я думал над этим, но ни к чему не пришёл...

– Цифры! Все преступления были математически закономерны!

– То есть?

– Возраст следующей жертвы был суммой возраста предыдущей жертвы и разности второй и первой цифр возраста предыдущей.

– Не понял, – лаконично, видимо из-за усталости, ответил следователь.

– Студентке было 19 лет, возраст аспиранта 27 лет. Сколько лет разницы?

– Восемь.

– А девять минус один сколько?

– Восемь.

– Совпадение?

– Не думаю.

– И так со всеми, – сказал прокурор. – И во времени тоже закономерность.

– Какая?

– Время – это сумма цифр возраста.

– Тоже у всех?

– Да.

– А их пол?

– Там чередование девушка, мужчина, девушка, мужчина.

– Что с профессией?

– А вот в этом самое интересное. Знаешь, все три первые

жертвы, точнее их род деятельности соответствовали жизненным этапам нашего дорогого оппозиционера.

– Значит маньяк был заиклен на убийстве оппозиционера, *это* была его маниакальная идея?

– Плохой каламбур... – отмахнулся Михаил. – Вот в том то и дело, что убивал всех их не маньяк!

– Почему?

– Потому что не было первой жертвы, которая должна была быть при такой закономерности.

– И кто же должен был быть первой жертвой? – спросил следователь, окончательно разговорившись.

– Мальчик, четырнадцать лет, убитый в пять часов.

– И кто же тогда убивал, если не маньяк?

– А вот этого я не знаю, – пожал плечами Михаил.

– Ну, а какой хотя бы мотив?

– Я же сказал – оппозиционер. Это было провокационное убийство, прикрытое тремя другими, для создания иллюзии наличия маньяка, чтобы мы пошли по неправильному пути.

– А почему не Понырев–то? – недоумевая, спросил следователь.

– В этом я убеждён, но потом объясню... Выпусти его и доставь ко мне. Мы с ним съездим в сосновый бор. Только скажи, чтобы его помыли.

– Хорошо. К обеду всё устрою.

Глава XIII

В сосновом бору далеко за городом, находились малень-

кие, уютные домики главных должностных лиц области. Туда, в одно из самых своих любимых мест, поехал Михаил Александрович, чтобы отдохнуть от людей и подумать об убийствах и о себе. Для мыслей об убийствах прокурор взял Понырева (его отмыли и приодели), а о себе – свой дневник.

Дорога была пустой и ровной, и если пустота указывала на рабочий день, то ровность указывала, что дорога идёт на Москву (но справедливости ради скажем, что большинство дорог в области были неплохими).

Когда приехали в бор, было уже пять часов вечера, и после распаковки вещей и осмотра дома, сели ужинать.

– Ну, товарищ мой, что ты думаешь об этих убийствах? – непринуждённо спросил прокурор.

– Как–то странно это слышать из уст недавнего обвинителя, – ответил Понырев.

– Ну не обижайся, меня дезинформировали, только и всего. Думаю, ты меня поймёшь. И более того поможешь мне на конечном этапе.

– А вот тут согласен, – ухмыльнулся бездомный.

– Тогда расскажи свои соображения.

– Ладно, – сказал Понырев. – Каждый раз перед совершением какого–то убийства я видел фигуру в белых одеждах, направляющуюся в сторону будущего места преступления.

– А как ты так удачно оказывался на местах преступления?

– Чистое совпадение.

– Поверю на слово... Не стану на этом зацикливаться, – равнодушно бросил Михаил Александрович. – Давай дальше.

– А чего дальше? Кроме того, что я видел, а потом звонил и того, что слышал в новостях, я больше ничего не знаю. Поэтому вряд ли я буду полезен.

– Ну всё равно спасибо... Можешь, в благодарность за освобождение, убрать со стола?

Понырев посмотрел гордо, но смирился под взглядом прокурора.

После ужина Михаил пошёл на второй этаж в свою спальню. Он долго сидел за чтением своего дневника, думая о Мари. Очнулся, было уже девять, отогнал от себя приятные, но ненужные, мысли и вышел на балкон.

Сосновый бор уже погружался во тьму, окна домов директоров департаментов горели ярким светом. Бор затягивал вечерний туман. Странная тень привлекла внимание прокурора. Он вновь вошёл в дом и вернулся с биноклем. Направил его в ту сторону, где была тень. Холодный пот пробежал по спине. Тень отбрасывала фигура в белых одеждах непонятного предназначения. Та, которую описывал ему Понырев. Михаил лихорадочно проводил устные расчёты, не отводя глаз от фигуры. Немного успокоился, поняв, что не может быть следущей жертвой.

На балкон выбежал Понырев.

– Михаил Александрович, она! Эту фигуру я видел около мест четырёх убийств!

Михаил отдёрнулся от бинокля, посмотрел чуть одурманенными глазами на своего гостя, кивнул, стал смотреть опять. Но фигура исчезла.

– Странно это...

– Она прощалась, – задумчиво проговорил Михаил. – Ты говоришь, что знал обо всех четырёх убийствах?

– Да.

– Тогда почему ты не сообщил о последнем вовремя?

– Она мне сказала.

– В смысле?

– Когда я выслеживал предполагаемую жертву убийства, сзади я слышал, что кто-то меня зовёт: «Поэт!»

– Почему ты подумал, что тебя?

– Ну, ведь все меня зовут Понырев, а так звали героя в романе «Мастер и Маргарита», Ивана Бездомного.

– Ага... Ясно, – поморщился про себя прокурор, – И что она ещё сказала?

– Ничего. Только позвала и показала в противоположную сторону рукой.

– Ага...

Минуту просидели молча. Понырев смотрел на прокурора, прокурор смотрел в душу. Наконец он пробудился, сказал:

– Друг мой, закрой все двери и окна. И иди спать.

Понырев ушёл. Прокурор продолжал сидеть. Просидел ещё полчаса. Взял свой дневник, начал просматривать записи с начала недели. Чем больше он читал, тем больше усиливалась его тревога. Постепенно в памяти начали обрисовываться четкие воспоминания. Но они были не так радостны. Михаил закончил читать, отбросил дневник, напряжённо задумался. Стало холодно. Михаил понял, что не закрыл балкон. Вышел туда, в надежде увидеть за соснами тень. Но, к сожалению или к счастью, ничего не было...

Уже утром раздался звонок телефона.

– Да?

– Приезжайте в город... Семь тысяч человек вышли на улицу.

Глава XIV

Прокурор с Поныревым мчались в Лимск, где с семи часов на площадь выходили люди с лозунгами «За честные выборы!», «Свобода слова» и прочей ерундой, которая очень сильно подставляла действующую областную власть.

Когда Михаил Александрович въехал в город, около девяти часов, на площади было уже пятнадцать тысяч человек. Губернатор и мэр пытались успокоить митингующих, но их слова оправдания никто не желал слушать. Властелины города были освистаны, и под улюлюканья толпы согнаны со сцены.

Машину прокурор оставил подальше от площади, мало ли что... А сам направился в эпицентр событий. Где-то около площади, в музее искусств, Михаил Александрович нашёл собравшихся вместе, многочисленных городских чиновников.

– Михаил Александрович, может быть вы попробуйте с ними поговорить? – увидев прокурора раньше всех, спросил мэр Лимска.

– Может быть и попробую, – ответил Михаил. – Вы только скажите мне, как вы планируете их разгонять, кроме слов?

– Со стороны всех улиц, ведущих на площадь, стоят пожарные машины, – ответил Петр Дмитриевич, таинственно кивнув.

– Ну, теперь можно будет и поговорить, – слабо улыбнулся ему прокурор.

Он вышел на сцену с микрофоном в руках и в своей форме советника юстиции. Толпа шумела и на его появление никак по-особому не отреагировала.

Неожиданно для всех собравшихся прозвучал выстрел. Все смолкли. К радости прокурора (стрелял именно он, в воздух, конечно) площадь покинули несколько десятков человек.

– Здравствуйте, товарищи! – крикнул, и без микрофона громко, прокурор. – Некоторые из вас меня знают, но я всё же представляюсь – прокурор области, Михаил Александрович Божесов, – по толпе пронёсся рокот. – Возможно,

меня можно назвать виновником произошедшего. Но одновременно с этим, я пришёл вас успокоить, – слышались неодобрительные возгласы толпы. – И рассказать вам истинные причины убийств. Сразу хочу сказать, что это не враньё и не традиционные отговорки. И в доказательство своих слов я спущусь к вам, – под уже немного одобрительные звуки, издаваемые толпой, прокурор спустился со сцены. – Итак, для начала хочу спросить, что вас сюда привело? Вижу на ваших плакатах требования о честных выборах, о свободе слова и прочем... Но есть вопрос, что вам не нравится сегодня? Вы не можете говорить свободно? Тот факт, что вы стоите здесь и вас не давят полицейские, говорит об обратном. Разве не так? А насчет честных выборов, если я не ошибаюсь, то они ещё не прошли, и делать выводы об их честности немного глупо... Но я понимаю, что вы озадачены и введены в заблуждение смертью господина Сикирова. Вы считаете, что *мы* убили его, якобы «боясь честной конкуренции». Смешно! Не так ли? Даже если предположить, что мы все обманщики, воры, уроды и прочие аморальные типы, то нас ни в коем случае нельзя назвать идиотами, неспособными предвидеть последствия от громкого политического убийства. Мы кто угодно, но не придурки!

Вновь толпа зашумела.

– Слышу вы со мной не согласны, это ваше право, которое я не буду у вас отбирать. Но скажу, что гражданина Сикирова убили «братья по цеху», такие же оппозиционеры, чтобы

вывести таких, как вы на улицу и дискредитировать действующую власть! – прокричал каждое слово прокурор. – А теперь задумайтесь. Задумайтесь, задумайтесь! Что вам плохого сделала власть? Вы голодаете? По вам не видно. Вам не на что одеваться? Тоже не видно! Не собираюсь заниматься философией, если вы не заплатили за билет на площадь, но позволю себе одну смелую мысль. Если человек счастлив, не обременён проблемами выживания, то он может и подумать о том, чему возмущаться... так, развлечения ради. Вы можете меня возненавидеть за такие слова, но это не совсем мои умозаключения. Резюмируя, вас просто обманули, вами воспользовались, создали вам проблемы, пустили пыль в глаза... Так решайте кто вы: стадо баранов, которое реагирует на любой фейк, или умные люди, понимающие, что для них хорошо. Задумайтесь...

Прокурор вышел из толпы. Вернулся в сторону чиновников. Они стояли удивлённо. Люди молчали. Через полчаса толпа начала потихоньку таять.

– Как тебе это удалось? – спросил ошеломлённый губернатор.

– Эмоции... Хотя я не сказал ничего в подтверждение своих мыслей... Так, голословные утверждения! Но, думаю, вашей карьере здесь, Игорь Сергеевич, пришёл конец, – сочувственно улыбнулся Михаил Александрович.

– К сожалению, ты прав... Ну, хоть расскажешь об убий-

ствах. Пойдемте все в администрацию. Послушаем.

– Наверно вы все уже знаете алгоритм убийцы. Но суть в том, что три убийства прикрывали последнее. Убили нашего оппозиционера как раз для того, что я сегодня, думаю успешно, разрулил.

– Кто же был убийцей?

– Этого я не знаю, – робко ответил прокурор. – Понырев утверждает, что всех убивала странная фигура в белых одеждах.

– И личность мы не сможем установить?

– Думаю, нет, – сказал Михаил, умолчав о том, *кого* видел в сосновом бору. – *Этот человек* скрылся из нашей области. *Он* выполнял задание оппозиционного штаба, для, как я говорил, дискредитации выборов в областную думу. В какой-то степени у них это получилось. Нас всех снимут с должностей.

– Кроме вас, Михаил Александрович, – заметил Петр Дмитриевич.

– Вероятно, меня даже повысят, – улыбнулся прокурор. – Но дело не в этом. Наше следствие положит начало арестам в верхушке оппозиции. Они грандиозно себя подставили этим актом. Хотя, он мог бы увенчаться успехом, но только там, где нет такого как я, – гордо сказал прокурор.

– Да, конечно, – согласился Лев Антонович.

– Я прошу прощения, последнее время у меня не получа-

лось выспаться, поэтому я вас оставлю до вечера. Тем более, нам всем придётся писать длинные отчёты, – говорил уже в дверях прокурор. – До встречи!

По пути домой ему пришло сообщение от Мари:

«Здравствуй, Михаил! Как я только что узнала, ты свёл на нет все мои достижения от пребывания в вашем городе... Что уж «достижения»! Ты сделал мои грехи напрасными!

Впрочем, я благодарна тебе и, скажу честно, не ожидала от тебя такого. Зря ты не назвал моё имя на площади, ведь сам сказал, что это псевдоним, тем более что всё моё пребывание в Лимске было таким же, как и пребывание Хлестакова в уездном городе (хотя ты, литературистик, можешь оспорить моё заявление). Спасибо тебе. Не ожидала от тебя должностного преступления. Надеюсь, ты не влюбился?

Строй карьеру, Михаил, я тебя не забуду, думаю так же, как и ты меня...

Может быть, встретимся».

Часть вторая

Блеф

Глава I

Лето. Какое интересное слово. Сколько счастья для школьника кроется в нём. Сколько опасений кроется

в нём для выпускника. Сколько неизвестности для студента. Сколько обычного для работающего человека. Сколько хлопот для чиновника.

Каждому хочется отдохнуть... Закрыть глаза и, хотя бы недельку, плыть по воде, в лучах солнца, в волнах прохлады.

Но, увы, жизнь заставляет нас работать всегда, ибо неделя плавания по воде может унести нас в открытый океан, откуда нельзя более вернуться.

Да... Жизнь – тяжёлая вещь. И она сложна для всех: и для школьника, и для выпускника, и для студента, и для работника, и даже для чиновника. Все они должны действовать, дабы не попасть в океан. Действовать по-разному, но с одной целью. Действовать – во благо своих личных интересов.

Даже чиновник, основной задачей которого является формирование условий для плавания работяг или контроля «стока» людей в океан, даже он подвластен течениям земных вод и гребёт от океана, «огребая» по головам других. Так и живём... А что удивительного? Всё по законам природы. Но может стоит начинать жить ради общества?

Лето, как это ни странно, не смогло миновать и Лимской области. Михаил Александрович Божесов, после прошлогодних событий перед выборами в областную думу ставший губернатором родной области, мчался на своём служебном автомобиле в D-ский монастырь, встретить своего школьного друга, присланного в Лимскую епархию новым архиереем.

Рядом с губернатором сидел, вдохновенно о чём-то вещая, его секретарь Даниил Николаевич Вилов, перешедший за Михаилом Александровичем из прокуратуры в областную администрацию.

– Михаил Александрович, вот зря мы не позвали журналистов на эту встречу! – в третий раз пожаловался Даниил Николаевич. – Мы бы использовали это в качестве прекрасного пиара на пустом месте...

– А разве бывает иной? – иронично спросил Михаил Александрович, чем очень сильно обидел своего секретаря, считавшего основной своей обязанностью привлекать внимание общества к губернатору.

После такого обращения, ущемляющего его профессиональные достоинства, секретарь отвернулся к окну, с мыслями о том, как тяжело работать с человеком, не имеющим рамок поведения. Правда, как это обычно бывало у Даниила, эти мысли быстро прошли, и он вспомнил, что начальнику отсутствие рамок всегда шло только на пользу, и начал заново:

– Задумайтесь! Первым в области встретитесь с владыкой Михаилом, который, к тому же, был вашим другом...

– Владыкой Михаилом? – пробудившись от своих мыслей, заинтересованно спросил Михаил Александрович.

– Да, Михаилом, вы не знали? – скороговоркой ответил секретарь, не обращая внимания на тон губернатора; продолжал, – И вот, ваш знакомый теперь возглавляет епархию

в вашей же области! Такие возможности! Эх...

– Даниил Николаевич, мои действия совершенно оправданы, отсутствие журналистов – это лучшее, что можно представить.

– Но... – попытался возразить секретарь.

– А ваша задача, – раздражённо говорил губернатор, – не думать о том, как надо было сделать, а думать, как преподнести свершившиеся факты в выгодном свете... Вот и думайте, а не отвлекайте меня.

Секретарь кивнул в знак согласия, осознавая, что болтать дальше будет неразумно, и, будучи человеком исполнительным, начал думать о том, что ему посоветовали.

Машина губернатора въехала на территорию огромного монастыря, административного центра Лимской епархии.

У величественного, с колоннами, белого здания в три этажа, машину встречал молодой епископ Лимский.

– Доброе утро! – произнёс добродушно епископ с широкой улыбкой на лице, протягивая руки в сторону Михаила Александровича. – Сколько лет мы с тобой не виделись!

– Дольше, чем можно было, – разделяя радость встречи, подхватил губернатор.

– И не говори!

Губернатор и епископ обнялись, чем заставили секретаря Михаила Александровича, ещё раз, но уже молча, пожалеть об отсутствии журналистов.

– Пройдёмся? – предложил епископ, указывая на кедровую, монастырскую аллею.

– С удовольствием. Заодно и поговорим.

– Это хорошо. Поговорить – это пожалуйста.

– Поговорить – это непосредственная часть твоей профессии, – кольнул губернатор.

– Да и в твоей, до недавнего времени, было важно говорить, – парировал епископ.

– Это и не изменилось. На посту губернатора мне приходится слишком много разговаривать. Даже больше, чем на посту прокурора... Кстати, мне тут птички напели, – еле заметно кивнул Михаил Александрович на секретаря, – Что тебя теперь зовут Михаилом... И как это тебя угораздило?

– Лотерея, – кратко ответил епископ, но заметив вопросительный взгляд тезки пояснил, – Перед постригом нам давали мешочек с разными именами. Вот и вытянулось такое имя.

– Интересно будет смотреться! И губернатор Михаил, и епископ Михаил! Шутки начнут шутить...

– А нам какая разница? – спросил епископ. – Не всё ли равно, что будут говорить?

– Это тебе может быть всё равно, а мне, как объекту народного волеизъявления любые слова могут навредить, – с печальной улыбкой заметил Михаил Александрович.

– Всё те же мысли о власти, как и в школе! И куда же ты теперь метишь?

Губернатор улыбнулся, но ответил с видимой охотой:

– Теперь в кабинете министров тревожно. Мой хороший друг, даже наш общий знакомый...

– Игорь Сергеевич, бывший губернатор? – тоном знатока политической жизни перебил епископ.

– Ты хорошо осведомлён, наблюдал за жизнью малой родины? – смеясь спросил губернатор. – Так вот, мой друг, теперь работающий в аппарате правительства, сказал мне, что должность министра юстиции скоро освободится... И у меня есть все шансы поучаствовать в борьбе за тёплое место.

– Ты слишком молод для этой должности! Да и больно быстрый подъем по служебной лестнице!

– Ничего страшного. Самый старший из кандидатов, старше меня только на шесть лет, а карьерный рост вполне обыкновенен... Никаких проблем, всё возможно...

– И каким же образом? – с улыбкой спросил епископ.

– Я уже много смог сделать, как губернатор! – увлекаясь ответил Михаил Александрович. – Уже построена федеральная трасса, такая скорость строительства была замечена наверху; началось строительство газопровода через область; найдено три с половиной тысячи рабочих мест; в регион *отечественные* компании проинвестировали три миллиарда. Всё прелестно! Я точно в числе претендентов.

– Я рад за тебя, – ответил епископ, только чтобы поддержать поток откровений своего друга, больше похожий на хвостовство.

– А ещё, – добавил губернатор полушёпотом. – Я встретился с ним, дважды, – сказал Михаил Александрович, поднимая палец вверх.

– С Ним? – переспросил, с тонкой иронией, епископ, посмотрев в сторону куполов монастырского собора.

– Да нет же! – засмеялся губернатор. – С Ним мне ещё рано видаться, тем более дважды.

– Да понял, понял, – смеялся епископ, разворачиваясь.

– Но самое главное! – продолжил свою речь губернатор, следуя за епископом. – Я смог устроить большую ювелирную выставку!

– Вот уж достижение, так достижение! Три миллиарда инвестиций с ним никогда не сравнятся!

– Ну не надо сарказма! – прервал губернатор. – На выставку приедет герцогиня Кервинская и привезёт изумрудное ожерелье королевской семьи.

– И какая от этого польза? – спросил епископ скептически.

– Это всё те же баллы, – ответил губернатор. – Баллы в мою пользу. Я, губернатор Лимской области, кандидат на пост министра юстиции, могу не только решать проблемы в своём регионе, но и налаживать международные связи. Если герцогине всё понравится, то это безусловно сыграет в мою пользу.

– Тем не менее, не стоит забывать, что должность министра ещё не освободилась, – заметил епископ.

– И что? В этом моё преимущество. В отличие от своих конкурентов, я уже начал готовиться, и это выглядит не как дешёвая чиновничья показуха, а как мой образ жизни.

– Ну ты и интриган! Со школы никаких изменений, – восторженно, а может быть и лъстя, сказал епископ.

– Да, да, да... Мне всё шло на пользу. Благодарен нашей школе. Она воспитала во мне такого чиновника.

– Удивительное образование!

– Вообще... Все до сих пор пытаются найти дно у этого кладезя мудрости.

– Философия... На выставку пригласить не желаешь?

– А это великолепная идея! Там ты себя и представишь!

Выставка 25 июня, на набережной, павильоны уже построены, охрана вымуштрована, – ответил губернатор, садясь в машину, к которой подошли очень незаметно.

– Прекрасно, тогда через три дня встретимся.

– Надеюсь. Пока!

Машина выехала за территорию монастыря. Даниил Николаевич не мог долго сидеть в молчании и не выдержал:

– Как всё прошло?

– С его преосвященством, владыкой Михаилом, мы обсудили стратегию сотрудничества между администрацией области и епархией. Достигли понимания и поделились планами развития, вверенных нам структур.

– Ясно... – вздохнув ответил секретарь.

Глава II

Много изменилось в Лимске за год. Старая областная власть ушла, фактически в полном составе, и на их должности назначили новых чиновников из столицы. Жителям области перемены были интересны, пока не началась осень, а с нею и мирские заботы, которые очень хотел облегчить им (и немного себе) Михаил Александрович.

Губернатор—прокурор смог наладить хорошие отношения со всеми: и с новыми чиновниками, узнав о них много интересного от экс—губернатора, которому повезло пойти на повышение в Москву; и со старым электоратом, — но даже у такого дипломата, как Михаил Александрович, возникали трудности...

Его преемник, исполняющий обязанности областного прокурора Сергей Васильевич Смолов, будучи чьим—то протеже, не впал в зависимость от решений своего предшественника, к тому же из—за профессиональных разногласий понимание между новой прокуратурой и новой областной администрацией не было достигнуто.

Справедливости ради, скажем, что Лимской области везло с прокурорами. Последние четыре синих мундира были большими профессионалами своего дела. Исключение не составлял и Сергей Васильевич. Только он был более замкнутым и педантичным.

Но человеческая неприязнь должна уступать должностным обязанностям, поэтому исполняющий обязанности про-

курора Лимской области мчался в областную администрацию на совещание...

Михаил Александрович переделал всё в здании Лимской администрации. От туалетов и коридоров до приёмной и галереи, от дверей в комнаты до плитки на полу, от цветов на подоконниках до лестниц на чердак. Одним словом, обустроил себе дворец (даже три комнаты нашёл для ночёвок) за бюджетные деньги, впрочем, благодаря давлению на подрядчика, денег было затрачено мало, а украдено и того меньше (и даже не Михаилом Александровичем).

И вот, в администрации был созван совет, посвящённый грядущей выставке.

– Я вижу, все в сборе, – сказал Михаил Александрович, выходя из соседней с залом заседаний комнаты, используемой им в своих личных целях. – Да вы сидите, сидите, – замахал он руками на областных чиновников. – Давайте сразу к делу. У нас с вами пройдёт выставка... Не простая выставка, золотая, и это буквально так. Общая цена всех выставленных изделий превышает сто миллионов долларов, а жемчужина выставки – изумрудное ожерелье – стоит все двадцать. Как понимаете, у нас с вами две задачи. Не допустить хищения драгоценностей и оставить приятное впечатление у герцогини Кервинской о России, последнее, наверное, будет трудно, но всё равно крайне необходимо, – присутствующие понимающе закивали.

– Так вот, – продолжил Михаил Александрович, – я готов огласить список присутствующих официальных лиц и ответственных за безопасность. Сразу говорю, эти решения выдуманы не мной, я сам только что получил этот список... Итак, открывают выставку: я; новый епископ Лимский, – чиновники переглянулись, но губернатор не обратил внимания, продолжил, – мой секретарь Даниил Николаевич; разумеется, директор выставки Пётр Сергеевич; многоуважаемый директор департамента образования и исполняющая обязанности директора лицея №308 Марина Васильевна, – Михаил Александрович театрально показал на неё. – Сама герцогиня Кервинская перережет ленточку; её будут сопровождать переводчица; племянник; а также сотрудник МИД РФ, не написано как его зовут... За безопасность отвечает... девушка! – удивленно воскликнул Михаил Александрович, всматриваясь в лист бумаги. Убедившись, что со зрением у него всё в полном порядке, губернатор посмотрел на начальника Службы Безопасности, который утвердительно закивал.

– Да нет, вы неправильно поняли, – смеясь продолжил губернатор. – Я только за то, чтобы девушки присутствовали на этом вечере, только боюсь, думать им будет сложно в окружении драгоценностей. Ха-ха-ха! Гм... Однако я отвлёкся. Фёдор Васильевич, – обратился Михаил Александрович к начальнику Службы Безопасности, – обязательно пришлите ко мне эту девушку... Я её проинструктирую... Так! Опять отвлёкся. Хотя вроде бы всё. Вопросы есть, то-

варищи?

– А если я не приглашённое лицо, то можно прийти так, как посетителю? – спросил председатель думы Лимска.

– А вы, Венедикт Петрович, наверняка с женой? – спросил с улыбкой губернатор, на что Венедикт Петрович скромно кивнул. – Нет, нельзя. На открытии будет присутствовать ограниченное число *приглашенных* гостей из числа бизнес–элиты, всего около шестидесяти. Будет фуршет, небольшой концерт нашей Филармонии, а сам вход для *неофициальных*, но *приглашённых*, лиц будет стоить десять тысяч долларов, которые мы перечислим в Фонд Красного Креста на помощь голодающим детям Атлантиды... Эм... То есть, Центральной Африки... Африки, конечно...

– Значит, вход можно купить? – спросил Венедикт Петрович.

– А у вас таки есть свободные десять тысяч долларов? – почему–то с одесским акцентом спросил Михаил Александрович. – И откуда такие богатства у народного избранника? Думаю, если вы купите себе два билета, наш новый прокурор с удовольствием проверит вас... Верно, Сергей Васильевич?

– Вы правы, как всегда.

– Ну вот видите? – развёл руками губернатор.

– Михаил Александрович, а как же простые люди? Как они смогут увидеть украшения? – спросил директор департамента культуры.

– Очень просто. Первые два дня пройдут в главном пави-

льоне, куда вход будет стоить две тысячи рублей. А оставшиеся неделю менее ценными, но такими же красивыми украшениями, смогут насладиться все желающие за тысячу рублей.

– А... – начал кто-то.

– Думаю, я ответил на все вопросы, – поспешил губернатор. – Извините, у меня сейчас по плану визит в эти самые павильоны. Рад был поболтать, приходите ещё, – губернатор встал и направился к главной двери. Все тоже встали и проводили его взглядом.

Проходя мимо прокурора, Михаил Александрович остановился, спросил:

– Вы сейчас свободны, Сергей Васильевич?

– Очевидно, да.

– Тогда поехали со мной на осмотр.

Прокурор нехотя согласился.

– Вы чем-то недовольны? – спросил Михаил Александрович прокурора.

– Мне не нравится, что я не приглашён на открытие выставки.

– Как? – воскликнул губернатор. – Разве я вас не назвал? Вы, разумеется, приглашены, как официальный гость... Наверное, я просто отвлекся на начальника охраны выставки... Ха-ха! А ваше присутствие обязательно, Сергей Васильевич.

Даниил Николаевич, сидящей на переднем сидении авто-

мобиля, заметил, что при этих словах губернатор развеселился, а прокурор стал ещё угрюмее. Секретарь, хоть и был достаточно наивным (впрочем, людям свойственно меняться), но понимал, что для Михаила Александровича это был способ уколоть своего косвенного врага, сыграв на его гордости.

– А вот и приехали, Сергей Васильевич! – радостно воскликнул губернатор, открывая дверь. – Ну, как вам павильоны?

– Мрачновато, – ответил прокурор, словно сам должен был со дня на день принять в себя множество гостей.

– Да что вы? По–моему, очень хорошо! Облицовка черным мрамором великолепно будет смотреться на фоне белой колоннады набережной.

– Исправить уже ничего нельзя, – заметил прокурор.

– Не исправить, а усовершенствовать! – радостно поправил губернатор. – Учитесь подбирать оптимистические синонимы к словам. В нашей профессии это просто необходимо.

– Вы правы, – согласился прокурор.

– Эх... – губернатор махнул рукой на прокурора. – Скучный вы человек... Даниил Николаевич, хватит смотреть мечтательно на теплоходы, в августе поедем на них по области. А теперь за мной, на проверку, к таджи... в смысле, к рабочим. Давайте, давайте.

Михаил Александрович со своим секретарём направи-

лись в павильоны, оставив прокурора на набережной.

Поняв, что от него мало пользы в этом месте (Михаил Александрович и без прокурора смог бы указать на проблемы стройки), Сергей Васильевич уехал к себе.

Глава III

– Даниил Николаевич! – позвал губернатор секретаря, завязывая галстук–бабочку перед зеркалом в одной из жилых комнат администрации.

– Да? – вошёл секретарь.

– Позвоните директору выставки и скажите ему, чтобы концерт был перед торжественным открытием, а после открытия что–нибудь продолжало тихонько играть фоном.

– А в чём дело? – спросил Даниил Николаевич.

– Герцогиня вынуждена задержаться, по причинам халатности департамента дорожного хозяйства, – ответил Михаил Александрович, продолжая мучиться с бабочкой. – Поэтому нужно чуть–чуть сдвинуть время открытия... Аллилуйя! Получилось! – с облегчением вскрикнул губернатор, завязав бабочку.

– А фуршет оставить на время после открытия? – осведомился секретарь.

– Да, но во время музыкальной части стоит разносить напитки. Это будет мною приветствоваться, впрочем, как и гостями.

– Сейчас сообщу, – сказал секретарь, выходя из кабинета. – Вы когда поедете?

– Уже собираюсь, – ответил губернатор, надевая смокинг. – А вы встретите герцогиню и её «свиту».

– Хорошо, – немного недовольно проговорил секретарь и вышел из кабинета.

Михаил Александрович, в последний раз посмотрев на себя в зеркало и найдя себя достаточно презентабельным для предстоящего вечера, запер комнаты и спустился на парковку выбирать подходящий такому случаю автомобиль.

– Батюшки мои, Фёдор Васильевич! – наслаждаясь происходящим и заранее смеясь над начальником Службы Безопасности, театрально воскликнул Михаил Александрович. – Неужели вы нашли десять тысяч, чтобы посетить сие мероприятие?

– Я, как начальник Службы Безопасности, просто обязан... Присутствовать на этом вечере, – запинаясь отвечал Фёдор Васильевич.

– Да? И денег не заплатили?

– Н–нет...

– Печально, печально. Отправляйтесь–ка вы в Управление или домой.

– Но...

– Никаких «но»! За безопасность отвечает Екатерина Алексеевна, с которой я вас просил меня познакомить, но вы видимо забываете о таких мелочах! – делая вид что сердится говорил Михаил Александрович.

– Да что вы! – испуганно воскликнул Фёдор Васильевич. – Вот она, стоит у входа. Видите? А я сейчас же уйду, уйду...

– Вижу, вижу, – смотря на пропускной пункт ответил губернатор. – А вы идите, идите.

И еле слышно, не отвлекаясь от наблюдения, сказал:

– И жену заберите, раз бесплатно провели.

– Ну я же для благой цели... – себе под нос отвечал расстроенный Фёдор Васильевич, удаляясь.

Михаил Александрович проводил его взглядом. Немного понаблюдал за начальницей охраны. Поздоровался с малоизвестными ему бизнесменами, пришедшими на выставку со спутницами, состоящими в спорных отношениях. Поздоровался с прибывшим епископом, директором департамента образования, прокурором и поболтал с директором выставки.

Когда губернатору надоело разговаривать со знакомыми людьми, он направился ко входу, где стояла начальница охраны.

– Императрица, моё почтение! – улыбаясь поздоровался Михаил Александрович с начальницей охраны.

– Простите? – не поняв юмора, спросила та.

– Ясно... – взгрустнув ответил губернатор. – Я говорю добрый вечер, Екатерина Алексеевна.

– А–а–а... – весело протянула «императрица». – Я просто не сразу поняла, Михаил Александрович, много людей проходит.

– Вообще–то не так и много. Думаю, вы сможете поболтать со мной, ваши подчинённые справятся.

– Очень на это надеюсь, – улыбнувшись ответила Екатерина Алексеевна.

– Ну и прекрасно. Пойдёмте? Вашу руку.

Михаил Александрович и Екатерина Алексеевна прошли к барной стойке.

– Поболтаем? – предложил, продолжая улыбаться, Михаил Александрович.

– Михаил Александрович, о вас ходит мнение... Возможно для вас очень лестное, но меня данные обстоятельства в совокупности со слухами немного напрягают, – откровенно, даже со смехом, сказала Екатерина.

– Тогда расслабьтесь, выпейте, и... не напрягайтесь! – поняв, на что намекает Екатерина, сказал губернатор.

– Михаил Александрович! После ваших слов, я сразу же успокоилась.

– Что за сарказм? – смеясь спросил губернатор. – Но признайтесь, императрица, вам стало интересно?

– Ну, возможно, – кокетливо ответила Екатерина Алексеевна. – Вы меня заинтересовали.

– Тогда на ты?

– Тогда на ты.

– В таком случае, Екатерина, с тобой мы встретимся после торжественного открытия, – сказал губернатор, кивая на вход. – Герцогиня приехала, сейчас начнём.

– Леди и джентльмены! – начал свою вступительную речь губернатор. – Я рад приветствовать всех вас на этом вечере, безусловно важном для нашего региона. Не собираюсь затягивать свои слова, поверьте, говорить я могу вечно, но сейчас скажу лишь одну вещь. Благодарю всех вас за безвозмездный вклад в будущее бедных детей Центральной Африки. Добрые дела могут сделать много для нашего мира. Взаимопомощь поможет достичь мирового баланса. И прочее, прочее, прочее. Спасибо всем огромное от лица негр... то есть Африканских детей. Спасибо! – бурные аплодисменты посылались со всех концов площадки.

– А теперь. Я попрошу герцогиню Кервинскую помочь мне перерезать ленточку. Герцогиня?

Герцогиня Кервинская подошла к губернатору с улыбкой, правда больше напоминающей оскал, и взяла золотые ножницы.

К большой неожиданности присутствующих (как это и должно быть), машина, стоявшая рядом с площадкой, взорвалась. Послышались крики спутниц бизнесменов. Сотрудники Службы Безопасности быстро начали уводить всех присутствующих. Герцогиня, её переводчица и хозяин машины, её племянник, в сопровождении сотрудника МИД, Максима Дмитриевича, уехали в безопасное место.

Губернатор остался на месте, несмотря на убедительные уговоры Екатерины Алексеевны.

Всё произошло ещё быстрее и слаженнее, чем это можно описать. И через час все официальные лица Лимска, присутствующие на выставке, сидели в кабинете губернатора.

– Печально, да? – спросил губернатор у гостей, сидевших, попивая глинтвейн.

– Ужасно... – сказал директор выставки.

– Трагично... – проронила директор департамента образования.

– Вот же [.....]! – почему-то по-русски воскликнула герцогиня.

В кабинет вошла Екатерина Алексеевна, взяв чашку глинтвейна и выпив её залпом, сказала:

– Две плохие новости.

– Какие? – спросил прокурор.

– Первая, рядом с выставкой, в реке найдена выпускница вашего, Марина Васильевна, триста восьмого лица, убитая.

– Господи! – всхлипнула начальница департамента образования.

– А вторая? – спросил секретарь Михаила Александровича, в таких обстоятельствах обычно проявляющий такт (не в смысле, что такое происходило каждую неделю в Лимске).

– Тут тоже ужасная новость... Герцогиня, ваше ожерелье украдено, и довольно грубым способом, – на одном дыхании проговорила Екатерина Алексеевна.

– Фи... Как предсказуемо, – тихо фыркнул Михаил Александрович.

Епископ Михаил кивнул Михаилу Александровичу в знак согласия с его профессиональным мнением с тонкой улыбкой, озарившей его лицо.

– Итак, давайте рассуждать логически, – предложил губернатор, оставшимся у себя в кабинете епископу, прокурору и Екатерине, – Группа лиц совершила теракт... Кстати, жертв нет? Ну, и слава Богу... Так вот, группа лиц, или один человек, совершил теракт, после этого, воспользовавшись суматохой, смогли, или смог, украсть ожерелье. Убийство, рассмотрим потом. Давайте установим, кто же...

– Михаил Александрович, я понимаю, что вы тоскуете по практике, но это не совсем ваша обязанность, – неприлично оживлённо перебил прокурор.

– Сергей Васильевич, – ничуть не обидевшись, или сделав вид, ответил губернатор. – Если я не ошибаюсь, ничто, а тем более никто, мне не запретит в *моём* кабинете обсуждать вопросы, связанные с безопасностью *моей* области. Поэтому, сделайте одолжение, дайте мне закончить свою, не менее профессиональную чем вашу, мысль. Позволите?

– Да, пожалуйста, – обычным своим голосом согласился прокурор.

– Спасибо большое... Итак, давайте установим подозреваемых в этом деле. Не тех, кто мог, а тех, кому надо. Нач-

нём с абсурдного, сама герцогиня.

– А зачем ей это? – спросила Екатерина Алексеевна, находившаяся под сильным впечатлением от короткой ссоры между прокурором и губернатором.

– Ну, ожерелье принадлежит семье, а не ей лично, вполне возможно, что у неё возникли какие-то трудности, финансовые, например... И представился хороший случай, – высказался Михаил Александрович. – Но с другой стороны, это мог сделать племянник герцогини, по этим же причинам, что гораздо более вероятно, тем более, что взорвавшаяся машина принадлежит ему...

– Михаил Александрович, – обратился секретарь губернатора, немного взволновано, – вам звонят и... думаю, вам будет нужно ответить как можно быстрее.

– Прошу прощения, – ласково обратился к присутствующим губернатор. – Никому не расходиться!

Пройдя в одну из своих комнат, Михаил Александрович поднял трубку.

– Слушаю?

– Михаил Александрович, – послышался *голос*, который так любят пародировать в нашем скучном мире, когда смеются над политиками. – Добрый день.

– Вообще-то вечер, – без всякого трепета перед *голосом* поправил губернатор.

– Я просто сейчас в Японии, тут уже день, – тоже без всякого сомнения ответил *он*. – Но даже в Японии я услышал

о вашем происшествии. Надеюсь, жертв нет?

– Если это был теракт, то он прошёл неудачно.

– Вот и славно. Ещё мне доложили, что у герцогини Кервинской было украдено изумрудное ожерелье. Я настоятельно вас прошу, проведите самое тщательное расследование, как можно в более сжатые сроки, при этом без скандалов. Я в долгу не останусь... Министерство юстиции как раз для такого многофункционального человека. Надеюсь, вы меня поняли?

– Я тоже надеюсь, – сказал губернатор, а собеседник положил трубку.

– Ну что ж, – потянулся Михаил Александрович. – Это шанс!

Глава IV

– Дети мои! – воскликнул Михаил Александрович, врываясь в кабинет в прекрасном расположении духа. – Отбросим вражду. Давайте и правда заниматься каждый своим делом! Сергей Васильевич, – обратился губернатор к прокурору, – прошу прощения, разумеется думать обо всём произошедшим я должен меньше всех, – с улыбкой сказал губернатор, – поэтому доверяю вам расследование сего дела, – говорил и говорил Михаил Александрович, обхватив прокурора за плечо и потихоньку выводя его из кабинета. – Так что, работайте! Родина вас не забудет!

– И... – начал о чём-то прокурор.

– Докладывать мне! Мне, конечно! До свидания!

В кабинете остались епископ, Екатерина Алексеевна и секретарь, впрочем, все очень удивлённые поведением губернатора.

– Я пойду? – первой отойдя от удивления, спросила Екатерина Алексеевна.

– Конечно, конечно. Не смею вас задерживать! Хотя стойте! И для вас у меня так же есть поручение! – остановил её губернатор уже в дверях.

– Да?

– Вы придёте завтра ко мне, в этот самый кабинет, и мы с вами поговорим о сложившейся ситуации. Поняли?

– Хорошо, – ответила Екатерина Алексеевна и вышла из кабинета.

– Что ж, – уже с меньшими эмоциями сказал Михаил Александрович. – Даниил Николаевич, вы можете оставить нас с епископом?

Секретарь удалился.

– Михаил Александрович, неужели и ко мне у вас будет просьба? – хитро щурясь спросил епископ.

– А ты не смейся, – дружески ответил губернатор. – Ты мне будешь очень полезен.

– И чем же? – с широкой улыбкой спросил епископ.

– Ты ведь всегда хотел заняться следствием?

– Ну, были желания.

– Вот тебе и предоставляется такая возможность. Я доверяю тебе, независимо от официального следствия, провести

своё расследование убийства выпускницы и, разумеется, сообщить обо всём лично мне. Так что давай. Я в тебя верю. Через два дня жду в этом кабинете.

– Я польщён таким предложением, но неужели ты считаешь меня достойным вести такое важное дело?

– Ну, не надо, не надо! Не скромничай! Я уверен в тебе, к тому же, ты вряд ли навредишь официальному следствию.

– Тогда я пойду? Час поздний, пора уже спать.

– Да, иди. Не задерживаю. Пока.

Стоило епископу покинуть кабинет, как тут же ворвался Даниил Николаевич.

– Михаил Александрович, что же такого сказал *он*, что вы так сильно поменяли своё поведение?

– Меня сильно обрадовали, Даня! Сильно обрадовали! Благодаря такому делу, я смогу стать министром уже очень, очень скоро!

– Да разве это так делается? – наивно спросил секретарь.

– Всё в нашей жизни, тем более в жизни государственных служащих, лишь чередой удачных обстоятельств. А те, кто могут эти обстоятельства разглядеть, да ещё и воспользоваться ими... О, эти люди достигают огромных высот! – ответил губернатор с непривычной ему в разговоре с секретарём философией.

– Надеюсь, вы правы.

– А я верю, что я прав! Верю! – романтично воскликнул губернатор, смотря в огромное окно на ночной город. – Ну,

об этом позже. Ты свободен, Даня. До завтра. Много работы ждёт нас впереди!

– До завтра, Михаил Александрович.

– У себя? – ласково улыбаясь, спросила Екатерина Алексеевна секретаря губернатора, сидящего в приёмной за своим столом.

– У него ваш начальник, – хмуро ответил Даниил Николаевич, не отрываясь от работы.

– В таком случае, я подожду здесь, – игриво сказала Екатерина Алексеевна, садясь в кресло.

Даниил Николаевич, находясь в дурном расположении духа, делал что-то с бумагами.

– Какой он? – вдруг спросила Екатерина Алексеевна.

Несмотря на задумчивость и хмурость, секретарь растерялся:

– Кто?

– Губернатор! – со смехом ответила Екатерина.

– В смысле? – всё ещё не понимая спросил секретарь.

– Проще говоря, что вы о нём думаете? О его внешнем виде, поведении, манерах, уме?

– Это сложный вопрос, Екатерина А...

– Просто Катя.

– Сложный вопрос, Катя. С Михаилом Александровичем мы знакомы лет шесть, но работаю лично с ним лишь восемь месяцев. И должен сказать, что я поменял о нём мнение, как

только проработал с ним два дня.

– И как же?

– Будучи мелким сотрудником прокуратуры, я, как и мои коллеги, ставили Михаила Александровича себе даже не в пример, а делали из него кумира! Он казался нам весёлым, живым, успешным, независимым от чьего-то покровительства, даже отчаянным, ведь он иногда, как нам рассказывали, принимал участие во многих задержаниях и просто ночных рейдах полиции! А его слабость к женскому полу и успехи на этом поприще, тоже обрастали легендами в кругу молодых юристов и это делало Михаила Александровича просто всеобщим героем.

– Как-то это очень романтично звучит из ваших уст. Похоже, он и остался для вас героем?

– Ну, не совсем... После того, как я стал его секретарём, мнение изменилось. Я узнал о нём много нового, при этом, старое было совершенно верно, но к нему добавились и другие качества... Я узнал, что он безумный эгоист, считает себя центром этого мира, что вокруг него должны вращаться все. Более того, то ли случайно, то ли действительно так, но вокруг него всё вращается, все свои цели он достигает, лишь подумав о них. Это, разумеется, утрировано, но суть примерно такая. От этого себялюбия может сложиться впечатление, что он обходится без всех, но нет! Нет, Михаил Александрович любит общество, он живёт для него, стремясь, как он сам иногда выражался, «взрастить людей подоб-

ных себе!» Михаил Александрович, действительно сложная личность, невозможно понять, что он сделает через минуту. Может быть, засмеётся от ваших слов, может быть, посочувствует вам, но никогда он не выкинет вас в окно или не бросится в него сам, если можно так сказать. В нём есть моральные, свои, но моральные, принципы.

– Вау, – протянула ошеломлённая такой речью Екатерина. – Признайтесь честно, вы готовились к этому?

– Да, когда-то я анализировал личность Михаила Александровича, ну вот и пригодилось...

– Bravo! Bravo, Юра! – послышался голос Михаила Александровича из селектора. – А теперь впусти Екатерину ко мне в кабинет, а сам иди провожать Фёдора Васильевича до обеда. Спасибо.

– Так значит вы подслушивали? – спросила Екатерина Алексеевна после того, как Фёдор Васильевич покинул кабинет губернатора.

– Вместе с вашим начальником, – улыбаясь ответил Михаил Александрович.

– И как вам?

– Для начала, вспомним про то, что мы договорились обращаться на «ты».

– Конечно, Михаил.

– Ну, прекрасно! К несчастью, слова моего секретаря сильно навредили моим идеям.

– Это как же? – с удивлением спросила Екатерина.

– Очень просто! Кроме всего прочего, что рассказал обо мне Даниил Николаевич, я очень люблю театральность. И вот представь, я зову тебя на приём, чтобы сделать предложение, о котором после, а мой секретарь можно сказать обосновывает тебе психологические причины моего предложения.

– Ничего не поняла, – призналась с улыбкой Екатерина.

– Это бывает, меня часто не понимают... Но я попытаюсь объяснить, но не гарантирую, что от этого станет легче. Короче, в городе проблемы. Это тебе точно ясно, тем более что ты должна написать массу отчётов.

– Да, разумеется, – улыбнулась Екатерина.

– И вот, решение этих проблем сможет мне очень сильно помочь в дальнейшей карьере.

– Я знаю, ходят слухи...

– Тем более! – рассмеялся Михаил Александрович. – Возможно, глупо решаться откровенничать с сотрудником Службы Безопасности, но в моих словах не должно быть чего-нибудь противозаконного.

– Так что же ты хотел мне предложить? – с нетерпением прервала Екатерина.

– Сотрудничество, – кратко ответил губернатор.

– То есть?

– Видишь ли, гм... Я немного стеснён в своих действиях, поэтому мне требуется чья-то помощь.

– Моя?

– Ну да, твоя.

– Так. И что же?

– Ты сейчас думаешь либо о чём–то неприличном, либо о чём–то сильно профессиональном, – снова рассмеялся Михаил Александрович, заметив напряжение собеседницы.

– Признаться, всякие мысли лезут в голову, – всё ещё напряжённая ответила Екатерина.

– Тем не менее, как бы мне не хотелось чего–то неприличного, я дал сам себя слово о подобных вещах не думать.

– И из–за чего? – немного успокоившись спросила Екатерина.

– А вот из–за чего – это и будет темой нашего разговора.

– Кажется поняла, ты хочешь использовать меня как своего психолога? – улыбнулась наконец Екатерина.

– Угадала! – восторженно, впрочем, фальшиво, воскликнул губернатор. – Мне нужно кому–то открывать свою душу, время от времени. С моей работой, увы, много нагрузок, а говорить открыто – нет, наверное, «юридической» свободы.

– Можно вопрос?

– Валяй!

– Даже два. Почему я? И как это поможет делу об ожерелье?

– Отвечу с конца, – весело начал Михаил Александрович. – Наш разговор поможет делу, во–первых, потому что я

эмоционально разгрузюсь, во-вторых, потому что я дам тебе небольшое задание, и, в-третьих, когда я с кем-нибудь говорю, в мою голову приходят самые правильные мысли. Так что, разговор поможет делу, уверен.

Михаил Александрович радостно прокрутился в своём кресле.

– А почему «ты»? Видишь ли, хотя тебе это известно, я со школы питал слабость к женщинам, они были моими друзьями (я не буду раскрывать смысл этого утверждения, он слишком личный, но совершенно приличный) и с ними я говорил о многом, тем самым, как бы «питаясь» их энергией. Впрочем, так слишком жутко... Проще говоря, в разговорах с ними «в мою голову приходят самые правильные мысли».

– Допустим, – заинтересованно кивнула Екатерина.

– За мою жизнь можно вспомнить подобные случаи, я обманул достаточно девушек, не совсем обычным для нашего мира образом (всё равно не буду рассказывать каким, но скажу, что там было много психологии). Я буквально радовался их неоправданным надеждам, но вот однажды, совсем недавно, меня не то чтобы обманули в ответ, в этом есть что-то клишированное, меня просто пробили непохожестью на остальных... Это было год назад... – Михаил Александрович осекся. – Может быть я опять непонятно выражаюсь?

– Я примерно понимаю, о чём идёт речь, – серьёзно ответила Екатерина, – у тебя перевернулось мироощущение.

– Гм... Возможно, я тоже об этом думал, – глухо произнёс

губернатор. – Она была необычной, во всяком случае для меня. Хотя... – проговорил он уже обычным своим голосом. – Наверное, она была для всех *необычной*.

– Думаю, я знаю о ком ты.

– И о ком же? – с трепетом (столь непривычным для себя) спросил губернатор.

– Год назад, когда меня здесь ещё не было, в область приехала представительница одной крупной компании... Она уехала из города ни с чем, видимо, напуганная теми убийствами. Не помню, как её звали... То ли Мэри, то ли Валерий...

– Её звали Мари, – прервал Михаил Александрович, впрочем, без эмоций.

– Да! Точно, Мари, – как бы дразнясь ответил Екатерина.

– Вот зря ты так, Катя, я ведь сейчас начну плакаться, – усмехнулся Михаил Александрович.

– Как? А разве есть повод?

– Да... Понимаешь, Мари сначала произвела на меня впечатление исключительно обычное, но потом... Потом, под тяжестью дружеского мнения, Мари стала вырисовываться передо мной совсем иначе. Я даже был близок к тому, чтобы начать с ней не свою «обычную» дружбу, а построить что-то для себя новое... Но, увы, время её пребывания в городе завершилось, да тут ещё эти убийства, работа, митинги... Словом, у меня совсем не было времени, чтобы насладиться её обществом.

– Ого! – воскликнула Екатерина. – Да ты романтик!

– Да, но только по будням, – радуясь, что может уйти с такой опасной темы, подхватил Михаил Александрович. – Романтизм во мне живёт... Бывают моменты, когда мне хочется взять всё своё и поехать! Поехать далеко! В Париж! В Рим! В Лондон! Посмотреть на жизнь тех людей... Посетить Лувр, увидеть Триумфальную арку, Нотр-Дам де Пари! Или Колизей, Ватикан, Замок Святого Ангела! Или Вестминстерское Аббатство, Букингемский дворец, Башню Елизаветы! Почувствовать дух Парижа, города влюблённых, пройтись по Риму, вечному городу, ощутить сырость, дождь, туман Лондона... Как-то мало романтики! Что есть ещё в этих прекрасных городах Европы, Катя?

– Арабы, – сдержанно улыбнулась та.

– Да... Это уж совсем приземлённо... – стал сбавлять в себе театральность Михаил Александрович, чувствуя, что смог увести разговор далеко от Мари. – Арабы, конечно, слишком узко сказано, но мигранты – это проблема современной Европы. Если она не разберётся с ней, то от Парижа останется Сена, от Рима Тибр, от Лондона Темза... Печально. Однако я опять возвращаюсь к своей работе, хоть и очень косвенно... Думаю, это знак. Нам пора прощаться Екатерина, рад, что ты будешь мне помогать, возможно сама этого не замечая. У меня появились кое-какие идеи, поэтому большое спасибо! До встречи.

– Ты мне хотел дать какое-то задание?

– Ах да! – сделав вид, что забыл, ответил Михаил Александрович. – Возьми сегодня вечером неприметную, проверенную машину и жди меня в семь вечера здесь. Отвезёшь меня туда, куда скажу...

– Хорошо, – таинственно ответила Екатерина и вышла из кабинета.

Глава V

– Я подумала над тем, что ты мне говорил, – издалека начала Екатерина Алексеевна, забрав губернатора, как было договорено.

– Напрасно, – отрезал тот.

– Вроде бы ты обратился ко мне, как к психологу? – иронично спросила Екатерина.

– Тоже верно, – ответил губернатор, заранее напрягаясь от предстоящей темы разговора, но надеясь, что до места назначения они доберутся быстрее.

– Твои чувства к Мари... Вполне объяснимы.

– И как же? – с напряжённым интересом спросил Михаил Александрович.

– Сопоставив твою манеру поведения и описанные тобой «показания» я сделала вывод, что Мари просто оказалась в нужном месте, в нужное время.

– Bravo! – саркастически воскликнул губернатор, захлопав при этом.

– Да ну тебя! – впрочем весело ответила Екатерина. – Я хотела только помочь тебе, чем смогла бы...

– Мне помощь не нужна! Я не хочу забывать... Мне нравится это чувство, оно даже является дополнительным мотиватором в моей жизни! – упоительно отвечал Михаил Александрович. – Впрочем я готов выслушать твои советы.

– Для начала ответь на вопрос, – как бы снова начала Екатерина. – Как ты расцениваешь свои чувства. Как Гэтсби к Дейзи или как Мастер к Маргарите?

– Как Шатов к своей Марии, – довольно нагло ответил губернатор.

– Это из «Бесов»? – растерянно спросила Екатерина

– Да, ты образованная *mademoiselle*, – удивился губернатор, нащупав тропу для смены темы разговора. – И Фицджеральда знаешь, и Булгакова, и Достоевского... И с чего ты решила сопоставлять меня с такими фальшивыми, наивными чувствами?

– В чём же заключается фальшивость? – вспыхнув, спросила Екатерина.

– А тебе очень хочется об этом поговорить? – поддразнивал губернатор, уходя от главной темы.

– Ну, пока мы едем, думаю, можно поговорить и о литературе!

– Да ты что! – отчеканил слова Михаил Александрович. – Ну, давай поговорим! Начнём с «Великого Гэтсби». Что ты о нём думаешь? В чём смысл?

– На мой взгляд в романе рассказывается об абсурдности американской мечты, – оживлённо начала Екатерина. –

Но «лейтмотивом» произведения является стремление пойти на всё ради любви, добиваться высот, чтобы завладеть необходимым...

– Романтиченько... – прервал губернатор. – Кстати, ты сама сказала, почему сопоставление моих чувств с чувствами Гэтсби неточное. Я не готов добиваться любви, мне достаточно и дружбы... Тем более, позволь высказаться мне, любовь в этом романе не так идеальна. Кто такой Гэтсби? По большому счёту человек, поставивший перед собой неправильный ориентир. Любовь к Дейзи совершенно ненормальная. Разница в социальном положении – это малая проблема любви. Дейзи и в жизни является наивной, скучной, даже заурядной и ограниченной личностью. Сказать проще – она избалованная и просто глупая девушка. И не смотри на меня так. Целью автора и являлось показать абсурдность любви, где один делает всё возможное, а другая воспринимает это как развлечение. Скажу больше: Дейзи предала любовь. И это точно так. Её просто не за что уважать... А, всё–таки возвращаясь к твоей теме, мои чувства рядом не стоят с чувствами Гэтсби. Для меня Мари вовсе не Дейзи... Мне даже было бы неприятно так думать.

– А кто? Маргарита? – заинтересованно спросила Екатерина.

– Нет, и не Маргарита, – ответил Михаил Александрович, поняв, что разговор уже начался и теперь есть шанс только плавно его завершить, не касаясь определённых подроб-

ностей. – Вообще в «Мастере и Маргарите» любовь сильно расходится с любовью американцев. В этой паре *Маргарита* идёт на жертвы ради любви, а Мастер показан человеком, погружённым в своё творчество. И по мне, Мастер достаточно пресный, хотя многие скажут, что «его мысли вне действительности, он философ и гений, которых свет не видывал».

– Что–то все твои рассуждения циничны. Даже не то слово... Твои рассуждения наивны!

– Возможно, что так. Но от этого они не перестают быть моими. Верно? – улыбнувшись, осведомился губернатор.

– Вероятно, – нехотя согласилась Екатерина.

– Давай поставим точку в разговоре, и я расскажу о «Бесах». Вне всякого сомнения, основная тема романа не любовь, а любовная линия лишь обслуживает основной сюжет. Какой? Повод для другого разговора. Но мы с тобой люди простые, поэтому говорим о любви. По–моему, любовь Ивана Шатова самая интересная. Он любит и не задумывается об «общественном» мнении. Шатов простил свою жену, и даже принял чужого ребёнка, а неверная супруга не устояла перед всепрощающей душой русского, верующего человека и прониклась взаимным чувством. Здесь даже можно сказать, что этим раскрываются многие философские мысли романа, становится понятно, что революция нужна, как интересное действие, а не как инструмент достижения благородной цели. Революция не нужна, если простые люди жи-

вут вполне счастливо. В таком случае всё наладится мирным путём, если вообще должно налаживаться... – закончил Михаил Александрович.

– Глубоко, – после короткой паузы сказала Екатерина.

– Не более, чем пустая демагогия. Я изменю своё мнение в следующем же разговоре... Я ветреный и непостоянный. Такую манеру можно увидеть во всех моих мыслях. Мои слова – сплошное противоречие. И в этом я. Для меня цель оправдывает средства.

– По–моему, такой образ мыслей вредит твоей профессии.

– Ничуть. Мысли они всегда только мысли. В моей работе главное действие. А с этим я справляюсь достаточно хорошо. И непостоянные мысли только привлекают ко мне внимание общественности, что тоже крайне важно. Таким образом я баланс идеального политика – делаю что-то конкретное и привлекаю внимание. А теперь, Екатерина, поворачивай направо – это лучшее место для решения моих задач.

Место и правда было выбрано прекрасно. Терраса большого, даже старинного, дома, откуда открывался прекрасный вид на выставку, сияющую огнями в вечернем, летнем небе. Неизвестно почему Михаил Александрович выбрал именно такое место для своих дел, но Екатерина его сопровождала от машины и до террасы.

– Всё–таки эти события сделали выставку очень популяр-

ной, – сказала Екатерина, обратив внимание на набережную в огнях.

– Да, популярность выставки превзошла все ожидания. Прибыль уже составила семь миллионов, что уже окупило половину затрат.

– Приятно слышать, что есть что-то хорошее в произошедшем, – улыбнулась Екатерина.

– Фу, как безнравственно! – к удивлению спутницы, сказал губернатор. – Выставка выставкой, а убийства и кражу никто не отменял.

– Да, конечно, – спокойно согласилась Екатерина.

– Ладно, спасибо что довезла. И спасибо за разговор. Увидимся как-нибудь... Пока, – губернатор дружески улыбнулся и пожал Екатерине руку.

– Не за что, – весело сказала Екатерина. – Тебе спасибо. До встречи.

Ожидания Екатерины не оправдались... Возможно от этой поездки она ожидала большего... Поэтому она возвращалась домой в небольшой задумчивости...

Михаил же Александрович провёл эту ночь в обществе неба, себя и города. От чего получил большой заряд активности и смог спокойно подумать обо всём в своей жизни, успев за ночь вновь упорядочить её ритм...

Глава VI

На следующий день Михаил Александрович сидел в своём кабинете, в своём кресле, отвернувшись от дверей и наблюдая за рекой через большое окно. Тихо в кабинет вошёл секретарь.

– Михаил Александрович, в приёмной Сергей Васильевич. Он готов рассказать о своём расследовании.

– Да? Хорошо,пусти его.

Через минуту прокурор предстал перед Михаилом Александровичем, которому выражение лица прокурора показалось слишком радостным, но увидев в его руках папку с документами, губернатор понял, что Сергей Васильевич ничего существенного обнаружить не смог.

– Вы торжествуете, – заметил губернатор, с твёрдым намерением выпустить своего преемника совершенно в другом настроении. – Неужели оказалось, что я устроил похищение?

– И вам доброе утро, Михаил Александрович, – не обращая внимания на слова губернатора, ответил прокурор. – Я всё сейчас очень подробно расскажу!

– Да вы меня прямо заинтриговали, – иронично сказал Михаил Александрович, – в таком случае, присаживайтесь. Чай, кофе?

– Чай.

– Зелёный, чёрный, «Принцесса Нури», индийский, китайский, «Принцесса Гита», ромашковый, тимьяновый, со смородиной, с мятой, «Беседа»?

– Давайте зелёный, с мятой, – постепенно теряя радость

на лице, прервал прокурор.

– Сию минуту, – заметив возвращение обычного состояния прокурора, сказал губернатор. – Даниил Николаевич, пожалуйста «Майский» для Сергея Васильевича с мятой, для меня с лимоном.

Через тридцать секунд на столе стояли две чашки, описать содержимое одной из которых не хватило бы талантов самых выдающихся химиков.

– Сергей Васильевич, теперь можете рассказывать.

Прокурор всё–таки смог преодолеть искушение, начал говорить:

– Я поехал на выставку сразу после того, как вы мне приказали расследовать это дело. Там, после тщательного осмотра обломков машины, которые не так важны для дела, я направился в главный павильон, где должно было храниться ожерелье. И в павильоне, после не менее тщательного осмотра, пришёл к выводу, что ожерелье было украдено без взлома, совершенно!

Прокурор сделал долгую, театральную паузу, однако, больше похожую на то, что актёр забыл свои слова. При этом на его лице вновь засияло торжество.

– Вы чай–то пейте, – еле удерживаясь от смеха предложил губернатор.

Прокурор опять потерял всякую радость. Михаил Александрович же спросил его:

– Вы говорите, взлома не было? То есть павильон был от-

крыт чьими—то ключами, которых целых пять экземпляров. Если я не ошибаюсь, в павильон можно войти, имею в виду свободно, четырьмя путями. Чай пейте, пейте... Эти пути: главный вход, где стояли мы и гости; первый запасной выход, выходящий прямо к нам; второй запасной выход, ведущий к реке; и большое, открывающееся окно, тоже ведущее к реке. Два первых мы исключаем. Значит...

— Михаил Александрович, — оправившись от вкуса чая, перебил прокурор, — может всё—таки я буду рассказывать?

— Пожалуйста, пожалуйста, я просто для себя хотел прояснить... Продолжайте.

— Вы правильно сказали, что можно было проникнуть только двумя путями, но вот вскрыть витрину с ожерельем, которая защищена сложной механической и компьютерной системой... Это слишком сложно и без сообщника не обойтись...

— Давайте по факту.

— Да, конечно. В общем, после осмотра павильона я составил список людей, которые могли открыть, а после закрыть запасной выход или окно. Это могли быть: герцогиня; её переводчица; племянник; наш дипломат; ваш секретарь; Екатерина Алексеевна; епископ, прости Господи; я; вы; Марина Васильевна и, конечно же, директор выставки. Не смотрите на меня таким взглядом, я просто сказал, кто *мог бы* открыть двери. Дальше я подумал, кто мог вскрыть витрину, точнее кто мог иметь коды безопасности и ключи. Это: Екатерина

Алексеевна; ваш секретарь; племянник герцогини; директор выставки; вы.

– Да я прямо вселенское зло! – изумленно произнес Михаил Александрович.

– Извините меня ещё раз, – с тонкой радостью в голосе ответил прокурор. – Дальше я подумал, кто мог заминировать машину племянника...

– Вы всё думаете и думаете!

– Это моя работа, – учтиво, но язвительно заметил прокурор. – Машину могли заминировать: Екатерина Алексеевна; дипломат; ваш секретарь; племянник. И наконец, я подумал о том, кому похищение ожерелья выгодно...

– Думаю, это выгодно всем...

– Я имею в виду тех, кого назвал, Михаил Александрович, – снова учтиво сказал прокурор. – Выгодно совершить кражу мог племянник, который имел долги в ряде Европейских банков и парочке казино. Я допросил его...

– Вы допросили племянника герцогини? – отчеканив каждое слово, гневно крикнул губернатор.

– Ну... Не совсем допросил... Скорее поговорил, – начал оправдываться прокурор. – И от него как раз и...

– Спасибо вам! Дорогой Сергей Васильевич! – в негодовании вскричал губернатор. – Можете оставить свои отчёты, я их разберу! Из ваших слов я не извлёк ничего, кроме безграничной паранойи! До свидания, надеюсь встретимся, но не скоро! И чай заберите! Даниил Николаевич, ваш

главный подозреваемый, с удовольствием даст вам ещё много–много порций! Ciao!

Прокурор, испытывая смешанные чувства, покинул кабинет губернатора. С одной стороны, он был рад тому, что вывел Михаила Александровича из себя. С другой, был раздосадован тем, что его выгнали. С третьей стороны, прокурору очень не хотелось брать пакеты чая, которые протягивал ему Даниил Николаевич с учтивой улыбкой.

– Михаил Александрович, к вам епископ Лимский. Вы готовы его принять, или перенести встречу? – с участием спросил Даниил Николаевич.

Губернатор только утвердительно кивнул. Но когда епископ вошёл в кабинет, Михаил Александрович встретил его как ни в чём не бывало.

– Добрый день, Ваше Преосвященство, – улыбнулся Михаил Александрович. – Время обеденное, может быть чего–нибудь перекусим?

– Я не против, давай.

– Мясо, рыбу? Суп, салат? Сало, хлеб? Канапе, икру? Шампанское, коньяк? Вино, елей? – отчеканил губернатор.

– Давай какой–нибудь салатик из морепродуктов, сыр и белое вино, – улыбнувшись, ответил епископ.

– Uno momento! Даниил Николаевич, найдите, не знаю где, салат из морепродуктов, мягкий сыр, не знаю... «Камам-

бер», например, и вино... Белое, «Совиньон Блан». А для меня глинтвейн и пряников. Спасибо.

Даниил Николаевич проявил сноровку, и очень быстро, всего за шесть минут смог организовать заказанный стол.

– Теперь мы можем начать? – осведомился епископ, налив бокал.

– А можешь, для начала, напомнить зачем ты пришел? – виновато осведомился Михаил Александрович.

– Как же! Ты сам мне поручил заняться убийством выпускницы и вот, я пришёл с докладом, – самодовольно сказал епископ.

– Да, точно. Совсем забыл... Прокурор своим докладом сильно разочаровал меня... Но ладно, не об этом... Говори, что смог узнать?

– Убитую звали Анастасия Миронина. Ученица 308 лица. Я сделал вывод, что это было непреднамеренное убийство.

– То есть?

– Жертву просто оглушили, а в реке она оказалась случайно...но...

– Это как? – удивленно спросил Михаил Александрович.

– Не знаю, но все указывает на то, что это был несчастный случай. Оглушили ее, предполагаю, тоже случайно. Официальное следствие придерживается того же мнения, – при последних словах епископ достал папку и положил её на стол.

– Прокурор мне рассказал больше, – ухмыльнулся Миха-

ил Александрович. – Ну ладно, он и ел меньше. Я еще посмотрю что к чему, а тебе спасибо большое за такой вклад в общее дело. Приходи завтра к шести вечера, мы все соберемся провожать герцогиню и, на сколько возможно, утешать ее.

– Хорошо, до завтра, – спокойно ответил епископ и удалился из кабинета.

Глава VII

В три часа того же дня Михаил Александрович один поехал в отель, где остановилась герцогиня. После обмена колкими любезностями с сотрудниками отеля, не узнавшими в Михаиле Александровиче губернатора и стремившимися сохранить покой высокой гостьи, не допуская в отель любого неизвестного, губернатору всё же удалось пройти до лифта, в котором он, с переменным успехом, добрался до этажа, занимаемого герцогиней и её сопровождением.

Испытывая только радость от недавнего спора с сотрудниками, Михаил Александрович без малейших колебаний быстро открыл дверь в номер герцогини.

– Добрый день, Ваша Светлость, – не обращая внимания на недоумение «светлости» и её переводчицы, произнёс губернатор. – Как ваши дела?

Переводчица первая очнулась после входа губернатора и перешла к исполнению своих прямых обязанностей.

– Господин губернатор, – обратилась через переводчицу герцогиня, – Ваш визит носит какие-то определённые цели?

– Нет, просто пришел поздороваться, – спокойно сказал Михаил Александрович.

– Мы рады приветствовать Вас, – услужливо сказала переводчица.

– Вы не поняли, – улыбнулся губернатор. – Это специфический русский юмор. На самом деле я пришел, чтобы поговорить об ожерелье.

– Ваш прокурор уже расспросил нас о всех подробностях... И это было довольно грубо...

– Я приношу свои извинения за поведение *моего* прокурора, но в его оправдание скажу, что он не привык общаться с истинными аристократами.

– Мы принимаем извинения и готовы ответить на все Ваши вопросы.

– У меня только один.

– Пожалуйста.

– В день открытия выставки вы прибыли с опозданием. По какой конкретно причине?

– Если мы не ошибаемся, то на дороге произошёл какой-то несчастный случай с чёрным мерседесом, но, к сожалению, мы не знаем подробностей.

– Всё равно огромное вам спасибо, – поспешил раскланяться губернатор, жалея о потерянном времени.

Выходя из номера, он столкнулся с сотрудником МИД.

– Михаил Александрович, добрый день, – поздоровался тот.

– Вот вы то мне и нужны!

– Я к вашим услугам, – искренно произнёс Максим Дмитриевич.

– Вы помните, почему герцогиня опоздала?

– Да, конечно. На дороге произошла авария, и движение остановилось. Если я не ошибаюсь, то такая же машина есть у прокурора Лимска... Но я ехал в машине племянника герцогини, поэтому, может быть, ошибаюсь... Надеюсь, что я вам помог?

– Вполне. Спасибо, Максим Дмитриевич. Кстати, приходите завтра к шести в приёмную администрации, вместе с герцогиней, племянником и переводчицей.

– С удовольствием, до завтра.

– Угу...

На этом разговоре череда неожиданных встреч не прекратилась. Уже на выходе из отеля Михаилу Александровичу повстречался племянник герцогини.

– Доброго времени суток, Рафаэль, – неожиданно для Рафаэля начал Михаил Александрович. – Нам с вами доводилось встречаться, но мы не были знакомы. Я губернатор этой области, Михаил... А вы племянник герцогини Кервинской, как я уже говорил, Рафаэль. И, по-моему, вы говорите по-русски, не так ли?

– Совершенно верно, правда мне больше нравится, когда меня называют князь Рафаэль, – сухо ответил князь, под-

твердив своё знание русского.

– Какое прекрасное знание нашего скромного языка, – притворно восхищался губернатор. – Откуда такие навыки?

– У меня был хороший учитель, – всё так же сухо отвечал князь. – Я его нанял для общения с одной девушкой, впрочем, это неважно. Всё было зря, – в последних словах слышалось меньше сухости и больше тоски.

– Вам тяжело об этом говорить? – поинтересовался губернатор с участием.

– Вам какое дело? – опасливо спросил князь.

– Я дипломированный психолог, и очень отзывчивый и понимающий человек, – соврал (а может быть нет) губернатор. – И вообще, мне иногда кажется, что я мог бы быть священником.

– Правда? – расслабляясь осведомился князь.

– Разумеется! Давайте мы с вами побеседуем, где–нибудь в тихом месте.

– Вы, Михаил, хороший человек, – через полчаса, доверительным тоном сказал князь. – Не думал, что в России есть такие государственные служащие!

– Сомневаюсь, что такие есть даже у вас, Рафаэль.

– Тут вы правы, – засмеялся князь.

– Рафаэль, я рассказал вам свою историю несчастной трагичной любви, ради которой я не пошёл ни на какие жертвы, хотя мог бы и должен был пойти. Вы же мне явили до-

стойный пример... Правда, вы моложе меня, но ради своих чувств вы выучили такой сложный язык, как русский. Расскажите же мне, ради кого вы всё это сделали?

– В первую очередь, это не пригодилось мне никак... – грустно ответил князь. – Но вам я могу доверить свою историю, если вы доверили мне свою. Полтора года назад я познакомился с одной русской девушкой, ей было шестнадцать, мне восемнадцать. Познакомились мы по переписке и долгое время общались с помощью переводчика, а однажды я решил ради неё выучить русский. Вероятно, можно догадаться, что девушка была из вашего города?

– Конечно, это было очевидно, – не удержался от улыбки губернатор, впрочем, князь не понял её значения. А для Михаила Александровича этот разговор становился всё более интересным.

– И вот, я приехал сюда, чтобы поговорить с ней лично, один на один, она мне оказала достаточно *прохладный приём*... Так кажется по-русски?

– Холодный приём, думаю более уместен. Но русский язык прекрасен тем, что можно составить любой набор слов и это окажется шедевром словесности. А если это будет слишком абсурдно, то можно сослаться на «тонкую метафору» или что-то в этом роде.

– Да-да, – не до конца поняв то, о чём говорит губернатор, ответил князь. – Так вот, с этой девушкой у нас произошла сцена на берегу, на выставке, мне она казалась очень обес-

покоенной... Сцена была достаточно короткой, а потом... – тут князь осёкся. – Потом произошёл взрыв моей машины, и я побежал. С этих пор я её не видел и не писал ей...

– Как печально, – проговорил губернатор. – Рафаэль, мне нужно бежать. Спасибо вам, что выслушали меня, – дипломатично произнёс губернатор. – Я тоже попытаюсь для вас что-нибудь сделать... Приходите завтра в шесть в администрацию, поговорим все вместе о случившемся.

– Хорошо, Михаил.

Последним визитом Михаила Александровича в этот день, было посещение Марины Васильевны. Она предпочитала кабинет директора департамента образования, кабинету и. о. директора лицея 308, поэтому губернатор направился на более почётное место работы своей подчинённой.

К ней в кабинет ему удалось попасть гораздо легче, чем пробиться к герцогине, ибо в департаменте уважали в Михаиле Александровиче и человека, и бывшего (хотя бывших не бывает) прокурора, и настоящего губернатора, и (мало ли кем он может стать) будущего господина Божесова.

– Добрый вечер, Марина Васильевна. Я сегодня ужасно забегался. Можно мне кофе?

– Конечно, Михаил Александрович, – совершенно не удивившись визиту губернатора ответила она.

– Я у вас хотел много чего спросить, но после очень полезного разговора с племянником герцогини у меня остался

только один вопрос.

– И какой же? – с любопытством спросила Марина Васильевна.

– Убитая была выпускницей вашей школы?

– Да, – сдержанно ответила директор департамента. – Очень сложно смириться с тем, что утром я жала ей руку на вручении аттестатов, а уже вечером она...

– Что-то вы слишком эмоциональны. Ответьте мне на мой вопрос, а потом сможете выпить коньяк, подаренный вам благодарными родителями первоклассников.

– Но... – удивлённо начала Марина Васильевна.

– Вопрос! – прервал Михаил Александрович. – Место проведения выпускного вечера было согласованно с вами?

– Да, конечно. Мы договаривались с родителями, а потом мне позвонил кто-то из родительского комитета, не помню кто, и сказал, что было решено провести всё в ресторане «Река». Там будет лучшее место.

– Спасибо огромное, вы мне очень помогли, – стандартно поблагодарил губернатор. – Увидимся завтра в шесть, в приёмной. Собираемся все. Буду ждать. До завтра.

– До завтра, Михаил Александрович.

Михаил Александрович убежал из департамента образования в Администрацию, изучить принесённые прокурором документы, чтобы окончательно разобраться в случившемся и сложить пазл.

Марина Васильевна же, действительно сильно пережива-

ющая смерть одной из своих выпускниц, достала дорогой белорусский коньяк и, не думая откуда о нём узнал Михаил Александрович, несвоевременно уничтожила улики...

Глава VIII

В приёмной собрались все подозреваемые прокурором гости выставки. Михаил Александрович вошёл в зал и сразу начал говорить:

– Друзья мои! Наконец–то после двух дней следствие зашло в тупик и не смогло найти виновника... Поэтому в дело был вынужден встрять я и, разумеется, благодаря своему бесценному опыту, таланту и помощи Екатерины Алексеевны, смог распутать этот клубок обмана.

– И как же? – ехидно спросил прокурор.

– Вот зря вы напомнили о себе! – смотря в глаза прокурора, проговорил Михаил Александрович. – Господа, и дамы, конечно. Наш прокурор по результатам своего расследования решил, что стоит подозревать всех нас, здесь присутствующих. Вы возмущены, и я вполне разделяю ваше негодование.

Пронёсся одобрительный шёпот.

– Но я, пользуясь своим жизненным и профессиональным опытом, – продолжал Михаил Александрович, – расследовал это дело сам. И перед оглашением моих результатов, попрошу вас всех вспомнить обстоятельства дела. Как бы это было не прискорбно. Совершенно три преступления, на первый взгляд не имеющих ничего общего. Теракт на выставке, сла-

ва Богу обошедшийся без жертв; кража ожерелья, стоявшего огромных денег, и самое ужасное преступление – убийство школьницы, ещё не созревшей личности... Кстати, вы, Рафаэль, прекрасно знали эту особу...

Михаил Александрович выдержал паузу, во время которой все молча закивали в знак согласия. Только Рафаэль будто бы покинул этот вечер, погрузившись в себя после слов губернатора.

– Я шучу! – громко прервал паузу губернатор. – На самом деле всё гораздо прозаичнее.

Все переглянулись в недоумении.

– Даже вы меня не понимаете, – воскликнул Михаил Александрович. – Опять по бумажке!

Достав бумажку, он начал зачитывать текст:

– За эти дни следствие, путём сложных, логических, законных и стандартных действий, успешно зашло в тупик. Оно решило подозревать всех: присутствующих на открытии; находящихся вблизи выставки; живущих в этом городе; имеющих руки, чтобы взять ожерелье... Нет, это слишком скучно! – губернатор бросил бумажку. – Давайте серьёзно. Следствие, как и я, склонны подозревать присутствующих в этой комнате, правда выводы следствия и мои выводы сильно разнятся. Но это не так важно. Главное, что у каждого здесь находящегося была возможность, и даже мотив совершить одно из трёх преступлений. Но вот мне пришла в голову гениальная идея! Совместить все преступления в одно

единое. Разумеется, самым интересным, с точки зрения преступника, является кража ожерелья. А всех нас мучает вопрос – «как?». Ответ прост. На момент совершения теракта, а тем более убийства (кстати, убийство было совершено раньше теракта, но это, сейчас, не имеет значения), ожерелья уже не было в витрине. Всё было гениально спланировано и разыграно... Не буду вас томить и расскажу общую картину без привлечения каких-либо личностей. Хотя нет, скажу сразу: убитая выпускница и украла ожерелье.

Произошло замешательство во всей комнате: герцогиня оживлённо обсуждала что-то с переводчицей, сотрудник МИД с племянником, Екатерина Алексеевна с прокурором, епископ с Мариной Васильевной, директор выставки с секретарём губернатора.

Михаил Александрович, повысив голос, продолжил:

– Но банальной кражей её участие и закончилось, вполне трагично. Так вот, во время начала церемонии открытия всё было готово: запасной выход был открыт, витрина не заперта, машина заминирована... Анастасия, так звали девушку, по предварительной договорённости проникла в павильон, совершенно спокойно взяла ожерелье и пошла по набережной. Там ей встретился князь Рафаэль, с которым, не буду вдаваться в подробности, но у неё был короткий роман. Князь, будучи вспыльчивым, начал резко на чём-то настаивать, не буду раскрывать на чём, произошла сцена, всё вело к безудержным эмоциям! А, возможно, к безудержной стра-

сти, продиктованной ненавистью... Но... Раздался взрыв, князь бросился прочь от Анастасии (ох уж эти европейцы), а потом Анастасию нашли убитой и, разумеется, без ожерелья...

– Но кто же преступник? – спросил, переживая больше всех, секретарь.

– Даниил Николаевич, – обратился губернатор, – Должен перед вами извиниться, сначала я подозревал вас, но после всё оказалось гораздо интересней...

– Да говорите же! – не вытерпел князь.

– Да, да! Кто преступник? – спросила переводчица, при этом все вопросительно посмотрели на Михаила Александровича.

Глава IX

– Мы все преступники, – сказал губернатор, ожидая произвести эффект.

– Давайте без вашей философии! – возмущённо и неожиданно для самой себя, выпалила Екатерина Алексеевна.

– Я буквально, – в некотором замешательстве от такого «эффекта» произнёс губернатор. – Мы все преступники, нашими руками было совершено преступление, нами играли как марионетками!

– Вы объясните, надеюсь? – спросил прокурор.

– С удовольствием... Дело в том, что все наши значимые для преступлений действия были совершены с подачи одного конкретного человека, представлявшегося нам в раз-

ных ролях. Так мне он представился сотрудником администрации президента, Марине Васильевне представился родителем, герцогине – послом. Ну, и так далее... Преступник был очень осторожен, но всё же допустил некоторые ошибки, о которых после. Для начала я вам скажу, как кого использовали.

Начнём с меня. Как я уже говорил, с меня требовалось пригласить герцогиню, а точнее устроить доставку ожерелья на выставку.

Дальше директор выставки, вы разместили выставку в нужном месте, точнее на набережной. Ещё вас надоумили оставить запасной выход открытым, для «пожарной безопасности», впрочем, здесь больше от халатности...

Следующая марионетка – это директор департамента образования и, что для дела более важно, и. о. директора лицея 308 Марина Васильевна. Её по телефону вдохновили, от лица родителя, провести выпускной в ресторане «Река», который находился близко от места проведения выставки. Что очень удобно для Анастасии, которой было так легко добраться и совершить ограбление, но об это после...

Марионетка четыре – герцогиня. Как я уже говорил, звонком из посольства вас убедили в том, что надо брать именно это ожерелье.

Следом идёт переводчица герцогини. Если я не ошибаюсь, именно вы вдохновили герцогиню взять с собой Рафаэля.

Потом епископ, который единственный из нас не исполнял никакой функции, ибо прибыл в город уже после формирования основных пунктов плана, а на выставке появился вообще неожиданно! Правда он сыграл ещё одного подозреваемого, что тоже можно отнести к марионеточным функциям.

Далее идёт мой секретарь, перед которым я уже извинился, но который всё же имел возможность помочь преступнику. Именно он принимал мои звонки и сопровождал герцогиню до выставки. Кроме того, он должен был стать основным подозреваемым...

Мой милый прокурор! Как же без вас. Вы ведь самая тёмная лошадка в действии. Ведь именно ваш автомобиль с водителем (не имею ни малейшего представления о том, что он там делал, да и не хочу) перекрыл дорогу кортежу герцогине и задержал её в дороге, чтобы Анастасия смогла добраться до ресторана. Но с вами поговорим об этом после.

Предпоследняя марионетка – это Екатерина Алексеевна, которая не обратила должного внимания на припаркованный автомобиль князя. Правда, тут есть частичка моей вины...

Ну, и последний в списке... Сам князь. Ваша функция завершилась тем, чтобы довести взрывчатку к выходу. Кстати, во время взрыва и всеобщего замешательства преступник неудачно для жертвы оглушил Анастасию и забрал ожерелье, а потом вернулся в наше общество...

– Да кто же он? – вырвалось практически у всех.

– Тот, кто не назван, это же очевидно! Убийца, вор, террорист и манипулятор – сотрудник МИД, Максим Дмитриевич, имевший возможность влиять на действия каждого из нас! – торжествуя закончил губернатор.

Глава X

На следующий день ожерелье было возвращено герцогине и летело вместе с ней, переводчицей и племянником домой.

Всё были спокойно, правда племянник сильно переживал за судьбу Анастасии, вернее за её отсутствие, но... жизнь трудная вещь, без падений не бывает взлётов (но это зависит от того, как жить, ведь вся жизнь это только *чередa обстоятельств*).

Михаил Александрович с Максимом Дмитриевичем разговаривал в городском СИЗО.

– Как вы догадались? – спросил Максим.

– По–моему, я всё ясно объяснил, – ехидно сказал Михаил Александрович.

– Да весь ваш рассказ сушaя ерунда! Такой бред, столько неоправданных совпадений... Вы сделали из меня какого–то Мориарти!

– Так будьте благодарны за такую славу, – улыбаясь отвечал губернатор.

– Но всё же? Как у вас получилось?

– Я просто проследил за вами, вот и всё, – скромно сказал губернатор.

– Но почему вы решили следить за мной?

– Вы единственный кого я никогда не видел. Кроме того, в нашем разговоре у отеля вы сказали мне, что машина принадлежит прокурору, хотя я убеждён, что вы даже имени прокурора не должны были знать.

– Михаил Александрович, вы говорите не совсем искренно...

– А я перед вами обязан держать отчёт? – спросил губернатор таким тоном, который может показаться обычным, но сильно уязвить гордость побеждённого. – Вы подписали признание. По вашей наводке нашли ожерелье. Я могу перечислить ещё факты, подтверждающие вашу вину. Это просто. А может, я вообще просто вас ввёл в заблуждение? А? Кто знает... Моя работа, во всяком случае теперь, не доказывать вашу вину. Мне вполне достаточно вернуть ожерелье и просто указать на вас. Дальше – работа моего прокурора, – сказал губернатор, выходя из камеры. – И да, Максим Дмитриевич, я блефовал. Против вас, до момента вашего признания, прямых, да и косвенных, улик не было. Хотя, когда это мешало нашему суду? Приятной дальнейшей жизни, – губернатор учтиво раскланялся.

– Михаил Александрович, – встретил губернатора секретарь. – Пока вы были в СИЗО, звонили из правительства, министр юстиции подал в отставку, вы основной кандидат. Поздравляю!

– Вот видишь, Даня! Всё было не напрасно... Возьму тебя с собой, может пригодишься, в гостиную поставлю... Эх... Только не говори больше «пока вы были в СИЗО» – очень двусмысленная фраза.

Через две недели Михаилу Александровичу пришло сообщение:

«Поздравляю с назначением! Я в тебе не сомневалась никогда.»

Ты будешь хорошим министром, а может даже больше...

Слышала про твоё расследование, смешное дело получилось. Ты молодец. Возможно, увидимся... Как твои чувства?»

Мари»

Часть третья

Alea

iacta

est

Глава

I

Аркадий Васильевич Хвостовский, совсем недавно назначенный председателем Лимского областного суда, поздним июньским вечером сидел на Лимском вокзале в ожидании обещанной ему машины.

Выпив уже шестую чашку кофе, что для Аркадия Васи-

льевича было делом обыкновенным, судья продолжал бросать оценивающие взгляды на интерьер вокзала, надо признать, достаточно изысканный для такого общественного места.

В пустом коридоре появились две фигуры. Два мужчины крайне приличного вида, один из которых нёс три чемодана. Мужчина, идущей без багажа, сказав что-то, отослал своего спутника, сам же направился к наблюдающему Аркадию Васильевичу.

– Вы первый раз в городе? – спросил судью незнакомец, таким тоном, будто бы продолжил давно начатый разговор.

– А вы? – не растерявшись, спросил судья.

– Надеюсь, не в последний, – сказал незнакомец, и его лицо озарила располагающая улыбка. – Вы, я так понимаю, новый бюрократ?

– Судья, если быть точнее, – Аркадий Васильевич, по неведомым ему самому причинам, хотел доверять незнакомцу. – А вы, наверное, старый бюрократ?

– Думаю, что вы чуть-чуть моложе меня, – улыбнулся незнакомец. – Но вы правы, я долгое время работал в этой области и вот теперь еду покорять столицу... Скажу вам по секрету, в Лимске очень хороший климат для карьеры, очень хороший.

– Очевидно, вы это знаете не понаслышке, – заметил судья.

– Вы проницательны для судьи, – снова улыбнулся судье

незнакомец.

Аркадий Васильевич удивлённый таким замечание посмотрел на своего собеседника.

– Видимо, мне придётся объяснить своё замечание? – смеясь спросил незнакомец.

– Постарайтесь, – тщетно пытаясь показать недовольство, сказал судья.

– За годы работы в судебной системе, не удивляйтесь, я много чего знаю об этом удивительном мирке. Так вот, я сделал очень интересный вывод, который вам, возможно, не сразу будет понятен. Вывод прост, судья – единственный человек в нашей стране, который действует строго по правилам. Я не говорю о конечном результате его действия, ибо, как показывает практика, судьи не всегда правильно оценивают (скажем так) ситуации, в которых призваны разбираться. Тем не менее судья, независимо от правильности своего решения, вынужден оформлять и придавать своему решению крайне обоснованную, юридическую форму. Думаю, вы не можете со мной не согласиться, верно?

– Безусловно... Интересное наблюдение, – сказал Аркадий Васильевич, чувствуя, что незнание имени собеседника не вредит их общению, от этого он испытывал какую-то радость.

– Надеюсь, пребывание в этой области сильно поможет становлению ваших профессиональных принципов, что крайне важно, – сказал, вставая незнакомец, увидев в кори-

доре своего спутника, уже без чемоданов. – А мне пора ехать, может быть встретимся, Аркадий Васильевич.

– Но... – к удивлению незнакомца, с улыбкой начал судья.

– До свидания, – прервав возражения судьи, попрощался незнакомец, направившись к своему спутнику.

Судья посидел немного в задумчивом виде, но был вынужден выйти из этого состояния появлением обещанного пристава.

– Наконец–то! – воскликнул Аркадий Васильевич.

– Прошу прощения, просто возник форс–мажор и...

– Ладно, не оправдывайтесь, – гордо прервал судья. – Скажите мне лучше, кто вот этот человек?

– Который разговаривает на перроне?

– Да.

– Это Михаил Александрович Божесов, наш бывший губернатор и областной прокурор, а сейчас министр юстиции.

– Ясно, – задумчиво улыбнувшись, сказал судья. – Ладно, поехали.

– Ну что, Даниил Николаевич, в Москву? – весело улыбаясь спросил Михаил Александрович своего секретаря.

– С удовольствием, – разделяя радость начальника, ответил тот.

Глава II

Время шло очень быстро. Прошло четыре года после последних трудов Михаила Александровича в Лимской об-

ласти. Жизнь шла своим чередом: люди росли (хотя, они не сильно могли измениться за четыре года), страна развивалась, власть не менялась.

Лимская область получила нового губернатора, полностью соответствующего всем необходимым критериям, но, разумеется, во всём уступавшим, своему предшественнику – господину Божесову.

Михаил Александрович, став министром юстиции, лихо принялся за дело. Начал он, как всегда, с анализа своих коллег, а вернее их слабостей, которые были найдены уже через три месяца. Для Михаила Александровича это послужило прекрасной защитой от конкуренции и даже зависти. Пользуясь своим выгодным положением, Михаил Александрович стал реформировать вверенное ему ведомство. Сокращение штата, новая регламентация всех действий, новые внутренние правила, строгий дресс–код, особая система отбора сотрудников и даже расширение полномочий министерства – всё это и многое другое было разработано Михаилом Александровичем самостоятельно, без привлечения каких–либо высокооплачиваемых комиссий.

Вершиной же своей работы Михаил Александрович считал создание агентства, занимающегося тщательной проверкой кандидатов на те или иные должности, а также анализом работы уже действующих государственных служащих.

Словом, Михаил Александрович упивался своей новой должностью, но это не мешало ему думать о чём–то более

значимом, ведь на дворе была осень 2023 года...

В жизни же Лимской области поменялось ещё меньше, чем в жизни страны. Губернатором был достаточно приличный человек, впрочем, успешно поменявший жизнь Лимских чиновников, привыкших к взвешенной власти Игоря Сергеевича и эксцентричности Михаила Александровича.

Однако исполнительная власть Лимской области не так нам интересна, во всяком случае сейчас. Гораздо важнее будет увидеть жизнь судебной власти, главой которой благополучно оставался уже четыре года Аркадий Васильевич.

Этой осенью судью мучила лишь одна мысль – предстоящий тяжёлый процесс об убийстве господина Сикирова, возглавлявшего областной штаб оппозиции до трагических событий 2018 года. Перед надвигающимися выборами наверху решили об этом деле вспомнить, не без намёков и успешных интриг Михаила Александровича...

Аркадий Васильевич знал, что этим делом занимался лично Божесов, когда был ещё областным прокурором, и продумывал все ходы надвигающегося суда. А действующему прокурору Лимской области, Сергею Васильевичу, казалось, что его предшественник знал намного больше того, о чём писал во всех отчётах. Впрочем, докопаться до правды было просто невозможно, по ряду объективных причин...

– Аркадий Васильевич! – ранним утром будил председа-

теля суда его помощник. – Через два часа начнётся заседание.

– Хорошо, хорошо, – сонным голосом отвечал судья, вспоминая события ночи и думая из-за чего так долго спал. – Сейчас поедем.

Аркадий Васильевич достаточно быстро был готов к первому, и уже закрытому, судебному заседанию по делу об убийстве Сикирова. Через час судья уже сидел в кабинете, просматривая уже в который раз различные бумаги о деле. Так прошло время до начала процесса. Помощник позвал заработавшегося Аркадия Васильевича в зал заседаний. Все формальности были соблюдены и началась наиболее интересная, по мнению Аркадия Васильевича, часть – судебное следствие.

– Уважаемый суд, – начал своё вступительное слово прокурор Сергей Васильевич, – в связи с тяжестью совершённого преступления, прошу Вас разрешить мне говорить в менее формальной форме, – за четыре года Сергей Васильевич научился показывать и испытывать больше эмоций, чем во время губернаторства Божесова.

– Если у государственного обвинения не хватает профессиональных знаний, чтобы огласить обвинение в установленной форме, то суд разрешает Вам говорить менее формально, – с вялой улыбкой, но *формальным* голосом, дал ответ судья.

– Спасибо, ваша честь, – тоже *формальным* голосом,

в котором, впрочем, не удалось скрыться злости, ответил прокурор. – Подсудимым Евгением Даринским 20, 21, 22 и 23 июня 2018 года были совершены убийства, внешне обличённые в ритуальный характер, но носящие явную цель, о которой позже. Жертвами подсудимого стали: Василиса Комаринова, девятнадцати лет, студентка факультета журналистики Лимского Государственного Университета имени Григория Отрепьева, находящаяся в состоянии беременности, известной подсудимому; Сергей Моринов, двадцати семи лет, аспирант юридического факультета ЛГУ им. Григория Отрепьева; Анастасия Петрова, тридцати двух лет, на тот момент (и навсегда) безработная, но занимавшаяся сбытом наркотиков; Александр Сикиров, тридцати одного года, глава областного штаба Оппозиционной Партии России. Убийства были совершены со строгим соответствием алгоритму, который будет сообщён суду в ходе процесса. Следствие считает, что истинной целью подсудимого было убийство Александра Сикирова, остальные же убийства были совершены с целью дезинформации следствия и отсрочивания...

– Как? – переспросил, улыбнувшись Аркадий Васильевич.

– Отсрочивания, – спокойно ответил прокурор.

– Ах, да... Продолжайте.

– Отсрочивания ареста подсудимого. Как считает следствие, убийство Сикирова было заказано его оппозиционными товарищами, которые усомнились в действиях Сикирова

и решили убрать его, тем самым поднять народные волнения и скомпрометировать исполнительную и законодательную власть Лимской области накануне выборов в Лимскую Областную Думу. Так же, как уже упоминалось, убийства имели особый почерк, что поначалу завело следствие в тупик. Подсудимому предъявлено обвинение по пунктам «а», «г», «з», «к» и «л», части 2, статьи 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Ваша честь, спасибо. У меня всё.

– Хорошо, присаживайтесь, – без малейших эмоций на лице сказал Аркадий Васильевич. – Подсудимый, встаньте! – всё таким же голосом приказал судья.

Евгений Даринский, с немного гордым видом бывалого, встал.

– Вам понятно предъявленное обвинение?

– Да.

– Вы признаёте себя виновным?

– Нет, – лаконично ответил Евгений и, смотря прямо в глаза Аркадию Васильевичу, улыбнулся белым оскалом.

– Хорошо, садитесь – являя всем своим видом и голосом независимого и объективного судью, сказал Аркадий Васильевич. – Защиту подсудимого в данном процессе представляет адвокат Усов. Владимир Рустемович, какова позиция защиты?

– Я присоединяюсь к мнению моего подзащитного, в том, что он не виновен, Ваша честь, – ответил адвокат.

– Спасибо. Суд переходит к допросу свидетелей. Начнём

с допроса Дмитрия Геннадьевича Васильева, 1997 года рождения, проживающего в Лимске, работающего в автосервисе. Свидетель был гражданским мужем Василисы Комариновой. Это так? – спросил Аркадий Васильевич, прошедшего к трибуне Дмитрия.

– Да, ваша честь, – спокойно ответил Дмитрий.

– Пожалуйста, стороны, задавайте вопросы, – предложил судья.

– Дмитрий Геннадьевич, – ласково обратился прокурор, – я понимаю, прошло достаточно времени, но попытайтесь вспомнить события... Итак, в день убийства вы возвращались с ночной смены, так?

– Да, совершенно верно, – уверенно отвечал Дмитрий.

– Когда вы вернулись домой? – продолжил прокурор.

– Точно не помню, но там уже была полиция и М... М...

Михаил Алексеевич? – морщась вспоминал Дмитрий.

– Александрович, – поправил судья.

– Да, Александрович, – вяло улыбнулся Дмитрий.

– Скажите, если я не ошибаюсь, то вы были подозреваемым в этом деле? – перебил адвокат, чувствуя, что Сергей Васильевич идёт не в слишком выгодном для защиты направлении.

– Да, – теряя уверенность, ответил Дмитрий.

– Ваша честь, – обратился адвокат. – Защита требует отстранения Дмитрия Васильева от дачи свидетельских показаний.

– Объясните?! – воскликнул Сергей Васильевич.

– Дмитрий Геннадьевич, являвшийся подозреваемым и даже подписавший признание, не может давать объективные показания, ибо будет стараться обелить себя, – выпалил адвокат, в душе осознавая, что его быстрый манёвр спас от многих неприятностей.

– Тишина, – постучал молотком Аркадий Васильевич, впрочем, не повысив голоса. – Так как заседание закрытое, то я могу сказать вам, что мы все знаем как подобного рода признания выбиваются. Поэтому, Владимир Рустемович, я бы отклонил ваш протест, но из-за того, что суд устал и суду хочется отдохнуть – объявляется пятнадцатиминутный перерыв!

Глава III

Аркадий Васильевич вышел из зала заседаний и пошёл в свой кабинет. Подойдя к двери, он заметил, что та была не заперта. Совершенно равнодушно он вошёл в кабинет.

– Аркадий Васильевич! Сколько лет, сколько зим! – встретил судью человек, сидящий в кресле.

– Больше зим, чем лет, – не растерялся Аркадий Васильевич. – Что вы здесь делаете, Михаил Александрович?

– О-о-о, – протянул министр юстиции. – Я в Лимске пока инкогнито. Но по очень важным делам...

– Очевидно, вы здесь из-за сегодняшнего процесса, он с вами сильно связан, не так ли?

– А вам, я вижу, совершенно безразлично, что я сижу у вас

в кабинете, в вашем кресле? – спросил Михаил Александрович с ухмылкой.

– В моей профессии очень сложно чему–нибудь удивиться... – грустно сказал судья.

– Тогда я попытаюсь вас удивить! – воскликнул Михаил Александрович. – Аркадий Васильевич, вы очень точно сказали, что сегодняшней процесс со мной связан (и даже очень сильно). И, как вы знаете, я карьерист до мозга костей. Мои амбиции не останавливаются и перед тем, как рассказать вам свои планы. А я хочу именно с *вами* поделиться планами... Перед этим я прошу вас перенести суд на пять дней. Сможете это устроить? – с горящими глазами говорил министр.

Аркадий Васильевич пристально посмотрел в глаза Михаила Александровича. Министр смотрел на судью хитрым взглядом, наконец, в глазах у судьи появилось какое–то оживление. Аркадий Васильевич сказал:

– Думаю, пять дней не станут большой проблемой.

– Отлично, я вас буду ждать здесь.

– И зачем вы приехали в Лимск? – спросил Аркадий Васильевич, вернувшись через двадцать минут и сев напротив Михаила Александровича.

– Честно признаться, я не хотел включать вас в список своих поверенных, – начал с улыбкой министр. – Но, будучи человеком крайне непредсказуемым, я расскажу вам всю правду.

– Весь во внимании, – с готовностью произнёс судья.

– Я иногда замечаю, что судьи – это священники для бюрократов, иногда кто-нибудь приходит к знакомому судье и начинает «каяться» ему в своих грехах...

– У меня такого никогда не было. – прервал поток философских мыслей министра Аркадий Васильевич.

– Вы многое потеряли, – заметил Михаил Александрович. – Ну, к делу! Как вы знаете, скоро у нас в стране начнётся выдвижения кандидатур на должность президента. И дело, которое сегодня рассматривалось, *нам с вами начальник* хочет использовать против своего оппозиционного конкурента...

– Значит, разрешение участия *настоящей* оппозиции в выборах – это не слух? – перебил судья.

– Нет, не слух, – кивнул Михаил Александрович – Но все очень боятся некоторых осложнений... – вилял министр. – Именно поэтому, убийство Сикирова, которое расследовал я, хотят использовать против *русского Волан-де-Морта*.

– Но ведь Сергей Васильевич, по-моему, хотел использовать это дело как раз в таких же целях? – снова встрял Аркадий Васильевич.

– Вы задаёте слишком много вопросов, не дослушав до конца, сразу видно, что вы никого не «исповедовали», – шутливо сказал министр. – А Сергей Васильевич – это прокурор ваш? Ха! Мы с ним работали... Очень меня не любил, да, как и я его... Но понимаете, Аркадий Васильевич, *на-*

чальству хотелось бы, чтобы этим делом занялся я, уже показавший себя человеком, которому можно доверять...

– И что же вы хотите делать? – с нетерпением спросил судья.

– Ну, во–первых, что–то подсказывает мне, что я вам всех карт не раскрою, во всяком случае сейчас. Во–вторых, вы мне всё–таки будете полезны...

– И как же? – который раз перебил Аркадий Васильевич.

– Вам говорить что ли на судах не дают? – уже возмущённо произнёс министр. – Чувствую, придётся вас перевоспитывать... Признаться, четыре года назад я в ваше развитие верил больше... Но не об этом. Если уж хотите *помочь госу-дарству*, то прошу вас устроить мне встречу с подсудимым. Устроишь?

– Это будет просто! – с готовностью ответил судья.

Вечером того же дня Михаил Александрович в машине судьи (конечно, вёл судья) приехал в знакомое СИЗО, где содержался Евгений Даринский.

– То есть доставить его ко мне вы никак не могли, – наигранно возмущался Михаил Александрович, идя по знакомым коридорам.

– И куда это? В суд? – усмехнулся Аркадий Васильевич.

– Да хотя бы и в суд! – гордо отвечал министр. – Впрочем, оставим все заботы. Сейчас мы проверим остатки моего прокурорского мастерства...

– Женечка, hello! – раскрыв руки для объятий, воскликнул министр. – Сколько же лет?

«Женечка» смотрел с полным равнодушием, однако, судя смог уловить у него признаки удивления.

– Аркадий Васильевич! – эмоционально обратился к судье Михаил Александрович. – Вы не представляете, какая удача посетила нас! Это ведь Евгений Алексеевич! Лет шесть назад я ему такие обвинения предъявлял! Просто мама не горюй! Помню прекрасно – целый «букет» статьи 228.1. Великолепная встреча. Просто прекрасная!

– Хватит, что вы как собака разлаялись? – скромно прервал Евгений.

– Если не запрещают, можно и полаять, – улыбнулся Михаил Александрович. – Я ведь к тебе по делу, Женя.

– Даже догадываюсь по какому, – ухмыльнулся тот.

– Всегда в тебя верил! Короче, ты прекрасно понимаешь, что посадить тебя сегодня – плёвое дело! Ты навсегда замараешься в этой политике, и всё... Конец сытой жизни. Понимаешь?

– Как-то не очень...

– Ну, это не от хорошей жизни, – съязвил Михаил Александрович. – В общем, я тебе предлагаю сделку. Сейчас расскажу какую.

– Можете не говорить, я в этом не собираюсь участвовать, – хрипло прервал Евгений.

– А ты послушай! Мне труда не составит тебе накидать

до долгих и счастливых пятнадцати лет, да ещё и с полной конфискацией! Я ведь человек простой: сказал *замок в Крыму*, значит *замок в Крыму*.

Евгений позеленел при этих словах, но совладал с собой и сдавленным голосом спросил:

– И что же вы предлагаете?

– А я всегда говорил, что наркоторговцы – люди трусливые! – обратился к судье Михаил Александрович. – Вот что, Женя, в нашем жестоком мире очень много проблем... Я узнал о твоей двадцатимиллионной проблеме. Кажется, так? И хочу помочь тебе её решить. Ты можешь с лёгкостью своих кредиторов убрать из своей жизни, причём без суда и следствия, – шёпотом произнёс министр последние слова.

Евгений недоверчиво посмотрел.

– Допустим, я согласен. Что дальше? – недолго подумав, нагло спросил он.

– Жди своего законного освобождения, думаю, часа три. И иди к своим ростовщикам. Поговоришь с ними об убийствах и, разумеется, скажешь им, что тебя взяли от безысходности и что никто не застрахован на подобный случай...

– Какая–то [непечатное слово] – воскликнул Евгений.

– Ты дослушай... Кстати, чем твои ростовщики занимаются?

– Не дождёшься!

– Ладно... Тогда просто им скажешь, что все рвут и мечут и пора деятельность немного... заморозить...

– Я уже высказал своё мнение по этому вопросу.

– А мне всё равно, Женя! Твоя задача сейчас сказать им лишь эту вещь, а потом уж я тебе расскажу о следующем шаге. Неужели я буду раскрывать тебе все карты!

– Окей, я подумаю...

– Ты уже согласился! – пропел последнее слово Михаил Александрович, выходя из допросной комнаты. – Жди, через три часа вздохнёшь полной грудью.

– Михаил Александрович, по–моему, вы заставляете его делать какую–то ерунду, – сказал Аркадий Васильевич, когда ехал с министром обратно в суд.

– Вы так считаете?

– Просто уверен.

– Возможно, вы правы. Но для меня главное, что он согласился поучаствовать в моей затее, – сказал министр и прибавил. – Хотя, это очень рискованное дело...

– А как вы его собираетесь выпустить?

– Как! – удивился министр. – Это ваша задача! Позвоните кому надо, сошлитесь на кого следует... и всё! Не мне вас учить.

– Попытаюсь, но я всего лишь судья, – скромно произнёс Аркадий Васильевич.

– Высадите меня здесь, пожалуйста. Завтра я к вам приду, где–то около обеда... Но Женю выпустите пораньше.

– Хорошо, – без лишних вопросов, касательного подозри-

тельного места остановки, сказал судья, – до завтра.

Глава IV

– Признаться, Михаил Александрович, вы меня удивляете, – сказал Яков Ярославович, сидя за столом в безвкусно, но богато и даже роскошно обставленной гостиной.

– Я и сам себе удивляюсь. Прошло пять лет безупречной, с точки зрения закона, службы, и я опять разговариваю с вами. Правда за это время вы сильно продвинулись в своих делах. Вижу, вы даже домик себе отгрохали, – говорил министр, осматривая комнату.

– Вроде бы министр юстиции, а ведёте себя, как налоговый инспектор с конкретными претензиями, – заулыбался от завуалированной, как ему казалось, лести Яков Ярославович. – Нравится?

– Для меня слишком вычурно. Я люблю минимализм...

– Особенно в Испании! – расхохотался Яков Ярославович. – Даже до нас дошли слухи о том, как вы скупили два этажа отеля на Ибице, а на совещание кабинета министров приехали оттуда в белых одеждах и красных мокасинах, да и с бокалом какого-то коктейля. Ха-ха!

– Слухи врут, – спокойно возразил Михаил Александрович. – На Ибице я был в мае, занял только пять номеров. А на заседание кабинета в таком виде явился в июле... Принципиальная разница!

– Интересный вы человек! Никогда бы не подумал, что нарушение дресс-кода на публичном заседании будет про-

щено!

– У вас своих проблем мало, Яков Ярославович? – смеющимися интонациями спросил министр. – Лимский прокурор вообще на вас внимания не обращает?

– Этот не сравнится с вами!

– Вы не первый мне это говорите, – умиротворённо произнёс министр.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Яков Ярославович. – А всё–таки Сергей Васильевич очень часто пытается нас подловить, только вот никогда ничего не получается. Ха–ха!

– И из–за чего же? – решил пойти Ва–банк Михаил Александрович.

– Гм... Так зачем вы пришли ко мне? – решил не отвечать на такой вопрос Яков Ярославович.

– Вот это другой разговор! Вы ведь в курсе давнего убийства Сикирова?

– Это то, где вы не смогли отыскать следов? Ха–ха! Помню, помню...

– Ну, не совсем так... Следы были найдены, но утаены... По объективным причинам, разумеется!

– Батюшки мои! Да вы, значит, и закон переступаете? – хитро спросил Яков Ярославович.

– С чего вы это взяли? – с наигранной наивностью спросил Михаил Александрович. – Давайте о деле... Сегодня вашего, достаточно крупного, должника судили за исполнение всех тех убийств. Правда суд перенесли, а вот *почему* его пе-

ренесли, это касается вас напрямую...

– И как же? – озадаченно спросил Яков Ярославович.

– Должник ваш, Евгений, решил пойти на сделку с прокурором, который, как вы говорили, вас недолюбливает, но пока случая у него не представилось, – импровизировал на ходу Михаил Александрович. – И теперь, с помощью Евгения, прокурор загребёт и вас лично, и вашу семью, и ваш бизнес. Причём сделает это всё без суда и следствия. Как операцию по поимке особо опасного преступника, участвовавшего в крупной наркоторговле, спонсирующей политическое убийство.

– Не сочтите за грубость, Михаил Александрович, но вы какую-то ересь говорите! Не могут Даринского выпустить, если суд перенесён... Да и вам какое дело до меня?

– Вы, я вижу, плохо дела наши знаете? – прищурившись спросил министр.

– Как и вы наши, – отпарировал Яков Ярославович.

– А кстати, – продолжил Михаил Александрович, не обращая внимания на слова Якова Ярославовича, – сейчас Евгений должен к вам прийти. С вашего позволения, я за шторку отойду. А то мало ли, увидят министра в такой компании. Хуже Ибицы!

Через три минуты действительно появился Евгений, введённый в комнату здоровенным сотрудником охраны Якова Ярославовича.

– Яков Ярославович, плохи наши дела! – заикающимся

голосом проговорил Евгений.

– Мы с тобой дел не ведём уже давно, ты всего лишь мне должен! – грозно рявкнул Яков Ярославович.

– Но я ведь говорил, что товар плохо реализуется, контроль нынче строгий... Чужих на рынок не пускают, а я, вы в курсе, отстал от жизни немного, стал чужим, вот если бы вы посодействовали мне, хотя бы немного, то...

Михаил Александрович с удовольствием отметил, что страх настоящего взял верх над здравым смыслом, и Евгений сделал последний шаг к бездне.

– Тебе так хочется, чтобы я тебе посодействовал? – спросил Яков Ярославович, вспоминая слова министра и решая, как поступить. – Хорошо, Сережа тебя довезёт до склада. Там и разберёшься.

– Спасибо, спасибо, Яков Ярославович! – более уверенно и обрадованно, чем в начале воскликнул Евгений. – До свидания! Я всё верну.

– Хорошо, хорошо, – проводил взглядом Евгения Яков Ярославович.

Михаил Александрович вышел из своего укрытия.

– Видите, какие люди бывают предателями! – сказал он.

– Это точно... Но мы его не встретим больше никогда... – задумчиво сказал Яков Ярославович.

– Печально, печально... Я к нему так привык, – театрально сказал министр.

– Ладно вам, Михаил Александрович! Что же вы у меня

засиделись! По режиму я уже час должен спать! Может быть, ещё увидимся. Спокойной ночи! Вас проводить? – говорил Яков Ярославович, протянув и пожимая руку.

– Спасибо, я как-нибудь сам, надёжнее будет, – улыбнулся Михаил Александрович. – Только скажите, Яков Ярославович, вам всё–таки удалось стать местным «крёстным–отцом»?

– А я–то думал, вы запланировано ко мне пришли! – воскликнул Яков Ярославович.

– Нет. Я по минутному веянию, – проницательно посмотрел в глаза Михаил Александрович. – Спокойной ночи!

Михаил Александрович шёл в свою бывшую квартиру, которую, впрочем, оставил для визитов на малую родину за собой.

Министр юстиции думал: «Жаль Женю, конечно. Но иначе было бы хуже для меня. Сам себя он погубил... Хотя и я молодец, ловко Якова настроил! Если бы не я, то слова Жени о содействии прошли бы мимо ушей, а с моими словами обрели дополнительную, правильную окраску. Кстати, видимо Женя решил меня обмануть, и свои дела наладить, то есть денег подзаработать, и, сказав мне что всё сделал, долги не отдавать... Ловкий, зараза!.. Был... Ха!

Теперь надо подумать, что же дальше делать, если...»

Тут на дорогу из–за угла выскочил белый автомобиль и остановился напротив Михаила Александровича. Из авто-

мобили вышла девушка, если судить по фигуре, различаемой в ночной темноте, то она была очень привлекательной (фигура – это первое, на что обращал внимание Михаил Александрович).

Министр спокойно продолжал двигаться, нащупывая в кармане пальто «походный» пистолет.

Неожиданно для девушки, но не для Михаила Александровича, медленно идущих друг к другу, на пустую дорогу, занимаемую только автомобилем девушки, быстро выехал микроавтобус без номерных знаков.

Четыре человека, появившиеся из микроавтобуса почти мгновенно, подбежали к девушке и тихими словами или черными, блеснувшими автоматами, дали ей понять, что двигаться дальше не стоит.

– Оставьте, – устало махнул рукой вооруженным людям Михаил Александрович, направляясь к девушке.

– Прекрасная встреча! – весело произнесла девушка, заметив, что микроавтобус исчез.

Глава V

– Я могу и обидеться от таких слов, учитывая сколько мы с тобой не виделись, Мари, – неестественно грустно сказал Михаил Александрович.

– Фи, какой сентиментализм, – поморщилась Мари, тем не менее в её взгляде можно было увидеть какое-то участие.

– А ведь правда, что преступники возвращаются на место преступления, – усмехнулся Михаил Александрович.

– В тебе как-то много злости, поехали-ка лучше в отель. Там поговорим о жизни, о том, о сём, – ласково говорила Мари.

– Мы с тобой не связывались уже три года! Это было жестоко... – говорил Михаил Александрович, но спокойно сел в белую машину.

– Ты ещё и обижаешься! – засмеялась Мари. – Тогда срочно в отель!

– Поехали, – с поддельным равнодушием произнёс Михаил Александрович, смотря унылым взглядом в окно.

Повисшее молчание было прервано Михаилом Александровичем, которому отсутствие беседы никогда не нравилось.

– По твоей манере нельзя сказать, что ты ждала нашей встречи.

– Напротив, я думала о ней последний год... И вообще очень тщательно наблюдала за твоей жизнью.

– Да ты что! – возмущённо ответил министр, не терпящий разговоров о себе, только если не он их инициировал.

– Ага... Я всё о тебе знаю, – лукаво улыбаясь, ответила Мари. – Например, твой визит в Петербург в прошлом году, тебе это не удалось скрыть...

– А я только о нём забыл! – возмущённо сказал Михаил Александрович.

– А я напомнила, – поддразнила Мари.

– Хорошо! Тогда я знаю, на какой вопрос обо мне ты

не сможешь ответить.

– Ну–с?

– Что это за микроавтобус?

– Не знаю, – спокойно ответила Мари.

– Ха! Я же говорил!

– И что же за микроавтобус?

– Это моя гордость. Моя жемчужина. Моя «гвардия»...

– И давно ты стал считать себя полководцем? – иронично спросила Мари.

– Это всего лишь приятное название, больше ничего...

Однако они достойны так называться! 250 человек, бывших служащих в самых опасных точках планеты, которые очень уважают меня и готовы исполнять мои указания. Увы, они считаются всего лишь скромной ведомственной охраной.

– И они все здесь?

– Официально только 12 поехали со мной. Но де–факто, все они ждут своего часа...

– А такой предстоит? – с интересом спросила Мари.

– Возможно, – кратко ответил министр.

– Видимо, тебе хочется поговорить не о погоде?

– Совершенно верно. Я очень прагматичная личность, поэтому поговорим о реальной жизни.

– Я могу это принять за проявление равнодушия! – наигранно воскликнула Мари, впрочем, чувствовалось реальное негодование. – Но я могу тебе чем–то помочь...

Михаил Александрович вызывающе вопросительно по-

смотрел на Мари.

– Я о выборах, – сказала та.

– И?

– Я прекрасно понимаю, что в них хочешь участвовать ты.

– Это не совсем моё желание... Скорее, это решение моего начальника, хоть и совместное, – спокойно отвечал Михаил Александрович. – А что ты хочешь предложить?

– Ты здесь не только из-за выборов... Правда? Тебя также интересует суд по *нашему* делу...

– *Твоему*.

– Хорошо пусть по *моему* делу.

– Главный подозреваемый, как я убеждён, трагически погиб.

– Именно поэтому я с тобой встретила!

– Ты очень хорошо осведомлена, – удивлённо произнёс Михаил Александрович.

– Это *было* моей работой, – сдержанно ответила Мари.

Михаил Александрович пристально посмотрел на Мари с хитрой улыбкой, спросил:

– Ты больше не в команде?

– Нет... Посчитали, что перед выборами моё присутствие среди руководящего состава оппозиции может послужить...

– Мне это не важно, – как будто бы с пониманием прервал министр, при этом позволил Мари озвучить основную свою проблему. – А тебе хочется оказаться в моей команде на выборах, верно?

– Думаю, я буду полезна.

– Не поедем в отель. Останови здесь, я пойду сам, – резко сказал Михаил Александрович.

– Это отказ?

– Нет. Это начало *рабочих* отношений.

– И что же я должна сделать?

– Для начала, найди нового подозреваемого для суда. Это в целях твоей безопасности, а также прекрасное продолжение моей многоходовой акции. Свяжись со мной, но только без встреч. Ясно?

– Конечно.

– Тогда до связи, – сказал Михаил Александрович и вышел из машины.

Продолжая своё ночное путешествие, министр юстиции думал: «Мари совершенно бесполезна в предвыборной гонке. Как госслужащий – ещё ничего, но на выборах она может сыграть со мной злую шутку... Может быть осознанно, может быть неосознанно. Всё–таки её надо проверить... Подозреваемый отличный способ... Хотя! Можно и по–другому! Великолепная мысль. Так и сделаю!»

Уже у себя дома, Михаил Александрович получил сообщение от Мари:

«Нашла подозреваемого. Максим Бенгальский. 23 года. Родился в Костроме. Какие–то книги писал, признанные

хоть и весьма интересными, но его к ним отношение было эгоистичным... После определённых событий, его начали считать немного не в себе, только на словах. Врачами признан вполне адекватным, но нервным (важно). В 18 лет, как и положено, поехал поступать в университет. Выбрал Лимский. Но летом 18-ого его никто не видел (важно). Сейчас учится в магистратуре на историка.

Ну как?»

Михаил Александрович ответил:

«Ты хочешь обвинить человека, которому было 18 на момент совершения убийств!!! Я возмущён!»

Ответ Мари:

«Однако он не совсем стандартная личность, у него есть реальные психические проблемы. Он будет хорошим вариантом...»

Михаил Александрович:

«Что это за Достоевицина! Человек с психическим расстройством благополучно проживает жизнь до 23 лет, хоть и полную возможного общественного осуждения, да ещё и книги пишет, и на историка учится...»

Если Евгений Даринский был причастен к торговле наркотиками, то его обвинение в убийствах было немного оправданным. А Максим, на первый взгляд, не достоин таких об-

винений.

Более того, я желаю прочитать его «Записки сумасшедшего». Ну, или хотя бы то, что составило о нём мнение как о психически нездоровом.

Когда прочитаю, возможно, скажу своё мнение...»

Через две минуты Мари прислала

«01.08.2018 среда

Ну что? Вот лето почти закончилось... Конечно, остаётся август, но по моей традиции, которую не стоит нарушать, последний месяц посвящен рациональным, прагматичным действиям.

С другой стороны, как я начал август? Двухчасовая прогулка на катере со своими друзьями неплохое начало... Хотя обидно, что среди двух совершеннолетних программистов (даже студенты КГУ могут такими называться – смешно!), одного будущего выпускника гимназии и, собственно говоря, меня, именно последнему хватило ума поставить в неловкое положение знанием законов (или видом, что их знаешь) сотрудников станции и доблестных служащих МЧС (часто замечаю эффект от своих слов, производимый так, что у меня остаются две мысли: 1) я на столько умён; 2) люди, попадающиеся на моём жизненном пути, абсолютные дилетанты своей профессии – что правдивее, вопрос сложный, но мне льстят обе мысли).

Кроме этого, именно я заплатил за аренду катера.

Не скажу, что это произвело на меня неизгладимое впечатление, но среди моих друзей огромная часть готова воспользоваться моей щедростью...

Вряд ли, 16 450 руб. так много. Вероятно, среди моих знакомых найдутся люди способные на подобные траты. Но я сильно сомневаюсь, что хоть у какого-то моего знакомого хватит сил выбросить «деньги на воду» без тени угрызений совести и сожаления...

Тем не менее приятно осознавать, что в той честной компании именно я был самым трезвым, несмотря на то, что не отставал от своих друзей в потреблении запрещённой на воде продукции. Сомневаюсь, что во мне говорит опьянённый человек, переполненный чувством собственного достоинства, ибо на протяжении всех моих записей Word не обнаружил ни одной грамматической ошибки...

Общая же картина дня рождает один вопрос: Какие законы я нарушил?

Что же произошло такого интересного на воде, что именно об этом событии я решил рассказать в сегодняшней записи? Наверное, очень важное откровение. Наконец-то передо мной открылось истинный порядок и, можно сказать, алгоритм моей жизни.

Всю свою сознательную жизнь я стремился организовать себя, но обычно эти периоды прекращались очень быстро, превращая меня либо в педанта, либо в образец немца русской литературы (что, наверное, есть одно и то же).

И вот сегодня, в день наслаждения дорогим алкоголем (надо отдать должное Вите – примерно половину от моих трат ушла на вино. Хотя, есть повод, не каждый человек в 22 вынужден жениться), в день созерцания красоты Костромской архитектуры и водной глади, я понял! Понял, чего стоит моя жизнь! Куда надо стремиться и идти на её протяжении. Но самое ценное – я осознал КАК надо жить, чтобы сказать себе через тридцать лет «Хорошо, Миша, что ты поступил так и мне не надо пересиливать себя с целью исправления твоих ошибок».

В чём же секрет? Планирование... Знаю, я часто пытался регламентировать свои действия на годы вперёд и... ожидаемо разочаровывался в себе. И сегодня я пишу для себя, чтобы сохранить наработки и направить их себе во благо. С чего же начать совершенствоваться? Как я говорил – с планирования, но теперь надо ставить планы не на 10 лет, а только на месяц или неделю. В этих планах излагать основные свои мысли и говорить себе, что и для чего сделать... Признаться, всё это сложно подробно и понятно описать, но если не ходить далеко, то следующая неделя прекрасное время для тренировок. Воспользуюсь этим.

Что же с «идеологией»? Признаться, я был удивлён разумному суждению Феди. Он сказал мне что-то в этом роде: «Твои книги – это просто отличный твой портрет. Твои взгляды, идеи, желания нашли в историях прекрасное воплощение»

Разумеется, он говорил не такими словами, ибо разговорной речью программисты владеют плохо, но суть была именно такой. И в этих словах сплошная правда. Я понял это только сегодня... В этих книгах я не осознанно, не побоюсь этого слова, воспевал идеи моей жизни. Допущу даже гениальную по своей абсурдности мысль – мои книги – это моё личное Евангелие, говорящие мне, как и для чего жить! Мне не сказано приятно, что эти книги сохраняют во мне идеалы «буйной молодости», которые я пушу на совершенствование себя и контроля над собой же!

На этом закончу эту заметку. На трезвую голову оценю её культурное значение.

С пожеланиями прислушаться М.»

Михаил Александрович через несколько минут ответил: «Ха-ха! Этот мальчик мне очень нравится. Оригинальные мысли. Хочу с ним встретиться.

Хотя есть вопросы... Что это за запись? Почему он говорит: «Хорошо, Миша, что ты...», ведь он Максим?»

Мари отвечала:

«Я же говорила, что он оригинальная персона.

Это запись из его дневника. Она была причиной появления мыслей, не очень лестных для Максима.

Миша – это его псевдоним, под которым издавались (если можно так сказать) его книги. Полный псевдоним – Михаил

Зауральский.

Что решил?»

Михаил Александрович ответил:

«Пока не знаю... Но арестовать его будет нужно. Поговорю с Аркадием, может что-нибудь придумаем.

Спасибо за работу... Быстро ты...

До связи

P.S. Мне кажется, что люди, посчитавшие его нездоровым после этой записи, сами не совсем адекватные»

«Не согласна» – прислала Мари.

«Твоё дело...»

Глава VI

– Аркадий Васильевич! Сегодня я готов вам предложить стать моим партнёром и...

– Михаил Александрович! Не до ваших игр! Вы знали, что сегодня в пять утра, Евгения Даринского нашли в реке? А? – возмущённо закричал судья. – А кто его отпустил? Вы! Вы!

– Ну во-первых, ваша честь, я приеду в Лимск только завтра в семь вечера. Поэтому виноваты в его освобождении вы, при этом косвенно. Во-вторых, я прекрасно знаю, что Евгения убили. Более того, Аркадий Васильевич, я принимал в этом решении непосредственное участие. Удивлены?

– Но ведь это... Это преступление!!!

– Не переживайте, всё по плану, – улыбнулся Михаил Александрович. – Кстати, теперь вы вынуждены играть вместе со мной. Вы рады? – ехидно спросил министр.

– Вы меня подставили! – возмущённо говорил Аркадий Васильевич, впрочем, не чувствовал реального раздражения.

– Более того, Аркадий Васильевич, я с вами был недостаточно честен, – спокойно отвечал министр.

– И чем же? – с пылающим любопытством спросил судья.

– Я тоже буду участвовать в выборах.

– То есть...

– Не волнуйтесь, я фиктивный кандидат. Однако именно на мне лежит ответственность добить оппозицию. Вернее, не допустить второго тура...

– И что вам пообещали?

– Должность премьер-министра, – с небольшой гордостью в голосе ответил Михаил Александрович.

– Наверное, Михаил Александрович, вы действуете согласно плану, но я вынужден отказаться от нашего сотрудничества. Извините.

– Зачем извиняться? Я вас ещё не отпустил. Более того, я вам готов кое-что предложить... Если не ошибаюсь, у судей карьерный рост возможен только в одноимённой власти? Вам какой суд нравится больше конституционный или верховный?

Аркадий Васильевич посмотрел в глаза Михаила Алек-

сандровича проницательным взглядом, но хитрый блеск глаз министра от этого не погас.

– Верховный, – ответил судья сдержанно.

– Прекрасно!

– Что вам от меня нужно? – с готовностью спросил Аркадий Васильевич.

– Для начала, нужно закончить с делом Сикирова... Вы сможете мне найти Максима Бенгальского? Студента магистратуры ЛГУ. Желательно до вечера.

– Попытаюсь... А на каких основаниях?

– Пока не знаю... Но он может стать подсудимым... Впрочем, пока не марайте его репутацию. Сделайте как можно мягче... Даже дружески...

– До вечера, Михаил Александрович.

– А вы разве лично собираетесь этим заняться? – удивлённо спросил министр.

– Нет, конечно. Я думал, вы куда-то уедете... Только один звонок, и я вернусь сюда.

– Возвращайтесь. Я вам поподробнее всё объясню...

Аркадий Васильевич кивнул.

– Вы уверены, что Максим окажется подходящим претендентом? – после долгого разговора о выборах спросил Аркадий Васильевич, положив телефон.

– Нет, не уверен, – отвечал Михаил Александрович. – К тому же мне очень не хочется запира́ть двадцатитрёхлет-

него юношу на 14 лет в колонии строгого режима.

– Тогда зачем он вам?

– Сейчас посмотрим, – непринуждённо ответил министр. – Где только он? Время, мне кажется, уже пришло...

– Три минуты назад привезли. Ждёт в 221 кабинете.

– Что ж вы сразу не сказали? Проводите меня к нему.

– Кто вы? – ласково спросил Михаил Александрович.

– Преступник, – весело ответил Максим.

Министр посмотрел на него немного удивлённо, хотел что-то сказать, но последовал быстрый вопрос от Максима:

– А вы?

– Михаил Александрович Божесов, министр... – начинал говорить Михаил, но был перебит Максимом.

– ... Юстиции, бывший губернатор Лимской области, и бывший прокурор её же... Знаю, – спокойно говорил он.

– Мне приятно, – кивнул министр, присаживаясь напротив Максима, решая не играть с ним в его игру. – Вы сказали, что вы преступник. Может быть, знаете почему?

– А разве в нашей стране преступнику необходимо знать, за что его судят?

– Думаю, знание помогло бы им выстроить свою защиту.

– Вам виднее, – устало ответил Максим.

– Скажите, какие у вас политические убеждения?

– Я вне политики. Она мне неинтересна. Пока я могу учиться, пока мне хватает на жизнь, пока я могу творить,

мне всё равно, кто стоит у руля.

– Хм... В таком случае, где вы себя видите через 10 лет?

– 10 лет? – задумчиво переспросил Максим. – Я вижу себя доктором исторических наук, преподавателем в ЛГУ... Или писателем исторических романов...

– Точно, вы же пишете! – шёпотом сказал Михаил Александрович, в попытке привлечь внимание.

– Даже вы знаете, – гордо ответил завлечённый Максим.

– Увы, я не читал ваших произведений...

– Это можно исправить! Они всегда со мной...

– Как ваше Евангелие? – тихо спросил министр.

– Именно... Моё. Евангелие, – отчеканив слова, ответил Максим.

– Кощунственное утверждение, не считаете?

– Нисколько! Вера в Бога у меня есть. А Евангелие – всего лишь книга о жизни Христа. Биография, без всяких встро-енных идей и авторских рассуждений...

– Тем не менее, Евангелие учит жизни, а идеями просто пестрит!

– Эти идеи основаны на реальных, возможно, событиях. Я имею в виду, что в Евангелие нет *авторских* мыслей.

– Не буду с вами спорить. Я далёк от религии... Так дадите ваш шедевр?

– Конечно, – сказал Максим, доставая из внутреннего кармана пальто книжку. – Пожалуйста.

– Думаю, я прочитаю её за два часа. Подождите меня

здесь...

– У меня нет другого выбора, – усмехнулся Максим.

– Кто знает? Если что-то нужно, вы просите, пока вы не преступник...

Глава VII

Пунктуация и орфография сохранены

Михаил Зауральский

«Франция»

ПРОЛОГ

Дорогой читатель, для начала, чтобы ты мог понять смысл происходящего рассказу немного о том мире, в котором живёт главный герой – Император Франции Мишелеон I Байнопарт. К моему величайшему сожалению, мой талант писателя очень слабый, поэтому я не могу уложить описание места в основную сюжетную линию.

Открыв свой поисковик и вбив в него «Противоземля», вы узнаете о гипотезе существования планеты, находящейся всегда в противоположной точке орбиты Земли, на которой теоретически может находиться жизнь (конечно, гипотеза ложная, но для базы литературного произведения очень полезная). Именно этот мир я избрал, как альтернативную реальность для написания книги. На этой планете эволюция пошла другим путём и до человеческого облика начали эволюционировать животные, а самого вида *Ното* вообще не существовало. По прошествии многих лет животные

оказались в своеобразном XIX веке человеческой истории. Образовалось много цивилизаций, но выделялись среди них представители семейств собачьих, кошачьих и медвежьих. На политической арене именно представители этих рас делили мир, а главной силой была страна Франция, в которой жили собаки с длинными ушами. Население формировалось из трёх «наций» франчесок: серые (с серыми ушами), белые (с белыми ушами) и разноцветные (с ушами других цветов). Но франчески были дружны, а единственной проблемой было крайнее невезение с правителями, которые чередовались плохой с хорошим уже более шести веков. Однажды франчески не вытерпели, сменили власть и полностью изменили свою жизнь, не подозревая к каким событиям во всём этом мире приведут их действия, но об этом я и расскажу здесь.

Читаем...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИНТЕРВЬЮ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Было темно и прохладно. Шторы плавно покачивались из стороны в сторону. Он, ещё не переодевшись после тяжелого дня, ходил по кабинету, напряженно о чем-то думая. Его походка была непринуждённая, но в то же время давала понять, что он напряжён.

В дверь постучали, он встрепенулся. Дверь отворилась. В кабинет лёгкой, летящей походкой вошёл молодой офицер в парадной гвардейской форме.

– Ваше Императорское Величество! – произнося это он вытянулся. – Господин Лершен ждёт Вашей аудиенции.

– Пусть войдёт, – последовал ответ Императора. Он перестал ходить по кабинету, вместо этого, избрав себе место для беседы, сел в кресло возле камина.

Через минуту в кабинет, в сопровождении офицера, вошёл г-н Лершен, мужчина средних лет, самый известный журналист в этой стране. Жестом Император позволил сесть ему в кресло напротив.

– Говорите свободно, будто мы с вами знакомы много лет. Думаю, к концу интервью у вас будет именно такое ощущение.

– Благодарю, хотя стоит заметить, что я иначе и не предполагал нашу беседу.

– Не перегибайте, – добродушно проронил Император.

– Нисколько... Давайте сначала мы определимся с тем, что я, да и мои читатели, желали бы от Вас услышать?

– Думаю, это можно устроить!

– Отлично! Сюжет статьи, а точнее цикла статей, будет о Вашей жизни до того момента как вы стали императором в этой стране. А также, очень хотелось узнать, как вы провели детство, свою юность, и как оказались здесь, я конечно же имею в виду Дворец.

– Как у вас всё просто, – с улыбкой произнёс Император. – Все другие журналисты интересовались только моей политикой и взглядами.

– Я не все. Начнём?

<...>

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Продолжим мою историю, – сказал Император, жестом предлагая Лершену закончить с едой и пройтись по галереям Дворца. – Первое время, где-то около трёх месяцев, я изучал этот мир. В основном я обратил внимание на социальную культуру, историю, правила политики и, должен признаться, не нашел ничего кардинально отличающегося от жизни на Земле. Потом, как вам известно, меня официально показали народу. Скажу, что это событие здесь не произвело такого же фурора, как появление Франческанской делегации на Земле.

При этих словах журналист улыбнулся. Он прекрасно знал, какую работу проделало Королевское Министерство Пропаганды, находящееся тогда под его управлением, чтобы подготовить жителей к этому событию. Ему льстило, что он смог обойти людей со всей их предусмотрительностью, неспособных скрыть появление «говорящих животных», которое многие люди восприняли как надвигавшийся Конец Света, что привело не совсем к позитивным событиям. Лершен думал об этом, не обращая внимания на Императора и на его слова. Очнувшись от своих мыслей, Лершен увидел

хитро улыбающегося Императора, присевшего на диван под огромной картиной «Парад в Первой Колонии», журналист почувствовал себя неловко под ироничным взглядом Императора.

– Ничего страшного, – сказал Мишелеон, – все совершают ошибки. Думаю, нам стоит закончить. Дурацкая идея была с этим интервью, не так ли?

Лершен, немного запинаясь, согласился. Он боялся, ибо знал, что Император, каким бы хорошим человеком он не был, не терпит, когда его не слушают.

– Пора заканчивать, – встав с дивана, произнёс Император. – Дела политики мешают мне уделить вам много времени, я провожу вас до парадного и, помня о нашей цели, всё-таки закончу свою историю.

– После того, как меня показали народу, повнимательней, пожалуйста! Королева Франческа XIII назначила меня своим помощником, но я не справился с этой работой, так как пытался повлиять на экономическую ситуацию в стране, помочь народу, платящему огромные налоги и живущему в нищете ради удовлетворения непомерных appetитов Королевы и Двора. Мы поссорились, и она отправила меня в Еджипт с экспедиционными войсками. Я вернулся через год и, к сожалению, увидел, что в стране стало ещё хуже. Франческа забыла о наших разногласиях и назначила меня Министром Армии, я, после двух недель в столице, отправился в Хихифалу, где смог реформировать структуру своего ведомства.

Большой проблемой для меня было то, что эта армия насчитывала только 73 тысячи солдат, но они были с огромным опытом и очень приличным вооружением. Прошло ещё 8 месяцев и к нам в город пришло известие о начале Великой Франческанской Революции, бушевавшей уже 2 недели. Это было потрясение для меня. Я поговорил со штабом, и мы решили не выступать на чьей-либо стороне, а выступить в качестве третьей силы, когда придёт время. Это было правильным решением. В гражданской войне приняли участие: войска Кошандии, выступившей за Королевский Дом Даримини с его сторонниками, а с другой стороны войска Малой Франции, поддерживающей Революцию и народное сопротивление. Ещё через 2 месяца Дворец был взят и Франческа XIII Даримини казнена. Начался период Демократии, создавались партии, пытающиеся сделать своих лидеров президентами... Кстати, из 7 партий только 2 были созданы гражданами Франции! Тут я не вытерпел и повёл свою армию на Фронолон. Война была быстрой. Народ, уставший от Революции, поддержал меня. Войска интервентов были разгромлены. Я вошёл во Дворец как хозяин. Да, пусть на штыках, но как хозяин!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

– Ну, вот я вас и проводил до кареты, Лершен. Надеюсь, вы прослушали не весь мой рассказ и через месяц я прочту вашу статью?

– Да, Ваше Императорское Величество, но Вы рассказали

всё как-то сжато и сделать из этого дельную статью очень сложно.

– Увы, очень мало времени. Тем более все дальнейшие события известны вам из архивов, да и по жизни... До встречи, Лершен. Приезжайте, если возникнут жизненные трудности, вас встретят...

Лершен сел в карету. Император взглядом проводил его, проследил, как карета проехала по площади, выехала в ворота, сразу закрытые гвардейцами из караула.

Мишелеон быстро поднялся на второй этаж Дворца, прошёл в кабинет мимо задремавшего офицера. Немного поразмыслив, вышел из кабинета, хлопнув дверью и, глядя в глаза проснувшемуся от этих действий адъютанта, приказал:

– Позови кабинет министров, Кошкину, Лисицыну и Второго Директора ИмперБАНКа. Я жду в гостиной Крыла Королевского Совета. И не забудь сходить на кухню, вели принести нам чего-нибудь...

– А не поздно?

– Они работают без выходных.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДРУЗЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Перед тем, как начать с того момента где мы остановились, расскажу тебе, читатель, Историю Франции.

Франческанские учёные, несмотря на отсталость в одних земных технологиях, смогли создать портал на Землю. Королева заинтересовалась этой возможностью и, в компании своих друзей отправилась на Землю, откуда привезла не только Мишелеона, но и ещё 40 человек разного пола, которым, впрочем, повезло не так сильно, как первому.

Расскажем о друзьях Королевы, ибо это важно для дальнейшего повествования.

Лучшей подругой Франчески XIII была Лисицына (как можно догадаться лиса), с которой в детстве они устраивали разные проказы, а в юности, став Королевой, Франческа подарила Лизе куриную ферму, которая плавна выросла в крупнейшего поставщика разнообразного мяса Королевству. Предприятие называлось КурКор (Куриная Корпорация) и после скандала (произошедшего уже во время режима Мишелеона) было национализировано, а Лисицына назначена Канцлером.

Другой, тоже близкой подругой, была Кошкина – отличница в школе, прекрасная ученица в университете. До «Земного Путешествия» она работала в полиции Франции (это было сложно, разруха была даже там). Кошкина своим живым умом понравилась Мишелеону, и он назначил её сначала Премьер–Министром Франции, а потом сделал Директором ИСБ.

Медведева, подруга Лизы, познакомилась с Франческой лишь в Путешествии, а при Мишелеоне стала одним из 5 ми-

нистров, заняв должность Министра Внешней Политики.

Зайцев, старый друг Франчески, всегда был её доверенным лицом, но в политику попал тоже при Мишелеоне напрямую на должность Министра Эстетического и Физического Развития.

Кузькин и Дружков, братья (собаки), служили в полках Королевской Гвардии. Дружков – полковником, Кузькин – начальником Санитарной службы. Во время Революции были доверенными лицами Мишелеона. После его воцарения стали министрами. Дружков – Министром Государственного Спокойствия, Кузькин – Министром Жизни Населения.

Рекс, сенбернар, в «Земное Путешествие» был взят по рекомендации, тогда подполковника, Дружкова. При Мишелеоне занял место в кабинете министров, став Министром Казны.

Медведь Михаил Абромыч, друг Франчески, не принимал участие в «Земном Путешествии», но стал другом и экскурсоводом Мишелеона в первые месяцы во Франчии. Когда Мишелеон воцарился, то Абромыч был назначен Вторым директором ИмперБАНКа (из трёх) и главой Ревизионной Комиссии. Первым Директором была его сестра Рошель, а Третьим Директором племянница Лили (мафия).

Все эти звери входили в Королевский Совет и были самыми главными лицами во Франчии. Правда с самоотдачей работали только Кошкина, Кузькин, Дружков и Рекс, но и остальные были большими профессионалами, хотя

и клали кое-что себе в карман. Зверей без таланта Император не держал. Все чиновники были одаренными личностями, чего не скажешь о парламентариях, которые в основном мешали политике Императора.

Существовал ещё и Имперский Совет, в который входили, кроме членов Королевского Совета, так же главы Департаментов Министерств (дело в том, что министерства делились на Департаменты, отвечающие за определённые направления, например Министерство Казны состояло из Департаментов Финансов, Энергетики и Промышленности).

Вот наша экскурсия в кадровый состав и устройство органов исполнительной власти Империи Франции завершена. Вроде бы всё... Если что-то забыл, попытаюсь вместить в более лаконичной форме в сюжет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Император, отдав приказ, отправился в Крыло Королевского Совета, комплекс комнат на 2 этаже дворца в левом крыле, предназначенный для заседаний.

Мишелеон прошёл в библиотеку, где вдоль стола уже стояли блюда с разнообразными сырами, колбасами, рыбными и мясными нарезками, а также 9 бутылок вина и прекрасного шампанского. Император направился к секретеру, предварительно взяв папку с документами из шкафа красного дерева. В этот момент вошёл секретарь Его Императорского Величества, майор Третьего Полка Императорской Гвардии, маркиз Амирен де'Куантье.

– Ваше Императорское Величество! Премьер–министр Империи Франции, Франческа да Римини, ожидает.

– Спасибо, Амирен, пригласи её и впускай всех, кто сюда придёт, без доклада, я их жду. И, пожалуйста, принеси мне из кабинета папку «Министерские миссии», это важно.

Амирен поклонился и вышел из библиотеки. Мгновенно в дверь вошла низкая франческанка, Премьер–министр Империи Франции.

– Мишель, уже так поздно! А эти офицеры Курьерской Службы Гвардии достали меня даже в Казино! – быстро проговорила Франческа.

– Да ты что! – воскликнул Император с весельем в голосе. – Франя! Ты опять была в Казино? И сколько на этот раз?

– Много не успела! – ответила Франческа, плюхнувшись в кресло. – Но на рулетке, где–то около семи тысяч фрач.

– В прошлый раз столько было за ночь, – с улыбкой произнёс Император. – Я очень рад, что Казино принадлежит Казне и деньги не уходят из народного кармана.

– Это всё лирика, Мишель, давай к делу. Зачем я тебе понадобилась?

– Не только ты. Я всех позвал, поговорим о прошлом, о делах в конце–то концов! Выпей, Франь, что тебе налить?

– Белого, – нагло ответила она.

Раздался стук и в дверь вошли Дружков, Кузькин и Рекс. Все были одеты в гвардейские мундиры

– Ваше Императорское Величество, – сказал Дружков,

остальные поклонились при этих словах.

– Вас, я надеюсь, мы не отвлекли от важных дел? – спросил Император с иронией в голосе, посмотрев на Франческу.

– Мы были в Казначействе, обсуждали с Рексом финансирование закупок медикаментов для Армии Франции и строительства Военного Медицинского Университета – ответил Кузькин.

– Ну хоть кто–то здесь, кроме меня работает, не так ли, Франь?

– Ваше Императорское Величество, никто с Вами не сравнится в самоотдаче народу Франции! – с пафосом в голосе и шуточной искрой в глазах, при этом вскочив с дивана, произнесла Франческа.

Все присутствующие засмеялись.

– Вот молодец, Франя! И как ей не отдать проигранные семь тысяч?

– Опять! – воскликнул умоляюще Рекс.

– Да, Рекс, опять. И всё завтра...

Рекс поклонился. Послышались шаги, дверь отворилась и шумной компанией вошли Кошкина, Лисицына, Медведева, Абромыч и Зайцев. После этого, без лишних церемоний все сели за стол.

– Ну как, Франь, твой тринадцатитысячный проигрыш? – спросила Кошкина.

Франя закусила губу, все опять засмеялись.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

После того, как все немного перекусили, Мишелеон встал из-за стола, подошёл к камину и сел в кресло.

– Я пригласил вас, господа, вот по какому поводу.

– К нам едет ревизор? – спросил Зайцев.

– Надеюсь Второго Пришествия мы не увидим, – с улыбкой сказал Император.

– Ха-ха! – усмехнулась Медведева.

– Так вот... Ко мне сегодня приезжал Лершен.

– Это редактор «Вечерний Франции»? – спросила Лисицына.

– Да, – ответила за Мишелеона Кошкина.

– Давайте я всё-таки продолжу, можно? Прекрасно... Он интересовался моей жизнью до того, как я стал Королём Франции...

– Надеюсь, о моём спасении ты ничего не говорил? – воскликнула Франческа.

– Ещё не время это рассказывать, Франь. Но как раз об этом я и хотел поговорить... Лиза с удовольствием нам повторит эту историю. Не так ли?

– Пожалуйста, – встала Лисицына, – когда мы узнали о готовящейся казни Королевы Франции Франчески XIII, мы сразу решили подготовить побег, изготовили очень качественный манекен Королевы и подкупили палача. Когда Королеву уже «подвесили», верёвка оборвалась, а Королева упала в яму. Я была в той яме и вколола тебе, Франя, мощ-

ное снотворное. Подкупленный палач, достав тебя из ямы, сообщил всем о твоей смерти. После этого твоё тело отправили во Дворец, где тебя должны были положить на ступени. К счастью, мы смогли подложить манекен в карету, а тебя, всё ещё сонную, я увезла в Хихифалу... Уже в новой стране ты стала главой Ревизионной Комиссии, Председателем Партии Серых, Министром Торговли, Канцлером, а сейчас осела в качестве Премьер–министра. Вот и всё.

– Да, смешная история, я бы...

– Ваше Императорское Величество, Её Императорское Величество просила Вас зайти – прервал Мишелеона, вошедшей Амирен.

– Прошу простить, меня зовут. Не расходитесь, нам ещё надо поговорить о деле...

Император вышел из библиотеки, Амирен пошёл с ним.

– Карета подана? – спросил Мишелеон.

– Да, Мой Император.

– Кто меня сопровождает?

– Офицеры Третьего Гвардейского Батальона, лейтенант Франтос, капитан Фрамис, лейтенант Дантос и капитан Арманьян.

– Кто управляет каретой?

– Майор Третьего Батальона Вильтре, как Вы и просили.

– Прекрасно! Спасибо Амирен. Ступайте.

Император вышел к Левым Воротам, где его ждала карета и четыре всадника.

– Господа, вы готовы?

Офицеры кивнули.

– Великолепно! – восторженно произнёс Император – Капитаны, вы поедете впереди, лейтенанты сзади кареты. Трогай!

<...>

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Вот он! Пришёл! Что от тебя нужно было твоей жене целых 3 часа? – накинулась на только что вошедшего Мишелеона Франческа.

– Франь, успокойся, – пришла на выручку ошеломленному Императору Кошкина – Ты же прекрасно знаешь, что Императрица уехала в Фифа.

– А куда ты ездил? – спросила Лисицына.

– Спросите у Кошкиной, она знает на всё ответы, – весело проговорил Император.

– Его Императорское Величество единственный житель Империи Франции, о передвижении которого не знает даже ИСБ.

– Это так, – ответил Мишелеон. – А где я был, вы узнаете, в лучшем случае, утром.

– Ладно, ладно, скрытный ты наш. Давайте поговорим о делах.

– Я тоже этого хочу, начинай, Франя, – сказал Мишелеон, садясь за секретер.

– Хорошо. Сейчас в нашей стране самый высокий показа-

тель уровня жизни за весь период существования этого показателя. Департамент Экономике и Парламентская фракция Партии Разноцветных установили, что для приобретения продуктов первой необходимости на одного франчеса требуется 24 франча, минимальная зарплата остаётся на уровне 100 франч, безработица 1.6%. Население Франчии составляет 112 миллионов, население Империи – 342 миллиона. В казне сейчас 126 миллиардов франч из них 38 миллиардов золотом. Это в цифрах. Подробности расскажут главы министерств. Рекс, пожалуйста, – закончила импровизацию Франческа.

– Гм, гм... – прокашлялся Рекс – В состоянии казны Франческа не ошиблась. И кстати, Военный Медицинский Университет будет иметь финансирование, как и просил Кузькин. Наша промышленность тоже на высоком уровне, программа «Автономия ПромЭнерго» осуществлена на 85%, через 1,5 месяца Франчия выйдет из зависимости от стран, пока ещё продающих нам продукты химической и энергетической промышленности.

– А что конкретно делается для энергетической автономии? – спросил Император.

– Для этого мы строим ГЭС, их уже 6 из 9 запланированных, а также ряд Колоний в тропическом и субтропическом поясе получают солнечную энергию и энергию ветра. Ну, на сегодня это всё.

– Спасибо, теперь пусть Медведева расскажет нам о своих

рабочих достижениях.

– А какие у меня достижения? Министерство Внешней Политики работает, как и всегда, продуктивно, в понедельник я ездила в Пари–сити, где был подписан договор о продаже в Явропу 70 миллионов тонн зерна, это принесёт казне 1 миллиард золотых фрач, транспортировка не наша работа. Империя Чайна обеспокоена нашим присутствием в Хиндостане, но я смогла уладить этот конфликт предложив им 40 000 ружей «Системы Фра» и 8 военных фрегатов.

– Дёшево отделалась, молодец. Давай Зайцев, следующий.

– Ну, с чего бы начать? – задёргался Зайцев.

– С самого главного, – ответил Император.

– Х–хорошо, х–хорошо. Как вы знаете, трудный период у меня бывает летом, когда идут вступительные экзамены, начинаются чемпионаты и соревнования, а сейчас, зимой, остается заниматься лишь строительством новых зданий и культурной жизнью.

– Не тяни! – протянула Франческа.

– Да–да, о чём это я? Ага, сейчас во Франчии идёт строительство 229 новых школ и 359 детских садов, в Империи в два раза больше. Новый театр Оперы и Балета строится в Санкт–Фрусе, и к концу весны будет готова новая учебная программа, которую я презентую на последнем весеннем заседании Парламента.

– А поподробнее о ней?

– Она ещё не готова.

– Ладно, – поморщившись сказал Император. – Теперь Кузькин.

– Ваше Императорское Величество, подробно обо всех делах внутри страны я написал Вам в докладе, который пришлю Вам днём. А вкратце так: моё министерство работает согласно плану от 17 декабря, мы проводим исследования в области медицины, строим автостраду и прокладываем железную дорогу в Кошандии, мы готовы к посевной в южных Колониях, а строительство Нового Фронолона перешло на следующую ступень.

– Спасибо, надеюсь цифры есть в докладе?

– Да, там всё подробно.

– Прекрасно! Давайте дальше, Дружков.

– Всегда рад – сказал Дружков, вставая с кресла. – Начнём с судопроизводства, оно, конечно же, тесно сотрудничает с ИСБ и никаких особых проблем не наблюдается, по уголовным делам проходит очень мало граждан, по административным ещё меньший, с начала года совершено 2000 преступлений, как мелких, так и серьёзных...

В этот момент в библиотеку зашёл Амирен. Император повернулся в его сторону, все тоже посмотрели на него.

– Он прислал ответ, – сказал Амирен, передавая Мишелеону запечатанный конверт и выходя из библиотеки.

Император распечатал конверт под пристальным наблюдением собравшихся.

– Что смотрите? – спросил он. – Продолжайте, продол-

жайте. Пусть теперь Лиза расскажет нам о делах в Парламенте.

– Окей. В Парламенте всё стабильно, законы принимаются, парламентарии контролируются, единственная проблема, это обеспокоенность ситуацией в Еджипте, но я думаю на следующем заседании мы, я и Дружков, сможем их успокоить.

– Постараемся, – кивнул Дружков.

– Угу, угу... – не обращая внимания на говоривших или делая вид, что не обращает внимания, пробубнил Император – Давай Абромыч, поведай нам о делах в ИмперБАНКе.

– Ну, у нас всегда всё хорошо, – добродушным баском проговорил медведь. – Клиенты довольны, кредиты погашаются. Инфляция колеблется на уровне 1,3%. В связи с этим, Лили предложила новую ипотеку под 5% годовых на 7 лет, но мы ещё это не обсуждали.

– Хорошая идея, – вмешалась Франческа – Кабинет Министров поддержит вашу инициативу, а Казна выделит деньги, не так ли, Рекс?

– Денег хватит, но решать всё равно Вам, Мишелеон.

– Да решать мне... – всё ещё, читая письмо проговорил Император.

Все переглянулись. Резко Мишелеон встал, подошёл к камину и сказал, как будто в пустоту, но громко:

– Итак, война! – после этих слов повернулся к министрам – Лисицына, никого не надо успокаивать, проблема

переросла в Войну.

– Как! – воскликнули все.

– Вот так! Надеюсь, у нас есть ресурсы для этой войны?

– Найдём! – сказали все гордо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЙНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Расскажу немного о причинах войны и о том, куда ездил ночью Император.

На страну Еджипт (колонию Франции) претендовала Империя Туристия, ссылаясь на исторические земли влияния. Но Франции подобные запросы были противны, ибо статус самой сильной державы обязывал вести строгую внешнюю политику...

Письмо, полученное Мишелеоном, содержало ответ Сеуда (посла императора Туристии с особыми полномочиями, на встречу с которым и ездил Мишелеон) на вопрос, что же будет делать Туристия в Еджипте.

Еджипт стратегическая колония Франции из-за того, что она находилась ровно в центре Империи, делая Еджипт страной, из которой было невероятно удобно совершать торговлю со всем цивилизованным миром, а плодородные почвы давали удивительные урожаи, столь необходимые воюющей Франции. Жителям же Еджипта существование было

в радость: образование, медицина, работа, деньги, недвижимость – всё благодаря Франческанским инвестициям в регион.

С тех пор, как Туристия начала претендовать на Еджипт, в стране начали организовываться группировки из желающих устроить переворот. Но Региональная Армия Франции (вместе с ИСБ) очень быстро устраняла эти угрозы. Однако ко времени описываемых событий Региональный Легион Армии Франции в Еджипте начал проводить завершающую стадию операции по полному уничтожению самого крупного бандформирования, насчитывающего 7000 боевиков. Но Легионом было получено известие о готовности семидесятитысячного корпуса Императорской Армии Туристии перейти границу. Все силы Легиона были переведены поближе к границе, а для осады крепости боевиков остался лишь пехотный полк.

Франция всегда была готова к войне. Через неделю после встречи Мишелеона с послом, в Еджипт из Франции отплыла эскадра из семидесяти кораблей, на борту которых находился Первый Специальный Корпус Армии Франции (50 тысяч солдат) под личным командованием Дружкова, Кузькина и Рекса. Ещё через два дня из Фредбурга отплыла эскадра из девяти кораблей, с Третьим Полком Императорской Гвардии на борту, под личным командованием Императора Мишелеона.

Ну-с, продолжим путь с Мишелеоном.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Фрелинжер» – лучший корабль Франческанского Флота.

На этом символе могущества Империи Франции плыл в Еджипт её Император – Мишелеон I. Его каюта представляла собой изысканное сочетание дворцовой и военной обстановки: красивое деревянное бюро, два книжных шкафа, одноместная кровать, глобус, стол для обеда, два кресла и диван. Всё скромно и аскетично, если учесть, что плыть надо 2 месяца.

За это время, Армия Туристии смогла пробиться вглубь Еджипта, оттеснив Региональный Легион к Южным Границам. К счастью для населения Еджипта, первая эскадра уже высаживала в стране армию, ожидавшую прибытия Императора.

В это же время Региональный Легион успел маневрировать и соединиться с главными силами Армии Франции.

Мишелеон прибыл в Еджипт через 4 дня после соединения Регионального Легиона с Первым Корпусом, таким образом в Еджипте присутствовала шестьдесят одна тысяча солдат Франции.

Утро. Рассвет. Жарко. Графский замок в Канире. Император, Дружков, Кузькин, Рекс, Амирен, генерал–командующий Регионального Легиона, офицеры Армии и Гвардии.

– Вы! – отчитывает Император генерал–командующего. – Как было можно, имея десять тысяч солдат и 378 пушек

не продержаться 3 месяца на 5–ти километровой линии фронта! Как? Нет, я, конечно, понимаю, 3 месяца против семидесятитысячной армии сложно, но отступить вглубь страны после 3–х недель слабого нападения... Что вы скажите в своё оправдание?

– Ваше Императорское Величество, – подняв голову начал генерал, – Ваши обвинения вполне оправданы, но я спас 7 тысяч солдат, и...

– Не продолжайте! – перебил Мишелеон – Разве это спасение! Сколько вы потеряли в бою? 836 франчесов? А ведь остальные погибли в пустыне! Вы бы потеряли меньше, если б остались на фронте. Ваш Легион переходит под командование маркиза де'Куантье.

– Мой Император, – поклонился Мишелеону Амирен.

– Дальше, – кивнул ему и продолжил Мишелеон, – вы, генерал, отправитесь во Францию, где по решению Парламентских слушаний установят вашу дальнейшую судьбу. Они будут знать, из чего выбирать – я им скажу. Ступайте! Вас увезут во Францию с первым кораблём.

После этих слов Мишелеон сел в кресло. Два гвардейца спокойно увели генерала, а некоторые из присутствующих офицеров поздравили Амирена с новым назначением.

– Давайте к делу, – пробудился Император, – подойдите к столу. Итак, мы сделаем следующим образом. Двадцать тысяч солдат под командованием Дружкова и пятнадцать тысяч солдат под командованием Кузькина пойдут вглубь стра-

ны прямо на войска Туристии. Ещё пятнадцать тысяч под командованием Рекса отправятся к границе Еджипта с Туристией, перекрыв все дороги. Амирен с девятью тысячами солдат пойдёт по западной границе на юг, а потом на соединение с войсками Дружкова и Кузькина. Я же с Гвардией и 3000 кавалерии отправлюсь по стране, устанавливая порядок, разгоняя бандформирования и общаясь с населением. Наш флот будет ждать нас здесь, а его часть отправится патрулировать морские пути из Туристии, устроив им экономическую блокаду и перекрыв военные поставки. Через месяц встречаемся у границы, туда же надо гнать остатки Туристской армии. Победа за нами! С нами Бог! Все всё поняли? Завтра выступаем.

Все поклонились и вышли – готовить армию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рекс

На следующий день после совещания, войска в строгом порядке вышли по заданным направлениям. Сейчас я расскажу о действиях части армии под командованием Рекса.

От Канира до приграничного городка Еденьяр, в котором укрепились четырёхтысячная группировка Армии Туристии, было 5 дней быстрого марш-броска. Рекс со своей частью справился за четыре. Отправив 5 тысяч солдат в обход главной дороги на город, Рекс воспользовался стандартным военным маневром Армии Франции, сумев вывести войска Туристии на открытое пространство, взяв их в окру-

жение и обстреляв артиллерией, после этого, разумеется, предложив сдаться.

Рекс быстро захватил город и уже через 3 дня навёл в нём полный порядок, а также перекрыл все дороги между Туристией и Еджиптом.

Кузькин и Дружков

В отличие от Рекса им повезло меньше. Их войска направились вглубь Еджипта, в те места, где прочно засели войска Туристии. Но и Кузькин, и Дружков были опытными полководцами и прекрасно справились со своей задачей. Войска Туристии потерпели три поражения и были отброшены к границе, но не смогли перейти её, оставшись на территории Еджипта, и бродили по нему в поисках провианта и поддержки населения.

Интересное столкновение произошло недалеко от селения Кани, под которым Франческанская Армия одержала победу, потеряв 342 солдат и забрав на Тот свет 4573 солдата противника. Этот бой произошёл совсем неожиданно и для Франческанской Армии и для Армии Туристии.

Передовой отряд Франческанских Драгун въезжал в селение Кани и обнаружил, что в 4 километрах от него располагалась двадцатитысячная армия противника. Уже через пятьдесят минут в этот спокойно стоявший лагерь, полетели ядра из пушек Кузькина. Разумеется, противник растерялся, впрочем, очень быстро собрался и ответил огнём из своей артиллерии. Неожиданно, сзади, на ряды Армии Тури-

сти наскочил двухтысячный отряд кавалерии. Завязался бой, остановивший пение пушек. Однако, атака была отбита, но оказалось, что за это время Франческанская армия, построившаяся в 4 ровные линии, почти окружила неприятельский лагерь. Завязалась перестрелка, но залпы Армии Туристии быстро замолчали под огнём Франческанских скорострельных ружей.

Всё же, восемнадцать тысяч солдат смогли прорваться и отступить к следующим рубежам. Но это была лучшая победа Дружкова и Кузькина.

Путь Амирена

Девять тысяч кавалеристов группировки Амирена, как и приказывал Император, объехали Египт по западной границе без каких-либо серьёзных боев. За все эти две недели Амирен восемь раз вступал в бой с повстанцами, и всегда уничтожал не только их физическое воплощение, но и духовные идеи, которые они проповедовали в той местности.

Конечно, Амирену не терпелось вступить в настоящий бой. И случай представился. Помните радикальное бандформирование в Египте? До момента, когда к нему подошла группировка Амирена, отряд сдерживался усилиями одного полка, вот уже четыре месяца. Прибыв на место, Амирен первым делом провёл рекогносцировку местности.

Вопреки мнению более опытных командиров, бывших с Амиреном и думавших, что полководец захочет взять укреплённую крепость наскоком, Амирен поступил более

благоразумно. Он воспользовался 68 пушками, которые по его приказу расставили параллельно крепостной стене, прикрывающей деревянные амбары и склады.

Ранним утром боевики проснулись от страшного грохота артиллерии – пушки Амирена обстреливали стену. Три часа не смолкала канонада, пока, наконец, не рухнула стена. Обстрел прекратился, и напуганные боевики начали строиться в колонны и выходить из образовавшейся брешки, чтобы не дать Франческанцам быстро овладеть крепостью. Им на встречу двинулся эскадрон драгун, и боевики ещё дальше вышли из крепости. Но, внезапно, эскадрон свернул и по рядам боевиков дали четыре залпа подряд все батареи Амирена.

Когда дым рассеялся, сепаратистов осталось довольно мало.

Но даже после этого Амирен не пошёл на штурм и не предложил сдачи крепости. Опять заговорили пушки, заряженные уже фугасными снарядами. Амбары и склады запылали, а через два часа вся крепость была в огне, в котором метались оставшиеся боевики.

К брешке в стене были подведены две тысячи драгун, стрелявшие во всех выбегавших из крепости.

К вечеру всё стихло. Крепость перестала пылать. Никаких признаков жизни не подавала. Внутрь был послан отряд драгун, который вернулся, сообщив о полном отсутствии жизни.

Амирен приказал готовиться к маршу на соединение,

а инженерно-саперные войска заминировали и взорвали крепостные стены.

Так, хотя это было и жестоко (но необходимо), Амирен справился со своей задачей и уничтожил отряд «Свободный Еджипт», наведя порядок и вычистив Еджипт от очень жестоких боевиков и проповедуемых ими настроений.

Мирный путь Императора

Мишелеон, возможно в политических целях, не делал никаких опрометчивых поступков. Но даже ему не удалось избежать столкновений. В трёх деревнях его передовому Гвардейскому Пехотному отряду пришлось давать отпор вооружившимся селянам. Но по прибытию Императора перестрелки были прекращены, а главарей выступлений приводили к Мишелеону, внимательно выслушивавшему их претензии и записывавшему их в специальную книгу. После этого их отпускали, а раненым гражданам оказывали медицинскую помощь.

Так Мишелеон провёл месяц, до того, как повернул свои войска в Приграничный Еджипт на соединение с основными силами.

Мишелеон въехал в Единьяр, где его ждали войска Дружкова, Кузькина, Рекса и Амирена, а по другую сторону стояли тридцать девять тысяч солдат Императорской Армии Туристии, желающих прорваться через оборону Франческанской Армии и вернуться домой.

<...>

ГЛАВА ПЯТАЯ

Почти вся Армия Франции (кроме семи тысяч солдат, оставшихся охранять границу на время переговоров) вернулась в столицу Еджипта – Канир, откуда в скором времени должна была вернуться во Францию. Но для начала, Император Мишелеон и Император Вахнед должны были обсудить мирный договор.

Итак. Вечер. Библиотека графского замка в Канире. Накрытый стол. Император Вахнед сидит на стуле за столом, за ним стоят два офицера Гвардии Франции: капитан Арманьян и капитан Фрамис. Мишелеон сидит во главе стола.

– Ну что, Вахнед, – сурово обращается Мишелеон к поверженному монарху. – Если бы вы были чуть умнее, вы не стали бы лично нападать на меня. Но увы, умом вы обделены. Теперь вы мой пленник и, в принципе, мы можем уже не вести переговоры, так как вы в моей власти.

– Ошибаетесь, – прервал Вахнед, – в Туристии, узнав о моём пленении, скорее всего уже сформировались группировки, поддерживающие одного из трёх моих наследников, и думаю через месяц, если со мной всё будет плохо, у Туристии будет новый Император.

– Вы правы, – ехидно улыбнулся Мишелеон, – Но не будем забывать, что я могу лишить вас жизни завтра, а уже через пятнадцать дней буду в Икинбуле со всей своей армией, захватив всех ваших наследников и правительство. Но я это сделаю лишь при крайней вашей несговорчивости.

А теперь *очень* хочу сказать вам, что я хотел вам предложить до того момента, как вы попали к нам в плен... Я хотел потребовать 500 миллионов золотых фряч; запретить вам иметь войска в 40 км от границы и, кроме того, ваш отказ от торговли со странами Явропы и отказ от военного флота на Бордовом море.

– Но это невозможно! – воскликнул Вахнед.

– Да, раньше это было невозможно, но с вашим бреним телом возможно и не такое! Вот мои новые требования! Один миллиард золотых фряч, семидесятикилометровая зона вдоль всех границ без ваших войск, отказ торговли и отказ от флота на тех же условиях, а ещё... Послать вашего Первого Наследника (с соответственным сопровождением) во Фронолон для моего личного спокойствия.

– Этому не бывать! – вскочил из-за стола Вахнед, но тут же был посажен на место капитанами.

– Нет, именно так и будет! – торжествующе произнёс Мишелеон – Уведите Императора в тюрьму замка Арталье.

Офицеры увели Вахнеда. В библиотеку вошёл Дружков.

– Тело Амирена мы нашли и подготовили к отправке во Франчию.

– Угу... – ответил Император.

– Я понимаю, для всех нас это великая печаль, но зачем ты мстишь за его смерть такими ужасными условиями договора!

– Нет, тут отсутствует месть, всё это для блага нашей

Франции и Египта, в частности. Давай не будем об Амирене. Он погиб так, как и следует гвардейцу, защищая интересы Императора. Это его выбор с самого начала. Лучше я объясню тебе свой план.

– Хорошо, давай, – сказал Дружков, сев за стол.

– Всё просто. Один миллиард, как думаешь откуда Туристия возьмёт один миллиард? Правильно, из резервов. А чем компенсирует эти потери? Правильно, повышением налогов. А что это значит? Это значит, что и без того опозоренные поражением простые жители (я не говорю о знати) будут возмущены. Понял эту часть плана?

– Да.

– Прекрасно. Теперь о приграничной зоне. Надеюсь, ты понимаешь, что это даст нам возможность подготовить войска к действиям? А отсутствие флота на Бордовом море даст возможность незаметно эти войска доставить. Ясно?

– Да.

– Дальше. Отсутствие торговых связей с Явропой задушит их экономику, они ведь совершенно неавтономны! Следствием упадка экономики будет ещё большее возмущение со стороны населения. Это ясно?

– Ясно.

– И наконец. Наследник. Это будет прецедентом для недовольства знати.

– И что же нам это даст?

– Следующее: народ не доволен, знать не довольна. Мощ-

ной работой пропаганды мы устраиваем революцию (ну, разумеется, народными силами). Императора свергают, наступает анархия, переросшая во власть знати. Народ опять недоволен, но мы опережаем его рвение и наша армия, как я планирую около пяти корпусов, переходит границу Египта и аннексирует Туристию. Мы делаем КОРОЛЁМ Туристин того самого Наследника Вахнеда (он к тому времени будет обработан Кошкиной и ИСБ) и через него контролируем Туристию.

– Ну, не очень гениально, – сказал Дружков, – Откуда мы возьмём деньги на войну?

– Ты же прекрасно понимаешь, что ущерб, нанесённый Туристией Египту, оценивается всего в двести миллионов. А что это значит? То, что Туристия сама заплатит за все расходы!

– Ладно, допустим. А ты уверен, что Вахнед согласится на таких условиях подписать договор, я думаю он понимает все последствия.

– Его заставит Кошкина, которая прибыла в Египт ради этого. Кроме того, мы сохраним его от революции и разыграем его гибель, а на самом деле эвакуируем его. Как с Франческой.

– Хорошо... Последнее. Для чего нам нужен наследник Вахнеда на престоле?

– Для того, чтобы нас не считали захватчиками, а теми, кто восстановил законную власть.

– С каких пор ты начал считаться с мировым мнением?

– Я с ним и не считаюсь. Это благородство, – с коварной улыбкой на лице закончил Император.

После этих слов Дружков удалился, оставив Императора со своими мыслями...

Через два месяца план Мишелеона осуществился и Франция начала контролировать бывшую Империю, а теперь Королевство, Туристию, наладив в ней медицину, образование, экономику и финансы. Ещё через три месяца Туристский народ изъявил желание стать колонией Империи Франчии. Его желание было удовлетворено, а монархи, некогда правившие Туристией, уехали в Республику Джапайн, в изгнание.

Глава VIII

– Вижу, вы действительно просили всё, что было нужно! – удивился Михаил Александрович, когда вошёл в кабинет, где Максим сидел за столом, уставленном фруктами. – Не знал, что здесь такой сервис!

– Я просто увлёкся, – спокойно отвечал Максим, даже не встав с дивана. – Вы, вижу, прочитали?

– Совершенно верно, – сухо произнёс министр, сев напротив Максима.

– И что? – не скрывая свой интерес, спросил Максим.

– У меня масса вопросов. Как к вам, так и к вашей книге.

– Задавайте, – с готовностью сказал Максим, вскочив с дивана.

– Я бы не разделял вашего энтузиазма... Мне не понравилось ваше «Евангелие»... «Франция» не имеет культурного значения, у неё нет будущего, она сильно переоценена как вами, так и людьми, которые, прочитав её, решили, что у вас какое-то психическое заболевание... Она крайне посредственна и самоуверенна. Хотя, мне показалось, что Мишелеон Байнопарт очень сильно похож на меня...

– Видите, – грустно улыбнулся Максим. – Вас всё-таки зацепила «Франция»...

– Это единственное, что вообще произвело на меня впечатление, – сурово перебил Михаил Александрович. – Больше всего меня смутило то, что вы пишете о политике... Вернее о том, как вы её себе представляете. И...

– Это моё видение лучшего мира! – гордо прервал Максим. – Мира, где нет политических интриг внутри государства. Мира, где власть делает всё: и для народа, и для себя...

– И мира, где *человек царствует над зверями?* – спросил Михаил Александрович с тонкой улыбкой. – Вы, должно быть, считаете, что Мишелеон воплощение всего лучшего? Но ведь он оказался в нужном месте, в нужное время. Совпадение? Или это и есть задумка вашего Евангелия – *человек всегда талантлив, но, чтобы достичь высот нужна фортуна?* В таком случае, я с вами соглашусь, но только на половину... Дело в том, Максим, что вся моя карьера это череда случайных обстоятельств, которыми мне удалось выгодно воспользоваться. Понимаете? Но ко мне нельзя применить

формулу: «*Дуракам везёт*»! Во-первых, я далеко не дурак. Во-вторых, если дуракам везёт, то в нашем мире слишком много гениев! – интонационно напирал на Максима Михаил Александрович.

– Почему вы так возмущаетесь моей книгой? – пересилив себя, спокойно спросил Максим.

– Я уже говорил, что она не имеет культурного значения... хотите узнать почему? У вас нет запоминающихся образов; нет эмоций персонажей, а только заявка на их присутствие; самое главное, у вас многочисленные убийства, войны, существуют как само собой разумеющееся, без описания отношения к происходящему... Не пойму, почему вы называете книгу «Евангелием»! Я бы назвал это летописью, суровым изложением фактов, возможно, *идеального* мира.

– В этом и задумка! – тихо сказал Максим. – Мой мир самый идеальный из всех возможных. Да, в нём идут войны, но без них жизнь человека невозможна... Почему я показал *животных* в качестве основного населения? Наверное, потому что *животных* человек может приручить... И у меня *человек* это воплощение государства! Именно поэтому Мишелеон абсолютный монарх, он представляет собой симбиоз исполнительной, законодательной и судебной власти, которые существуют совместно с простым народом! *Мишелеон* не может существовать без *зверей*, также, как и *звери* не могут существовать без *Мишелеона*...

– Максим, – после короткой паузы, уже спокойным го-

лосом начал Михаил Александрович. – Скажу вам две вещи. Первая. Мне крайне льстит то, что я похож на *Мишелеона*. Вторая. Вы, как я вижу, всё–таки интересуетесь политикой. По–своему, но интересуетесь. У вас есть таланты, но не было обстоятельств... До сих пор... Максим, хотите ли вы, чтобы ваши идеи, цели, правила стали больше, чем посредственная книжонка?

– Вероятно, – неуверенно ответил Максим.

– Тогда давайте помогать друг другу! – торжественно произнёс министр. – Я приехал в Лимск, чтобы выдвинуться на пост президента. У меня есть тезисы политической программы, но у меня не хватает времени их оформить во что–то стоящее. Если хотите, то я могу вам их отдать, а вы сделайте из них настоящую программу.

– Вы принесли их с собой? – спросил Максим с улыбкой.

– Совершенно случайно, да.

– Вы всё–таки расчётливый человек, Михаил Александрович! Смогли меня расстроить критикой моей книги, потом сказали, что идеи хорошие, и теперь предлагаете работать с вами... Вы хитры!

– А вы согласны на моё предложение, – спокойно закончил министр.

– Не торопите события! Я ведь должен понимать кем я буду в вашем избирательном штабе, не так ли?

– Об этом пока рано, Максим, – уклончиво ответил Михаил Александрович. – Я дам вам одно задание, а потом уже

мы сможем поговорить.

– Какое?

– Напишите мне речь для моего выдвижения. Только ярче чем ваша книга, прошу вас.

– Завтра к вечеру, я вам пришлю черновик.

– Спасибо, – сказал Михаил Александрович.

– Я понимаю, теперь я не преступник?

– Вы им и не были, – фыркнул министр.

– Могу идти? – робко спросил Максим.

– Провожать не надо?

– Я найду выход, – ответил Максим, развернувшись к дверям.

– Постойте, – окликнул министр. – Как ваше отчество?

– Львович.

– Ясно... А какое заболевание вам приписывали: шизофрению, диссоциативное расстройство идентичности или нарциссическое расстройство личности?

– Вы ведь понимаете, что я официально здоров? – усмехнулся Максим.

– Конечно, Максим Львович! – иронично ответил Михаил Александрович. – Но всё же?

– Люди глупы. Мне приписывали биполярное аффективное расстройство.

– Печально... Ну что ж? Я жду мою речь. Удачи!

– До свидания, Михаил Александрович!

– Ну, что? – спросил Михаила Александровича Аркадий Васильевич, войдя в кабинет.

– Не Максим, – коротко ответил министр.

– Прокурор в шоке, – уныло проронил судья, садясь в кресло.

– Сергей Васильевич всегда был таким, – задумчиво произнёс Михаил Александрович.

– Да... Он не знает, что делать с убийством Даринского...

– Для него он был важен? – всё ещё задумчиво спросил министр.

– Думаю, он хотел воспользоваться этим делом в своих целях... Сергей Васильевич полгода лично собирал доказательства вины Сикирова... Любой предложенный вами альтернативный вариант принесёт не совсем приятный результат...

– А если вариант будет правильным? – оживился Михаил Александрович от неожиданной мысли.

– В смысле?

– Аркадий Васильевич, мы оба понимаем, что прокурор не сможет воспользоваться любым подарком судьбы, но мы-то сможем! Я уж точно...

– Не понял?

– Сергей Васильевич просто прекрасная марионетка! Он может сильно помочь моей избирательной кампании. Но для этого «акта», нам нужно подкинуть для него стопроцентного убийцу... ну, или помочь раскрыть дело убийства Дарин-

ского...

– Признаться, я не улавливаю вашу логику.

– Ничего страшного... Мой план у меня в голове. Изложить мне его вам трудно... В процессе поймёте. А пока, Аркадий Васильевич, у меня для вас два новых задания.

– Вам приятно эксплуатировать судью? – шутливо улыбнулся Аркадий Васильевич.

– Очень, – с такой же улыбкой ответил Михаил Александрович. – Так вот, первое задание. Сообщите прокурору, что я завтра приеду в Лимск и покажу ему настоящего убийцу. Второе, – продолжил министр, протянув судье исписанную бумажку. – Здесь указан отель, номер и ненастоящее имя одной девушки. Это и есть коварный убийца трёх маловажных лиц и самого Сикирова! После ареста надо, чтобы её привели сюда.

– Откуда вы знаете, что она убийца?

– Когда-нибудь, наверное, я вам расскажу, – улыбнулся Михаил Александрович. – А теперь, займитесь делом. Я же поеду перехватывать свой завтрашний поезд. До встречи!

– Спокойной ночи!

Глава IX

– Даниил Николаевич, приветик! – сказал Михаил Александрович, открыв дверь в купе министерского вагона.

– Здравствуйте, Михаил Александрович!

– Как в Москве?

– Всё по плану, – кратко ответил Даниил Николаевич. –

У вас как?

– Лучше, чем можно ожидать! Всё готово. Скоро мы сможем объявить моё выдвижение.

– Скоро?

– Да. Ещё много надо подготовить...

– Например? – с интересом спросил Даниил Николаевич.

– Знаешь, я собрал неплохую команду! – перескочил министр.

– Из кого же?

– Председателя областного суда Аркадия Васильевича Хвостовского; философа, но неплохого, мне кажется, психолога Максима Львовича Бенгальского и *одной моей старой знакомой*...

– Я думаю, женщины нам не нужны.

– Знал бы ты, что это за женщина! – восхищённо произнёс Михаил Александрович. – Впрочем, удивительно что тебя не смутил философ!

– Вы в праве выбирать себе какого угодно в команду. Главное, чтобы все делали то, что принесёт вам пользу.

– Ты прав, – спокойно кивнул министр. – Пользу... Что ж? Если мы заговорили о пользе. То давай о делах.

– Что вас именно интересует?

– В Кремле меня продолжают считать фиктивным кандидатом?

– Да.

– Отлично. До последних дебатов пусть так и считают...

Значит смотри: сейчас мы приедем в Лимск и ты, вместе с губернатором, найдёшь для меня площадку к выступлению. Желательно, чтобы было много людей. Речь будет достаточно посредственной, но нестандартной... В некоторых моментах будут нужны возгласы одобрения, сочувствия и прочего... Думаю, 100 человек будет достаточно, чтобы создать эмоциональных зрителей...

– Можно использовать для этого ведомственную охрану, – предложил Даниил Николаевич.

– Это прекрасная идея! Расставь их группами, человек по 4–5, желательно по всей аудитории...

– Не сомневайтесь!

– Прекрасно... После выступления мы сразу начнём действовать. Ты для этого всё подготовил?

– Все документы готовы. Теперь только ваше выступление.

– Хорошо. Подписи в поддержку моего выдвижения мы соберём за сколько?

– За месяц. Основные места, как считают наши специалисты, это Лимская область, Москва и Московская область, Ивановская, Кировская и Смоленская.

– В последних я даже ни разу не бывал! Нужно поменять специалистов, – иронично произнёс Михаил Александрович.

– Я займусь, – с готовностью сказал Даниил Николаевич.

– Сначала нашими Лимскими делами займись, потом уже

о внутренних... Ладно, я выплусь. В Лимске у меня ещё целый день забот...

– И когда выступление?

– Послезавтра, – отмахнулся Михаил Александрович. – Тем более, нужно ещё найти материал для речи. А как можно говорить о том, чего *ещё* не было?

– Я вас не понимаю, – спокойно сообщил Даниил Николаевич.

– И не надо, – ухмыльнулся Михаил Александрович.

– Сергей Васильевич, друг вы мой! – протягивая руки для объятий приветствовал Михаил Александрович прокурора. – Видит Бог, если бы в поезде продавали цветы, не задумываясь купил бы их все и подарил их вам!

– Я тоже рад вас видеть, – сухо отвечал прокурор.

– Вы всегда были необычайно способны к отсутствию оригинальности! Впрочем, вас можно понять. Такие осложнения в вашем деле, – сочувственно говорил министр.

– А вы откуда знаете? – вопросительно взглянул на министра прокурор.

– Аркадий Васильевич рассказал. Мы с ним большие друзья! – громко говорил Михаил Александрович, но потом резко взял прокурора под руку и шёпотом сказал ему на ухо. – В наших общих интересах раскрыть это дело. Я к вам не с пустыми руками! – и добавил громче. – Давайте навестим Аркадия Васильевича?

– Конечно, – неуверенно подыгрывая сказал Сергей Васильевич.

– Тогда в путь? – нахально улыбнулся Михаил Александрович. – На вашей тройке или на моей?

– Вы это о Сикирове? – волнуясь спрашивал прокурор у Михаила Александровича, идя за ним по коридорам суда.

– И про Сикирова, и про Даринского и про остальных, – отвечал министр.

– Что же вам надо?

– Я хочу вам показать одного подозреваемого. Вернее одну...

– Он... *Она* здесь? – удивлённо спросил прокурор.

– За этой дверью, – ответил Михаил Александрович, остановившись напротив знакомого кабинета. – Пройдёмте?

Михаил Александрович и Сергей Васильевич вошли в кабинет, где, почему-то в наручниках, сидела Мари.

– Наконец-то, прокурор! – нагло воскликнула та. – А вы должно быть адвокат? – обратилась она к Михаилу Александровичу.

– Боже упаси! – сказал последний. – Я только пристав! – говорил министр, отмечая молчание Мари, как баллы в её пользу. – И сейчас же уйду.

Михаил Александрович вышел, оставив Сергею Васильевичу лист с тезисами вопросов.

– Гм... Вы Светлана Петровна Демидова, сотрудница

юридической компании «Афродита», город Санкт–Петербург. Так?

– Мне кажется, что при разговоре должен присутствовать мой адвокат?

– Вам кажется, – возразил прокурор.

– Ну ладно, – непринуждённо ответила Мари. – Попробуйте задать мне ваши вопросы.

– Я здесь как раз для этого... Первый вопрос я уже задал.

– Да, – ответила Мари.

– Второй. Вы были в Лимске в двадцатых числах июня 2018 года?

– Нет, не была.

– Третий вопрос. Вы знаете, кто такой Александр Сикиров?

– Да, знаю.

– И кто же?

– Оппозиционер. Глава штаба Лимской области.

– Откуда вы его знаете?

– В Петербурге компания, в которой я работаю, занималась делом, в котором участвовал Сикиров.

– Вы понимаете, что проверить это очень легко?

– Да, понимаю.

– Ладно... – вздохнул Сергей Васильевич. – А вы знали Евгения Даринского?

– Нет, не знала.

– Хорошо... Спасибо, – сказал Сергей Васильевич, соби-

раясь выйти из кабинета.

– А наручники с меня снимут? – возмущённо спросила Мари.

– Конечно, сейчас пришлю пристава.

– Ну, как? – спросил, улыбаясь Михаил Александрович.

– Снимите с неё наручники...

– Секундочку.

Михаил Александрович зашёл в кабинет, похлопал по плечу Мари, снял наручники. Вернулся в коридор.

– Так что? – переспросил министр.

– Вы уверены, что она убийца, участвовавшая в политическом заговоре?

– Во–первых, вижу, что вы так и не научились вести допросы, – усмехнулся Михаил Александрович. – Во–вторых, кто вам сказал, что она убийца вообще кого–либо?

– Но как же? – забеспокоился Сергей Васильевич. – Вы сказали, что она подозреваемая...

– И что? – в недоумение спросил министр. – Подозреваемых много может быть... Если сказать честно, то я прекрасно знаю обо всём!

– Тогда *зачем?*

– А, – отмахнулся Михаил Александрович, – поиздеваться захотелось.

– Ну как вы можете!!! – выходил из себя прокурор.

– Сергей Васильевич, успокойтесь. Давайте сегодня, через

полчаса, встретимся в прокуратуре и кое-куда съездим. Будет интересно и продуктивно. Хорошо?

– В последний раз вам верю! – резко повернулся к выходу прокурор, но остановился: – Откуда у вас ключи от наручников?

Михаил Александрович пожал плечами.

– Я уже говорил, что ты молодец? – спросил через несколько минут Михаил Александрович у Мари.

– Да, – ответила она. – Я только не понимаю, зачем была нужна такая проверка?

– Она даже не для тебя, – сказал Михаил Александрович, наливая чай. – Мне нужно было отвести от тебя подозрения навсегда. И я это сделал. Кроме этого, теперь Сергей Васильевич ухватится за любой предоставленный ему шанс... И этот шанс сильно поможет моим планам.

– Даже не собираюсь вникать, – махнула руками Мари. – Ты ничего толком не объяснишь...

– Тут ты права.

– Ладно. Не хочешь, не говори. Только, раз уж я в твоей команде, может скажешь, что мне делать?

– Пока не знаю, – улыбнулся Михаил Александрович. – Можешь спокойно отдохнуть... Хотя нет. Сегодня вечером тебя заберёт мой помощник Даниил Николаевич. Ты поможешь ему в организации моего выступления. Хорошо?

– Без проблем...

– Тогда давай разойдёмся. Мне ещё с прокурором нужно накрыть целую банду, – засмеялся министр. – Кстати, давно ты стала Светланой Демидовой?

– Два месяца назад, – ответила, улыбаясь Мари.

– Придётся навсегда...

Глава X

– Позвольте перейти к делу? – врываясь в кабинет прокурора, сказал Михаил Александрович.

– Большого я и не желаю.

– Прекрасно. Позвольте спросить, что вас беспокоит больше всего: убийства пятилетней давности или криминальные разборки настоящего?

– Мне кажется, что и то, и другое очень важно, – спокойно отвечал прокурор.

– Сергей Васильевич, – медовым голосом обратился Михаил Александрович. – Я знаю о вашем неподдельном желании засудить хоть кого–нибудь за четыре убийства, но ещё я знаю о вашем таком же неподдельном желании на чём–нибудь поймать Якова Ярославовича...

– Якова Ярославовича? – восторженно воскликнул прокурор.

– Да, – с улыбкой ответил Михаил Александрович. – Сначала, я хотел подарить вам лишь раскрытие дела Даринского, но теперь решил, что можно убить двух зайцев одним ударом...

– Вы хотите обвинить Якова Ярославовича во всех убийствах?

– О–о–о! Не ожидал, что вы меня поймёте сразу, – удивился Михаил Александрович. – Правда у меня немного другой взгляд...

– Говорите, – с жаром сказал Сергей Васильевич.

– Смотрите, Яков Ярославович наркоторговец, не так ли?

– Это мы не можем доказать...

– На этом мы и сыграем в дальнейшем... В общем, вы предъявляете Якову Ярославовичу обвинение в заказе убийств у Даринского, который был должен Якову Ярославовичу большую сумму. Но когда вы начали судить Евгения, Яков Ярославович через знакомого следователя или какого-нибудь городского прокурора смог добиться освобождения Евгения и спокойно убрал его, подстроив всё как самоубийство. Гениально?

– Много несоответствий... Самоубийство... Подкуп... Доказательств совершенно нет!

– Как это нет! – наигранно вспыхнул Михаил Александрович. – Евгений был должен Якову? Да (и у меня есть доказательства)! У вас была доказательная база вины Евгения? Да! Осталось только заставить Якова Ярославовича... Тьфу! Осталось только заставить его признаться в заказе пяти убийств.

– Вы говорите об этом так, как будто это самое лёгкое дело, – усмехнулся Сергей Васильевич.

– Зная, как вы ведёте допросы, могу сказать, что для вас любое дело представляется очень сложным, – ехидно произ-

нёс Михаил Александрович. – Именно поэтому сейчас мы вместе поедem к Якову *Ярославовичу*... Выговорил... И вместе вы́бем из него признание!

– Это невозможно, – отрезал Сергей Васильевич.

– Просто поверьте в мои действия. Нам обоим от этого станет лучше. Поехали.

– А если нас... Гм... Пошлют? – говорил прокурор, стоя у ворот особняка Якова Ярославовича.

– Что–то вы поздно очнулись!

– Я был в небольшом ступоре.

– Видите этот микроавтобус? – спросил Михаил Александрович. – В нём сидят восемь человек, бывших служащих спецназа, которые теперь работают в ведомственной охране Министерства Юстиции. Уверен, нас не пошлют.

– Хорошо... – робко ответил Сергей Васильевич. – Жмите звонок.

Через пару минут министр сидел в кресле кабинета Якова Ярославовича, а Сергей Васильевич стоял рядом.

– Уютно у вас, – сказал Михаил Александрович, глядя на огонь в камине.

– Как будто в первый раз, – иронично ответил Яков Ярославович. – Что–нибудь выпить?

– Да, виски, – умиротворённо сказал министр. – Завтра у меня будет тяжёлый день публичного выступления, нужно выспаться.

– Понимаю, – кивнул Яков Ярославович.

– В связи с этим давайте сэкономим моё, ваше и время прокурора.

Яков Ярославович вопросительно посмотрел на Михаила Александровича, тот же толкнул локтем прокурора.

– Яков Ярославович, – робко, но с торжественным блеском в глазах говорил Сергей Васильевич. – Вы обвиняетесь в заказе четырёх убийств: гражданки Комариновой, гражданка Моринава, гражданки Петровой и гражданина Сикирова. Так же вы приняли участие в освобождении, с целью убийства, главного организатора убийств господина Даринского...

– Вижу, вы не научились предъявлять обвинения, – прервал прокурора Михаил Александрович. – Скажу проще: Яков Ярославович, вы арестованы!

– Незаконно! – спокойно сказал Яков Ярославович. – К тому же, у вас нет доказательств.

– Ну, Яков Ярославович! – ласково протянул министр. – Неужели вы думаете, что я завалюсь к вам в дом с необоснованными обвинениями? Обижаете!

– А кто вас знает? – прищурился Яков Ярославович. – Говорят, вы любите блефовать!

– Это правда, – улыбнулся Михаил Александрович. – Блеф моё всё! Но сегодня не тот случай... Видите ли, со мной последнюю неделю по городу катался микроавтобус. Ма–а–аленький такой... Но в нём сидели большие профес-

сионалы своего дела, которые прослушивали каждый мой разговор. Понимаете, о чём я?

– Если вы намекаете на наш с вами разговор, то сомневаюсь, что это пригодится на суде.

– Вы забываете, кто я такой! Я и без этой записи могу вас спокойно засудить, а это лишь приятный бонус законности, – с гордостью протянул Михаил Александрович.

– Какой разговор? – спросил ничего не понимающий прокурор.

– Я в Лимске уже больше, чем один день, – бросил ему Михаил Александрович. – А что касается вас, Яков Ярославович, то мы с вами прекрасно знаем, что вы сказали много подозрительного в нашем разговоре...

– Как и вы, – спокойно ответил Яков Ярославович.

– Но мои слова вырежут, – тихим голосом произнёс Михаил Александрович. – Так что давайте поступим следующим образом. Вас арестовывают и ведут следствие долгие семь месяцев, но потом спокойно отпускают. Идёт?

– Идёт, – поразмыслив с минуту, ответил Яков Ярославович. – А теперь уйдите из моего дома. Арестуете завтра со всеми документами. Удачного выступления, Михаил Александрович.

– Даже не собираюсь спрашивать вас, что вы делали в Лимске, – говорил прокурор. – Просто ответьте, почему Яков согласился?

– Точно! Его можно называть просто Яков! – весело проговорил Михаил Александрович. – Без отчества удобнее!

– Почему? – повторил свой вопрос Сергей Васильевич.

– Яков далеко не дурак. Он прекрасно понимает, что это дело совершенно фиктивное... И он прав!

– Но ведь это *моё* дело!

– Сергей Васильевич, – ласково сказал министр. – Вы же прекрасно понимаете, что это дело никогда вашим не было. И точно, *никогда не будет раскрыто*. Только через мой труп...

– Такое ощущение, что это вы были убийцей!

– К счастью, у меня алиби для всех убийств, – отвечал Михаил Александрович. – Но знаете? Яков думает, что мы его освободим после семимесячного следствия. Но прав он только отчасти! Мы его не можем обвинить в убийствах 18-ого года, но за Даринского вы его сможете посадить!

– Мне приятно это слышать, – без эмоций отвечал прокурор.

– Я вам пришлю доказательства завтра... Или в течение недели... С вас требуется только тянуть со следствием. Хорошо?

– Спасибо вам, – вместо ответа сказал Сергей Васильевич.

– За что? – удивлённо спросил Михаил Александрович. – Всё это лишь для моей выгоды, но мне приятно, что и вам что-то перепадёт. Высадите меня здесь, пожалуйста. Надеюсь, ещё встретимся.

– Я тоже, – тепло ответил прокурор, остановив машину.

Глава XI

– Даниил Николаевич, всё по плану? – спросил Михаил Александрович у входа в главный корпус Лимского Государственного Университета.

– Просто идеально, – ответил Даниил Николаевич. – Удалось согнать много людей.

– И кого?

– Бюджетников, школьников, студентов, полицейских... Потенциальных избирателей.

– Особенно школьники, – улыбнулся Михаил Александрович. – Посмотрите, Даниил Николаевич, вот этот юноша Максим Львович, о котором я вам говорил. Талантливая личность. Позовите его в гримёрку. Мари там?

– И Аркадий Васильевич.

Через пять минут Михаил Александрович, Даниил Николаевич, Мари, Максим Львович и Аркадий Васильевич сидели в креслах.

– Максим, я прочитал вашу речь.

– И как она вам?

– Мне понравилась... Но в связи с обстоятельствами я буду читать своё творение. Уж извините...

– Ничего страшного, Михаил Александрович!

– И да, Максим. Вы в команде, – сказал министр. – Добро пожаловать! В этой комнате мои самые близкие соратники. Вместе мы перевернём страну, а возможно даже историю!

Но для начала, нужно поговорить с народом. Без него в таких вопросах никак.

– Согласна, – сказала Мари.

– Поддерживаю, – отозвался Даниил Николаевич.

Максим кивнул в знак согласия, а судья понял, что попал в команду не совсем фиктивного кандидата...

– Дети мои! – вышел на сцену Михаил Александрович. – Думаю, здесь надо поаплодировать, ибо не каждый день вы видите министра! – *запланированный смех зала* – Вы меня, конечно же, знаете! Четыре года назад я был вашим губернатором. Для людей, которые воспользовались моей щедростью и пришли сюда, чтобы прогулять последние три урока, представляюсь – *запланированный смех* – Михаил Александрович Божесов! Министр юстиции. Сегодня я вышел на сцену, чтобы сказать вам важную вещь. Очень важную... Но будучи очень творческим человеком, я не могу проигнорировать прелюдию к важной вещи... – *к удивлению, незапланированный смех.*

– Он всегда так выступает? – спросил Аркадий Васильевич у Дмитрия Николаевича.

– Любое выступление на публике такое.

– По-моему, это очень правильная система, – добавила Мари. – Он эмоционально говорит о непонятных, а может

и ненужных вещах, создавая *видимость*.

– Как и все, – сказал Дмитрий Николаевич.

– Он вкладывает душу в свои слова. У него есть цель в выступлении, но, кажется, он плохо заводит толпу, – проговорил Максим Львович. Все улыбнулись.

– Мы все знаем в какое тяжёлое время живём... – говорил Михаил Александрович. – Тяжёлое во всех смыслах... Внедрение новых бюрократических правил; новых, не всегда справедливых, законов; экономические трудности и прочие важнейшие проблемы... Всё это губит в первую очередь нас! Я, будучи юристом по образованию, призванию и профессии, скажу вам, что коррупция самая маленькая из существующих в России проблем. Я понимаю, что кто-то очень любит обсуждать коррупцию, делая из неё инструмент популярности. Как часть системы, скажу вам: с коррупцией борются! Слабо... Но борются! Как бывший прокурор, который работал с самыми разными людьми, скажу вам, что проблема нашего человека в том, что у него нет идеологии! Да! Мы с вами живём непонятно для какой общественной цели. Более того, мы с вами далеки от правил морали! Это факт, дети мои! У нас есть только законодательные ограничения... Лично в вас ещё действуют духовные правила разного толка... Но в детях, родившихся в двадцатом и последующих годах, эти правила будут гибнуть... Если не изменить идеологический курс!

Зазвучали искренние аплодисменты.

– Сегодня в стране есть две силы: действующая власть и ультрарадикальная оппозиция. Обе они имеют вполне реальных сторонников, но по большому счёту, обе ничего не делают для развития вашего внутреннего мира. Они делают из вас стадо! Как те, так и другие. Понимайте это, как хотите! Но я не считаю, что это возможно для нашего нового, современного русского общества. В этот день я перед вами объявляю о своём решении участвовать в выборах президента! – *запланированные аплодисменты* — Я говорю вам, что представляю третью силу. Силу, которая перевернёт весь наш мир! Создаст общество с реальными идеями и правилами! Силу, которой будете вы!!!

Люди зааплодировали искренно, но в нужном месте.

– Слышу, вы согласны! Тогда: «*Alea iacta est! Novus rex, nova lex! Plaudite, cives!*»

Часть четвёртая

Власть

Глава I

– Значит так, друзья мои, – обратился к собравшимся в гримёрке Михаил Александрович. – Сегодня первые дебаты... Нам приказано не обращать никакого внимания на оппозиционера. Не надо вступать с ним в дискуссии, а если

произойдёт какой–нибудь конфликт, то в нём приму участие я. Хорошо?

– Вот только не учите нас! – возмущённо ответил Владислав Владимирович. – Столько лет! Уже всё знаем!

– Это прекрасно! – отмахнулся Михаил Александрович.

– Теперь к вам, Виктор Романович, – обратился он к ведущему. – Я должен говорить последним. Должен выступить со своеобразным итогом уже сказанного. Обеспечить это вы и должны... Поняли? Тогда в студию!

– Добрый вечер! – начал без эмоций Виктор Романович. – На нашем канале первые дебаты на этих выборах. Сегодня у нас в студии речь пойдёт об образовании. Дебаты будут проходить в простой форме... Для начала, у каждого есть минута для оглашения своей позиции. Потом, по четыре минуты для более детального раскрытия. И в конце полминуты для финальной речи... Начнём с вас, Анастасия Владимировна. Пожалуйста.

– Спасибо, – кивнула ведущему кандидат Кошкова. – Дорогие избиратели! К сожалению, сейчас в нашей стране проблема образования и всего того, что его составляет, совершенно никого во власти не интересует! Власть забыла о том, что образование является важнейшей частью здорового формирования человека. Но это формирование считается совершенно бесполезным! Про образование, про его развитие просто решили забыть! Власть посчитала, что бесконечно

устаревшая советская система будет справляться десятилетиями! Дорогие избиратели! Сегодня у нас есть реальный шанс исправить ситуацию, повернуть её в обратную сторону. Двадцать четвёртый год – это не перевыборы, как восемнадцатый... Двадцать четвёртый год – это реальный шанс изменить всё!

– Спасибо, Анастасия Владимировна, – когда закончилось время, сказал ведущий. – Думаю, ваш оппонент, Пётр Фёдорович, вступится за такую родную советскую систему. Пожалуйста.

– Уважаемые избиратели! Анастасия Владимировна в своём вступительном слове достаточно аккуратно и как бы невзначай задела советскую систему образования. Я, как человек, выросший благодаря именно такому образованию... Впрочем, как и Анастасия Владимировна... Говорю со всей ответственностью, что советское образование – это лучшее образование в мире! Это не голословные утверждения, а реальные социали... статистические данные. Мне очень жалко, что люди, думая о проблемах образования, ссылаются на его устарелость. На самом деле, проблема образования в *условиях*, которые действующей властью созданы. Это и проблемы учителей, и проблемы программ, и проблемы финансирования, и проблемы оценивания... Уважаемые избиратели! Система очень правильная, но её беда кроется в плохом обеспечении нормального функционирования!

– Спасибо, Пётр Фёдорович... Владислав Владимирович,

вам слово!

– Значит, – прокашлялся Владислав Владимирович. – Все опять разводят воду. Говорят об образовании, рассуждают о системах... Так было всегда! Но никто не может даже представить, что поколение, а значит и потребности, радикально изменились! Поменялись интересы, поменялись убеждения наших детей. Их цели совершенно иные, нежели были у нас. Мы даже не можем представить себе их замыслы, которые никогда не смогут сбыться, если люди не пойдут на выборы и не проголосуют за преобразование страны, за её изменение. Только когда наш партийный проект «Ликвидации Государственной Бюрократической Традиции» станет жизнеутверждающим для миллионов наших граждан можно будет надеяться на перемены к лучшему... За меня голосуйте!

– Спасибо, вы, как всегда, на своей волне, – иронично произнёс Виктор Романович. – Теперь минута переходит новичку нашего общества. Нашему оппозиционеру... Прошу!

– Спасибо, дорогой Виктор Романович, – разложил все слова по полочкам оппозиционер в своей манере. – Я услышал мнения моих оппонентов, которые, разумеется, являются собой представителей той самой власти... Но раз уж я оказался на вашем поле, то придётся драться по вашим правилам. Как сказал предыдущий оратор: «Все опять разводят воду». Вы опять говорите о прошлом, не обращая внимания на настоящее! Вам всё равно, Вы можете выгораживать советское образование или унижать его! Всё это дешёвая по-

казуха! Однако образование – сложный вопрос, который я, будучи в этой области некомпетентным лицом, не буду долго обсуждать... Скажу лишь простую вещь, то какие деньги выделяются на образование и сколько получают учителя сейчас! Это просто кошмар! В прекрасной России будущего такого не будет! На этих выборах мы поменяем судьбу всей страны: взрослых, детей, а для этого нужно притронуться и к образованию!

– Спасибо, за ваши комментарии... Завершает наш первый этап Михаил Александрович. Прошу вас!

Прошло два месяца очень активных агитационных действий со стороны всех кандидатов...

Михаил Александрович объездил всю европейскую часть России, где успешно провёл массу встреч с избирателями и получил огромное удовольствие от живого, человеческого общения...

Проще сказать, Михаил Александрович прекрасно проводил время. Но увы, ничто не вечно! И до дня выборов оставалось совсем немного времени, буквально несколько дней, а для успешного финала кампании Божесова оставалось заручиться самым главным козырем...

– Спасибо. Сейчас я услышал мало мнений. Всего лишь два, хотя и говорили четыре человека. – улыбнулся Михаил Александрович. – Это печально и одновременно приятно, ибо я выскажу третье мнение по этому поводу... Система советского образования не совсем правильная, но и перехо-

дить на западную я, став президентом, не собираюсь. Я хочу оставить «многопредметное» образование, но оцениваться и приниматься во внимание при поступлении в вузы будут только те предметы, которые ученик выбрал для своей профессии. Это даст возможность физику заниматься физикой и не беспокоиться, что из-за тройки по литературе или неумению пробежать три километра он не поступит в хороший университет и не сможет раскрыть тайну чёрных дыр... Ещё одной проблемой является кадровый вопрос... Как говорил мой начальник: «Учитель – это призвание». Об их зарплатах и их дефиците в некоторых регионах всегда много говорилось... Скажу об этом и я, но уже во втором туре.

– Большое спасибо, Михаил Александрович! А мы прерываемся на короткую рекламу, после которой продолжим дебаты на тему образования. Не переключайтесь!

Глава II

– А я от вас не ожидал такой тактики... – подошёл к Михаилу Александровичу оппозиционер.

– Я сам не ожидал, что у меня есть какая-то тактика, – покровительственным тоном, сухо ответил Михаил Александрович. – Поверьте, у меня есть много сюрпризов.

– Буду рад их узнать... У вас, наверное, есть не только сюрпризы, но и мечты? – заговорщицки спросил оппозиционер.

– Да! Если бы мои мечты сбывались, то я бы устроил военный переворот в Чехословакии! – сказал какую-то ерунду

Михаил Александрович, хоть и осознанно.

– Серьёзно? – доверительно, но лживо, обратился оппозиционер.

– Да нет, конечно! Мне Чехословакия нужна так, как вам Лихтенштейн.

– Вы считаете мне нужен Лихтенштейн? – с улыбкой на лице, выражающем удивление, спросил оппозиционер.

– Нет, – спокойно ответил Михаил Александрович.

– Вы шутите?!

– В нашем положении, шутки не на публике – пустая трата времени, – сказал Михаил Александрович, наклонившись к уху оппозиционера.

– Согласен, согласен, – озадаченно закивал оппозиционер. – Может быть, когда–нибудь встретимся?

– Возможно, в нестандартной обстановке, – ответил вслед уходящему собеседнику Михаил Александрович.

– О чём вы говорили? – неожиданно появившись из ниоткуда, спросил Виктор Романович.

– Вы, Виктор Романович, с вашим оживлённым умом просто бы застрелились, узнав содержание нашего разговора.

– Да, да, да... – задумчиво протараторил Виктор Романович. – Вам опять дать выступить последним?

– Посмотрим...

– Полминуты осталось.

– Я готов.

Михаил Александрович переглянулся со своими «оппо-

нентами», жестом посоветовав соблюдать спокойствие.

– Добрый вечер. На нашем канале предвыборные дебаты. Мы продолжаем обсуждать тему образования в России. И сейчас может высказаться Пётр Фёдорович. У вас четыре минуты.

– Дорогие избиратели! Я уже сказал, что проблема образования России не в количестве предметов... Проблема образования в низких зарплатах учителей и в их желании преподавать. Мы забываем о том, чему может научить детей учитель, которому 40–60 лет (а, как показывает статистика, молодых учителей в школах, например, Воркуты очень мало), который получает копейки, который вынужден выживать, то есть горбатиться по девять часов в день, чтобы прийти домой никаким и не иметь возможности заниматься домашними, семейными делами... Вы считаете такой человек способен научить наших детей жизни?! Да нет, конечно! А ведь сейчас, в наше время, умение жить – это главное умение, которое должно быть у наших детей. А учителя, которые устают от своей работы уже через месяц, а может и через неделю, после начала учебного года, будут просто выдавать информацию, как говорится, «без души». Душа же очень важна! Сухой материал воспринимается гораздо хуже, чем яркий и живой... Считается, что средний уровень зарплат у учителей 40 тысяч, но мы прекрасно все знаем, как эта средняя цифра вычисляется... И нужно понимать, что на практике учи-

тель получает гораздо меньше... Я не утверждаю, что решить все проблемы можно повышением зарплат у учителей. Если платить учителю больше, он не перестанет уставать, а следовательно, не станет любить свою работу и, *почти своих*, детей. Дорогие избиратели, став президентом, я решу проблемы учителей, а через них и проблемы образования в целом.

– Какие–то скучные дебаты, – с улыбкой сказал Виктор Романович. – Думаю, Владислав Владимирович это исправит. Пожалуйста.

– Да... Значит, коммунист опять говорит об учителях, о том, как им трудно жить, и прочую ерунду! Я скажу просто. Всё меняется, меняется наша жизнь, меняются дети, меняются дороги, меняются машины. У нас не меняются две вещи: власть и учителя! И то, и другое поменяется уже на этих выборах! Когда придёт новая власть, учителям станет жить легче, но это ли главное? Не буду спорить, но сейчас *не учителя* влияют на учеников, и даже *не родители*! Детская психика формируется под воздействием внешних факторов и этими факторами является что угодно, но только не учителя с родителями! Подрастающее поколение образованнее нас. Из–за образования они не хотят заниматься «черной» работой. И мы когда–нибудь столкнёмся с миграционным кризисом... При чём здесь это? А вот при чём: когда свои не хотят убирать сортир, убирать приходится чужим. Всё просто... Кхе... Теперь экзамены... Кхе... Экзамены не всегда являются показателем знаний. Экзамены – это стресс,

нервы. Надо отменить все экзамены. За один год в университете несостоятельные ученики, попавшие в вуз благодаря неграмотно составленным экзаменам, сами отсеются. Но мы никогда не интересовались у учеников. Мы никогда не спрашивали их мнения по каким-либо вопросам. Нужно избавляться от этого! Нужно прислушиваться к мнению учеников! Ещё одна основа благотворного образования – это его цена. Полностью бесплатное! Абсолютное количество бюджетных мест. Пусть поступают все! Умные останутся, будет естественный отбор! Голосуйте за меня!

– Спасибо, Владислав Владимирович. Анастасия Владимировна, смотрю на ваше недовольное лицо и не могу не дать вам возможность высказаться. Пожалуйста.

– Я начну свою речь немного издалека, но в конце приведу её к образованию... В нашей стране ещё очень много проблем, просто невообразимо много: это и проблемы с правами человека, о которых наши родные суды вечно забывают; проблемы с выборами на местном уровне, что приводит нас к фактически полному отсутствию возможности народного волеизъявления; ужасная беда с демографической статистикой в стране, вызванная катастрофическим уровнем жизни россиян, таким нищенским, что о детях по доброй воле нет и мысли; проблемы нашей экономики, которая задыхается от *нефтяной и газовой наркомании*, и ломку эту мы не можем преодолеть более двадцати трёх лет; наша экология тоже оставляет желать лучшего, гектарами вырубается

лес, некогда причина всеобщей мировой зависти; и наконец то, без чего исправить и сохранить страну не представляется возможным... Конечно же, наше образование... Я не являюсь педагогом... Я, как и один из кандидатов, работала в органах прокуратуры. И поэтому, наверное, не в праве жёстко отстаивать свою дилетантскую позицию по этому вопросу, в плане самого *процесса образования*. Но как человек, живущий в обществе и взаимодействующий с его представителями, скажу вам, дорогие избиратели, проблема образования в отсутствии *моральных принципов*. В ваших силах всё изменить уже очень скоро.

– Благодарим Анастасию Владимировну, вы очень интересно, хоть и достаточно непрофессионально, – хищно улыбнулся ведущий, – рассказали о реальных проблемах, имеющих место в нашей стране, но не представляющих такой огромной угрозы, какую вы предполагали... Посмотрим, согласится ли с вами наш оппозиционер, вам слово.

– Я соглашусь с Анастасией Владимировной в её тезисах, но что касается меня, то я, разумеется, ни на секунду не верю самой Анастасии Владимировне! Совершенно очевидно, что она, как и большинство здесь присутствующих, является фиктивным кандидатом. Впрочем, таких уже меньше, чем в далёком восемнадцатом, но от этого не легче избирателям определять кто есть кто. Я же избирателей прощещу и сообщу им, что только я действительно буду бороться за прекрасную Россию Будущего! – на этих словах Влади-

слав Владимирович был готов пойти в атаку, но остановился под проникновенным взглядом Михаила Александровича, который, убедившись в безопасности этого фронта, перевёл взгляд на Анастасию, намекнув ей на ответный протест.

– Странно, что о прекрасной России говорит человек, который сам настолько любит страну, что вывозил берёзки и губил русскую экологию, – с вызовом произнесла Анастасия Владимировна.

– Я попрошу вас не перебивать меня, – ответил оппозиционер Анастасии, которой уже кивнул Михаил Александрович. – Тем более, что вы, как кандидат протестующий против судебного произвола, должны понимать, что я лес никогда не трогал... Позвольте мне продолжить?

– Конечно, – кивнула Анастасия.

– Благодарю. Так вот, я говорю о том, что опять на выборах и на дебатах будут говориться правильные слова, но произносить их будут какие-нибудь фиктивные кандидаты... Я не такой, я действительно иду на выборы, чтобы исправить ситуацию в стране, чтобы изменить жизнь россиян к лучшему. И, конечно же, кроме прочих важных вещей, огромную роль будет играть образование. Нацеленное не на теоретические знания детей, а на умение применять их на практике для своего творческого, личностного развития. Мы должны учить детей вовсе не тангенсам и котангенсам, а достаточно простым и необходимым вещам: выступлению на сцене, умению грамотно и красиво излагать свои мысли и прочему.

И это я принесу пользу нашему обществу, я сделаю его здоровым, но только с вашей, только с твоей, избиратель, поддержкой.

– Спасибо... Теперь завершим этот «тур» речью Михаила Александровича.

– Спасибо, Виктор Романович. В очередной раз я услышал много мнений, которые, безусловно, очень романтичны, очень интересны и очень желанны. Я же, будучи прагматичным человеком, когда занимаюсь работой, скажу не такую радостную новость об образовании, ну и в целом об изложенном... В отличие от своих оппонентов, я помню, что обещал в первом туре: обещал разъяснить свою позицию по дефициту учителей в школах. Несмотря на то, что в России больше двух миллионов преподавателей, в Воркуте, которую уже упоминали, учителей катастрофически не хватает. И как же с этим бороться? Разумеется, лучший способ, как некоторые считают, это повысить зарплаты. Но для моей программы этот акт является обязательным и однозначным процессом, призванным повысить уровень зарплат в принципе, а не для «создания дополнительной привлекательности профессии»! И тут у меня есть решение, которое будет рассмотрено, вероятно, отрицательно, но оно будет оправданным... Я говорю *о простом распределении* учителей в разные школы, в разных уголках страны! Кому-то эта идея покажется старой, но я скажу, что она прекрасна для нашего образования! Конечно же не стоит забывать о том, кем эти учителя явля-

ются. Как показывает практика последних лет, в эту профессию идут люди, которые не смогли найти себя в жизни, которым нечего больше делать, как только преподавать ненавистную самому себе химию, испанский или обществознание! *Учительство перестало быть призванием!* И это очень печально... Нужно не только заботиться о жизни учеников, но и исправлять жизнь учителей, заботиться об их воспитании. Это, конечно же, трудная задача. Более того, господа, таких трудных задач у нас очень много впереди. Всё решат выборы...

– Спасибо, Михаил Александрович, к вам определённо надо прислушаться. Ну? Пора завершать дебаты! Финальные речи! Пожалуйста, Владислав Владимирович.

– На моей памяти это одни из самых выдержанных дебатов! Хоть и было тихо, но сказали много интересного... К сожалению, только политологи поймут всю ценность происходящего... Так вот! Даже я не могу не согласиться, что в таком трудном вопросе, требуется коллегиальное решение. Нужно прислушаться ко мнению всех сторон: и учителей, и учеников, и чиновников, и бывших учеников, и будущих учителей, и будущих чиновников... Я обращаюсь к избирателям. Запомните! Образование – это основа любой страны. И каким будет основа, а значит и страна, решать только вам. За меня голосуйте!

– Спасибо вам, Владислав Владимирович, за такой неожиданный поворот в ваших речах и традициях их ведения. Ду-

маю, Пётр Фёдорович поддержит вашу позицию.

– Конечно, я согласен с тем, что решение должно быть всенародным. Образование действительно очень важная вещь для любой страны, и от его формы будет зависеть будущее и самой страны, и её жителей. Моя партия выступает за сохранение советской системы образования, и я разделяю партийную позицию. Но, став президентом, я собираюсь наладить ещё более успешное функционирование этой успешной до сих пор системы.

– Спасибо, Пётр Фёдорович! Пожалуйста, Анастасия Владимировна.

– Друзья мои! На этих выборах будет решаться будущее нашей страны. Не дайте себя обмануть, и сделайте правильный выбор. Выберите долгожданные перемены, создайте новую страну, с новыми правилами! Для этого вам всего лишь нужно прийти и проголосовать... Вы думаете, что ваше будущее не зависит от таких простых вещей? Конечно, зависит... Голосуйте, это наша страна!

– Благодарю вас, Анастасия. Оппозиция, вам слово!

– Уважаемые избиратели! Эта власть слишком долго обманывала вас и пользовалась вашей беззащитностью. Пришло время положить этому конец! На этих выборах вы измените своё будущее, а также подкорректируете настоящее. Именно проголосовав за меня, так как только я являюсь настоящим кандидатом, вы станете жить в новой России Будущего. Делайте правильный выбор.

– Не знаю, как ваши слова относятся к образованию, однако, ваше право говорить что угодно, – ехидно улыбаясь, сказал Виктор Романович. – Прошу завершить сегодняшние дебаты Михаила Александровича.

– Граждане Российской Федерации! На предстоящих выборах мы поменяем всё: не только образование, но и армию; не только экономику, но и систему строительства; не только экологию, но и зарплаты. И прошу вас помнить, что голос за меня – это не путь к лёгкой жизни. Это путь к новому обществу. Проголосовав за меня, вы не очутитесь в шикарном доме на морском берегу. Но у вас и ваших детей появится бесконечное число шансов получить не только сам дом, но и море.

Глава III

– Как дебаты? – спросил Михаил Александрович, вернувшись в штаб.

– Вполне обычные, – ответила Мари. – Болтаете, болтаете... Ничего серьёзного.

– А с практической точки зрения как? – обратился Михаил Александрович к Даниилу Николаевичу.

– Вы привлекли к себе внимание... Но этого недостаточно. Нужно больше упоминаний о себе. Чаше появляться на публике.

– Об этом я и хотел поговорить! Позови всех сюда.

Через несколько минут в кабинет Михаила Алексан-

дровича вошли все полезные для выборов, а кто-то даже и для президентства, люди.

Ими были все давние и недавние знакомые Михаила Александровича, с которыми ему приходилось работать на пути всей удачной карьеры: Игорь Сергеевич, бывший губернатор Лимской области, чьё место Михаил Александрович когда-то занял; Екатерина Алексеевна, сотрудница Службы Безопасности, с которой Михаил Александрович познакомился на выставке и которой, став министром, помог перебраться в Москву на более «сытую» должность (чем на выборах господин Божесов активно пользовался); Даниил Николаевич, с которым все уже знакомы; Мари, ставшая союзником Михаила Александровича; Аркадий Васильевич, судья, который сильно помогал Божесову в различного рода делах; Максим Львович, самый молодой игрок команды, занимающийся работой с прессой и написанием речей для Михаила Александровича; и последним игроком был архиепископ Михаил, бывший епископ Лимский, переведённый, благодаря Михаилу Александровичу, на служение в Москву, от него ожидалась организация поддержки от верующего населения – *то есть основного электората*.

– Если вы хотели зайти пафосно, – сказал Михаил Александрович, когда все сели, – то я вас разочарую, вы зашли гуськом, – улыбнулся Михаил Александрович. – И пока вы так заходили, я придумал один важный ход, который нужно осуществить как можно быстрее... Поэтому без прелюдий

спрошу у вас кое-что. Первое. Игорь Сергеевич, какие рейтинги после дебатов?

– Ваши показатели достаточно выросли и теперь превышают десять процентов, – уловив суть ненужного совещания, быстро ответил Игорь Сергеевич.

– Прекрасно! Второе. Даниил Николаевич, какие у вас предложения по подъёму рейтингов?

– Во-первых, больше публичных выступлений. Во-вторых, больше рекламы и агитационных...

– Конкретнее...

– Эм... Например, можно съездить на День Республики в Якутию...

– Он же в апреле? – прервала Мари.

– Можно пораньше, – пожал плечами Даниил Николаевич.

– Ладно, ладно, – замахал руками Михаил Александрович. – Какие праздники в марте?

– Восьмое марта, день работников органов наркоконтроля, день работников уголовно-исполнительной системы... – неуверенно говорил Даниил Николаевич.

– Гениально! – воскликнул Михаил Александрович. – Сначала к девушкам, потом к сотрудникам наркоконтроля и все вместе к работникам уголовно-исполнительной системы! Год назад я бы назвал это лучшим мартом моей жизни! Но сейчас это будет выглядеть аморально... На Восьмое марта в Иваново поедем, с речами и подарками... Подготовь-

тес, поедем все и сразу...

– Ещё надо бы увеличить рекламу, – робко заметил Даниил Николаевич.

– Вот и займитесь этим! А я по делам поеду.

– Какие у тебя реальные планы на школьное образование? – спросила Мари, оставшись в кабинете после того, как Михаил Александрович отослал всех с мгновенного совещания.

– Мои планы крайне просты. В школе ученики будут проводить 6 часов в день, с девяти до трёх. С работающей столовой, где, надеюсь, будут кормить нормально. Учиться пять дней. С шестого класса каждый день 6 уроков по сорок минут. В неделю это получится 30 уроков... А теперь внимание! 4 урока математики, 3 урока общего русского, 2 урока риторики, 2 урока физкультуры, 2 урока истории, 2 урока литературы, 2 урока географии... Сколько это?

– 17 уроков, – быстро ответила Мари.

– А как ты думаешь, что будет в оставшееся время?

– Что же?

– Любые предметы по выбору ученика (совместно с родителями, разумеется)! Предметы, определяющие дальнейшее будущее. То есть физика, химия, биология, обществознание, экономика, право, иностранные языки... Словом, что угодно душе будущего члена общества.

– Мне кажется будет много проблем...

– Согласен! Разумеется, будет сложно составлять расписание подобных занятий, будут требоваться просторные аудитории для сорока девяти восьмиклассников–экономистов, но...

– А школы в деревнях? В них такая система не приживётся...

– И это тоже. Огромные траты на строительство хотя бы одной школы, соответствующей новой системе; укомплектование преподавателями, знающими своё дело очень хорошо... Всё это достаточно трудно и с «кондачка» не решить. Года через три, когда мы сможем наладить экономику, когда у нас будут деньги, когда мы решим некоторые проблемы во внешней политике, вот тогда можно будет заняться реформой образования! Но не стоит забывать главный принцип всего нового образования: «семиклассник–физик, не знающий кто написал „Войну и мир“, всё равно студент Бауманки».

– Таких у нас полстраны! – улыбнулась Мари.

– Ну что ты, что ты! – с укором посмотрел на неё Михаил Александрович. – Мы будем воспитывать детей, давать им возможность развиваться, а может даже пробовать себя в управлении...

– И как же? – заинтересовалась Мари.

– Пусть в школах будут свои правительства, пусть избираются свои президенты, пусть раз в год собирается Школьный Совет города из президентов городских школ... Не знаю, ду-

мать надо!

– А возможность твоего личного президентства есть? – забыв о школьных президентах, спросила Мари.

– Посмотрим, – тихо ответил Михаил Александрович. – Поездим по городам, посмотрим на людей, поговорим с ними. Проведём какую–нибудь акцию, и где–то за неделю до выборов посетим ЦИК... Увидим...

– Ладно, я пойду работать. А ты куда собираешься?

– В Кремль, – спокойно ответил Михаил Александрович.

Глава IV

– Господин президент! – поздоровался Михаил Александрович, очутившись в Кремле через тридцать минут. – Я к вам.

– Присаживайтесь, – подкрепив свои слова жестом, сказал президент. – Я смотрел дебаты.

– Да? – весело спросил Михаил Александрович, сев в указанное кресло. – И как вам?

– Вы много обещаете... Это стратегически неверно...

– Я кручусь, только и всего, – спокойно ответил Михаил Александрович.

– Я понимаю... Иногда мне кажется, что вы ведёте двойную игру... Может быть только кажется?

– Конечно! Я прекрасно знаю все свои шансы, господин президент. И мне гораздо спокойней рассчитывать на гарантированный пост премьер–министра, чем на сомнительную должность президента...

– Я рад, что могу надеяться на вас.

– Вы меня пристыдите!

– А есть за что? – улыбнулся президент.

– А разве нужен повод? – в ответ улыбнулся Михаил Александрович.

– Ладно! Хватит обмениваться любезностями. Давайте по делу... Что вы хотели мне сказать?

– Я пришёл за любезностями, господин президент...

Но раз уж вы решили о делах... То у меня просьба...

– И какая?

– Нужно чтобы в СМИ говорили побольше хорошего обо мне...

– И зачем?

– Я собираюсь больше не ходить на дебаты. Буду говорить с народом, налаживать отношения...

– Это вы зря! Вы очень хороши на наших дебатах! Думаю, что один на один с оппозиционером вы бы хорошо справились!

– Мне приятны ваши слова, господин президент. Но ведь мы хотим устроить шоу, верно? А его финальной сценой будет назначение меня – человека, критикующего вас, – премьер–министром... Своеобразное коалиционное правительство в стране, то, чего нам, по мнению большинства, так не хватает.

– Ха–ха! Вы правы, правы! Только мне трудно понять, каким это образом для аллюзии на коалиционное правитель-

ство вам требуется пиар в СМИ?

– Я сам ещё не понял, господин президент, – смотря в глаза сказал Михаил Александрович.

– Я устрою, – тихо сказал президент. – Можете идти.

– До свидания, господин президент! – попрощался Михаил Александрович.

– Вы мне нравитесь, Михаил Александрович. Но доверия не внушаете, – хитро прищуриваясь, сказал вслед уходящему кандидату президент.

– Хотя бы в этом наши мнения не совпадают, господин президент, – даже поклонился и вышел Михаил Александрович.

– Ты быстро, – сказала Екатерина Алексеевна, когда Михаил Александрович сел в машину. – Узнал что-нибудь важное для дела?

– Пустая болтовня, – отмахнулся тот.

– Для чего же мы сюда ездили?

– Я люблю понервничать... Адреналин и всё такое...

Глава V

Прошло два месяца очень активных агитационных действий со стороны всех кандидатов...

Михаил Александрович занимался агитацией с удвоенной силой, ибо отказ от участия в дебатах приводил к относительному падению рейтингов. Поэтому он объездил всю Европейскую Россию, в которой успешно провёл массу встреч

с избирателями и получил огромное удовольствие от живого, человеческого общения...

Проще сказать, Михаил Александрович прекрасно проводил время. Но увы, ничто не вечно! И до дня выборов оставалось совсем немного времени, буквально несколько дней, а для успешного финала кампании Божесова оставалось заручиться самым главным козырем...

– Эльвира, день добрый! – встретил главу ЦИК Михаил Александрович.

– Добрый, – спокойно ответила Эльвира. – Что-нибудь хотели?

– Да, и очень многое.

– Например?

– Рейтинги посмотреть...

– Все они на сайте есть, Михаил Александрович.

– Мне бы настоящие, – медовым голосом сказал экс-министр.

– Ну раз вы просите, то пойдёмте. Сейчас всё найдём.

– Было бы очень интересно...

– Вот смотрите, – через пару минут ответила Эльвира. – Первое место, у того, у кого должно быть – 42%. Второе место у вас 33%. Третье у оппозиционера – 20%. С остальными понятно и так...

– А по официальным данным? – спросил задумчиво Михаил Александрович.

– Те же лица и в том же порядке, но 67%, 21% и 10%, соответственно.

– А на выборах как будет?

– Ну, – задумалась Эльвира. – Где-то 5% плюс-минус по официальным данным. Фактически же будет 7–10%.

– А у оппозиции есть шанс выиграть выборы?

– Нет, – уверенно ответила Эльвира. – Они их проиграют. Данные рейтинги формируются достаточно сложным путём, и я могу вам сказать, что на выборах у оппозиции не будет больше 20%... И это даже неофициально.

– Хорошо... – задумался Михаил Александрович. – Послушайте, Эльвира. Я очень хорошо помню, что в 22-ом вашу кандидатуру рассматривали на пост министра культуры... И вы сильно огорчились, когда вам предпочли другого.

– Я свыклась с этой мыслью, – кивнула Эльвира.

– Тем не менее, предполагаю, что эта должность для вас всё ещё интересна, – тихим голосом говорил Михаил Александрович.

– Вы совершенно правы, – заинтересовавшись, отвечала Эльвира.

– К тому же, не только для вас она много чего решит, – жирно намекнул на кумовство Михаил Александрович.

– Тут вы тоже правы, – доверительным тоном ответила Эльвира, сделав неправильные выводы.

– Вы человек разумный, и думаю, мне не стоит говорить, чего стоит эта должность?

– Совершенно не стоит, – услужливо ответила Эльвира, осознавая возможность сохранить себя во власти. – У вас будут все шансы.

– Этого мало, – хитро улыбнулся Михаил Александрович. – Недостаточно мне шансов. Мне нужна победа. 53% – мои, 40% – у нашего бывшего начальника, 4% у оппозиционера. Ясно?

– Это будет сложнее, но повторяю у вас есть все шансы, – заискивающе ответила Эльвира.

– Чтобы вам легче было считать мои шансы, я открою вам секрет. Подойдите поближе.

Михаил Александрович наклонился к уху Эльвиры и прошептал:

– В 2023 году, весной, в апреле... 24-ого, кажется. Вы были участницей...

– Не надо, – прервала Эльвира. – Я поняла... Первое место ваше, Михаил Александрович...

– Приятно это слышать, Эльвира! – нагло ответил Михаил Александрович. – До встречи через неделю! Пока, пока!

– Куда? – спросил Михаила Александровича водитель.

– В штаб оппозиции...

Глава VI

– Кого вы обманываете, вы сами марионетка, – смотря прямо в глаза наглым взглядом, сказал оппозиционер.

– Нет, – улыбнулся Михаил Александрович, тоже посмот-

рев в глаза и к тому же достав откуда-то солёный огурец, откусил половину с демонстративным видом, что смогло дезориентировать оппозиционера. – Может быть и так, но только на небольшую часть.

– Ваши предвыборные речи крайне осторожны, Михаил, в плане личной позиции... Но очень интересны с практической точки зрения...

– Позвольте раскрыть перед вами карты? – спросил Михаил Александрович, забросив вторую половину огурца в рот. – Только я это делаю не из-за уважения к вам, а из-за любви к откровенным разговорам... Вы обвиняете меня в осторожности, но сами говорите, что я ограниченная персона. Это так и есть... Вся моя кампания создана для того, чтобы не допустить второго тура и уничтожить вашу кандидатуру. Всё просто!

– И что вам за это пообещали? – спросил, не удивлённый оппозиционер.

– Должность премьера, – с наглой улыбкой ответил Михаил Александрович.

– Но вы понимаете, что если вы станете премьер-министром и не выполните те многочисленные обещания, то в следующем году вам будет не на что рассчитывать для настоящего срока? – с участием спросил оппозиционер.

– Я это понимаю, Андрей, – отвечал Михаил Александрович. – Именно поэтому я стану президентом уже через три дня... Вы действительно считаете, что я этого не понимаю?

Просто если бы я не освободил вас в двадцать первом году из отделения полиции (и да, это было по моему приказу), то у вас было бы совершено реальное преступление, с которым вы никогда бы не смогли пройти на выборы. Хотя бы потому, что пропустили их даже с учётом УДО. Понимаете? – ухмылялся Михаил Александрович. – Это я устроил ваше «кандидатство». А знаете для чего? Чтобы быть полезным, чтобы мне не чинили препятствий на пути, чтобы считали меня за своего. Более того! Я готовился к президентству долго. Как только стал министром юстиции, сразу начал писать программу и примерный план своих действий, но вам они вряд ли понравятся!

– И почему же? – нашёл в себе силы спросить оппозиционер.

– Потому что, во–первых, залог благосостояния моей экономики кроется в национализации всей промышленности. Во–вторых, вам вспомнят двадцать первый год, и вы спокойно просидите два президентских срока (клянусь, мои сроки!) в тюрьме, а возможно даже скоростижно скончаетесь... Кто знает? Не слышу ваших возмущений, а значит вы в шоке! Поэтому сам же отвечу на вопрос, который вы мне не можете задать. Да, я смогу выиграть выборы, как реально, так и с фальсификацией... В любом случае, у меня есть пост премьера! Ха–ха! Там я тоже буду плести интриги. Впрочем, став президентом я сделаю много важных вещей, которые оздоровят все сферы жизни страны. У меня очень чёткая

программа, Андрей. Людям понравится, поверьте.

– Планы большие, а команды нет, – заикающимся голосом заметил оппозиционер.

– Тут вы тоже не угадали! Ещё какая. Вы должно быть слышали, что я давненько создал на базе минюста специальный комитет по отбору и контролю госслужащих?

– Да...

– Благодаря этому у меня целый штат просто прекрасных людей с опытом управления и кристальной биографией! Магия, если одним словом.

– А беспорядки? А протесты против национализации со стороны бизнес-элиты? – более уверенно интонационно, но подавленно на вид, спрашивал оппозиционер.

– Если даже они будут, то я призову народ поучаствовать в «судной ночи», – весело отвечал Михаил Александрович. – Вряд ли это перерастёт в гражданскую войну. Сторонников маловато... Вы считаете, что я не могу призвать народ? Вы ошибаетесь! Донести до толпы свои мысли – это для меня лично сложновато, но спланировать и предугадать действия толпы... Я могу с лёгкостью! А для речей у меня есть штат сотрудников, который мои тезисы обратит в яркую, зажигающую речь!

– Ну, а если будут действия против вас?

– Вы считаете меня идиотом?! Первые три месяца я буду двигаться стандартным путём любого правителя – приглядываться, ну или делать вид... На самом же деле создам

собственную гвардию, готовую защитить меня от любой толпы или человека! Вижу, вы немного расстроены? Не волнуйтесь... Знаете, чем отличается наша законодательная власть от американской? – мгновенно перескочив с темы, спросил Михаил Александрович.

– Знаю, но хочу услышать вашу интерпретацию.

– Конгрессмены избираются от своего округа, в котором каждый знает его в лицо, а депутат – это партия, а мнение у электората формируется не из-за депутата-человека, а из-за его принадлежности к какой-нибудь партии. Поэтому, кстати, при принятии любого закона конгрессмен – это личность; а депутат – партия... В этом и есть прелесть конфедеративной системы...

– Угу, – грустно обронил оппозиционер.

– И вообще, в 24-ом году есть масса преимуществ! В США, как вы знаете, тоже выборы, а значит, что в двух важнейших странах сменится всё руководство, что даст время для раскочки, как нам, так и им. Это очень хорошо!

– Угу, – задумчиво ответил оппозиционер.

Через пару минут благотворительного молчания Михаила Александровича, оппозиционер с лёгкой заинтересованной наглостью спросил:

– А что же вы сделаете с представителями действующей власти?

– Оставлю в покое, – скучающим тоном сказал Михаил Александрович. – Если их обвинят в чём-то, то я их офи-

циально амнистирую. Мне есть за что быть им благодарным, понимаете? Более того, дорогой мой, я отдаю себе отчёт об их опыте и с удовольствием подарю посты в министерствах, например, Иностранных Дел.

– Вы идиот! – проговорил оппозиционер.

– Хотите? – весело спросил его Михаил Александрович, откуда-то достав ещё один солёный огурец.

Глава VII

– Дальний Восток наш! – зайдя в штаб, воскликнул Игорь Сергеевич.

– И Сибирь, – добавила Елизавета.

– А где «почти президент»? – спросил, улыбнувшись Игорь Сергеевич.

– Поехал на площадь, – ответил Максим. – Встреча с народом, поздравления, речи, всё такое...

– А мы что здесь делаем?

– Нам сказано, что надо сидеть здесь, – сказал вошедший Даниил Николаевич, – ждать его возвращения и решения будущих кадровых вопросов.

– Может мы наметим стратегию? – осторожно поинтересовалась Екатерина Алексеевна.

– Хорошая идея, – заинтересованно подхватил Аркадий Васильевич. – Правда, со мной всё решено – Верховный суд...

– Но мы более свободны в своём выборе, – улыбнулась судье Мари. – Я лично возьму себе Иностранные Дела, или

Администрацию... Это будет интересный опыт... С другой стороны, не от меня зависит.

– А какую должность взяли бы себе вы, Игорь Сергеевич?

– Я юрист, – улыбнулся Игорь. – К тому же 9 лет проработал в исполнительной власти... Думаю, мне подойдет портфель министра Внутренних дел... А чтобы выбрали вы, Екатерина Алексеевна?

– Я предпочту работать по специальности, в Службе Безопасности, желательно её директором...

– Однако, – восторженно сказала Мари. – У вас хорошие аппетиты! Впрочем, вы станете главой Агентства Правительственной Безопасности.

– Вы так считаете?

– Уверена, – отрезала Мари. – Вы прекрасно впишитесь в эту должность. От вас будет очень много пользы, а это основное, что потребуется президенту.

– Вроде всем кости перемыли? – перебил Максим Львович. – Никого не осталось?

– Вы, Максим Львович, с Даниилом Николаевичем, – напомнила с улыбкой Екатерина Алексеевна.

– Точно! – воскликнула Мари. – Но, без обид, вы слишком скучные! Вы будете работать в аппарате... Даниил, как начальник, а Максим, как пресс-секретарь.

– Спасибо, – ехидно ответил Даниил Николаевич. – Приятно думать, что решение останется за Михаилом Александровичем... Кстати, результаты объявят уже очень скоро.

Давайте посмотрим!

Весь штаб (не только знакомые люди) собрались около телевизора в зале совещаний.

– Доброй ночи! – поздоровался Виктор Романович с телезрителями. – В нашей студии, уже через несколько секунд станут известны результаты выборов. Кто же станет президентом России?

Три, два, один... Секунды полные напряжения... Три, два, один...

– Михаил Александрович Божесов, – с удивлением, которое было невозможно скрыть даже с таким журналистским опытом, огласил Виктор Романович, – с 53,3% голосов... На втором месте главный фаворит гонки с 30,2%... На третьем оппозиционер, что было ожидаемо, с 12,3%. 2,2% у Петра Фёдоровича, 1,1% у Владислава Владимировича, и 0,9% у Анастасии Владимировны...

Восторг охватил весь штаб...

– Что ж... Страна сделала свой выбор! Мои личные поздравления Михаилу Александровичу, я сразу понял, что победа на его стороне... Нам сейчас приходят сообщения, что Михаил Александрович вышел на площадь с обращением... И, наверное, через несколько минут мы сможем посмотреть прямое включение...

Начались поздравления, слышались хлопки шампанского...

– К сожалению связь не установлена, но сейчас приходят,

впрочем, непроверенные данные, о стрельбе по избранному президенту...

– Этого ещё не хватало! – фыркнул Максим Львович.

– Да, опасная вещь, – подхватил Игорь Сергеевич.

– Может, правда? – добавила Екатерина Алексеевна, потянувшись за телефоном.

– Сообщения подтвердились... – вещал Виктор Романович.

– Боже мой!

– Крах, – произнёс Даниил Николаевич.

– Надо бороться... – предложил Аркадий Васильевич.

Мари, стиснув зубы и сильно зажмурившись, в борьбе с непонятным для неё чувством, молча отошла от экрана, боль пробежала по всему телу...

Архиепископ Михаил, поехавший с Михаилом Александровичем к народу, ответил на звонок Екатерины одним словом:

– Всё...

Глава VIII

– Ваше величество! – слышал Михаил глухой голос из темноты, обволакивающей всё окружающее пространство. – Ваше величество!

Михаил был в вакууме. Вроде бы, ничто не мешало вычислить ему произведение 4 и 29, но ориентация в пространстве была полностью потеряна.

Только попискивание каких-то приборов и полоска бело-

го света, пронизывающего собой вакуум, чувствовалась Михаилом.

Он не мог шевелиться. Любое движение, которое он хотел сделать, не могло обратиться в реальное проявление физического действия.

И всё-таки он не умер! И чётко это осознавал. Даже соблюдал какое-то внутреннее хладнокровие, хотя его внутреннее и внешнее находилось в абсолютно бесполезном, на данный момент, симбиозе.

Михаил достаточно хорошо слышал биение своего сердца, звучащего в унисон с попискивающими звуками. И именно это давало ему надежду на поражение смерти.

Михаил ощутил лёгкое, но набирающее силу, движение в вакууме, которое начало нести его к свету хаотичными зигзагами.

Внезапно, на четвёртом зигзаге, Михаил почувствовал сухость во рту и лёгкое чувство голода, которые стали усиливаться с каждым новым движением под влиянием сочного аромата фруктов и звуков плеска прохладной воды.

Чувства становились всё острее и смерть, казалось, была побеждена... А Михаил приближался всё ближе и ближе к полоске света!

Вдруг, уже на самом финише, когда свет закрыл собой почти всё поле зрения, Михаила отбросило назад так, что весь свет исчез и вновь воцарилась всепоглощающая тьма...

Но чувство голода не притупилось, а наоборот, разраста-

лось всё с большей силой, подавляя все остальные чувства и захватывая мысли!

Михаил сделал глубокий, тяжёлый, хриплый вздох и его лёгкие наполнились приятным, ароматным воздухом... А глаза широко открылись и перед ним промелькнула большая комната и четыре белых пятна...

Он вновь погрузился в темноту, но теперь чувство голода и сухость держались в нём с монотонной интенсивностью, а контроль над телом начал возвращаться – пальцы уже могли шевелиться, а в мышцах и коже чувствовалось приятное покалывание, обречённое перерасти в боль.

Перед тем, как осознать продолжение жизни, и погрузиться в обычный сон Михаил услышал:

– Слава Богу! Живой! Три месяца, три... – со сладкой радостью плакал кто-то. – Мишелеон...

ЭПИЛОГ

Мишелеон Байнопарт, уютно укутанный в шерстяной халат, стоял с чашкой дымящегося кофе и смотрел в большое окно кабинета второго этажа замка на обильный снегопад, кружившийся над большим парком с одной стороны и полями с далекими домиками, тепло светящимися огнями, с другой.

Его взор выражал умиротворение, а светло горящий камин, отделанный тигровым мрамором, создавал очень умиротворяющую картину, достойную запечатления...

Но, как полагается, покой был нарушен. В кабинет размеренным шагом вошла Франческа Даримини.

– Как твоя рана? – мягким, глубоким голосом спросила она.

– Уже не чувствую, – ответил ей Мишелеон, сев напротив и отложив свой кофе.

– Это прекрасно, – отрешённо смотря в огонь, говорила Франческа. – Значит, можно подумать о делах... За три месяца твоего пребывания в коме их накопилось очень много...

– Я уже всё продумал, – положил свою руку на лапу Франчески, тянувшуюся к папке за какими-то документами, Мишелеон. – За эти три месяца я очень много увидел...

– Неожиданно, – оживилась Франческа, отложив папку с вензелями Правительства Франции.

– И должен сказать, меня очень много всего привиделось... Предположу даже, что без некоторых видений я бы не понял, где я сейчас нахожусь и не смог бы вспомнить подробности недавней жизни... Но это всё лирика, может быть я напишу об этом книгу, когда-нибудь. А теперь о делах! У меня три задачи к тебе.

– Слушаю, – с готовностью кивнула Франческа.

– Первая задача простая. Мне через месяц нужен проект нового города на берегах Ушатого моря, где-то на скалах, жителей на 70 тысяч... Назовём его Божесовбург или Божестаун, или Божесити, или же Божесовленд, а может Божесов-

ка... Пока не знаю... Главное создать проект через месяц!

– Странные названия, – пожала плечами Франческа. – Но всё будет в лучшем виде.

– Я знал, что на тебя можно положиться, Франя! Вторая задача. У меня есть идея реформы нашего образования, да такая, что поможет вывести Франчию на ещё большие высоты! Для этого мне нужно: команда из 200 педагогов разных уровней образования, занимающих разные должности и преподающих разные предметы; и 400 миллионов золотых фрач.

– Будет исполнено, – кивнула Франческа, записав сказанное. – Что ещё?

– И последнее менее радужное, Франя. Нужно 700 тысяч хорошо подготовленных солдат... Через два месяца... К ним бонусом прилагаются 500 тонн золота.

– Опять война?

– Надо же отомстить за то, что я провалялся три месяца, борясь со смертью и переживая очень весёлые сны?

– Это Ваше решение, Ваше Императорское Величество, – поспешно откланялась Франческа, собрав все бумаги. – Я лишь исполнитель Вашей воли... Всё будет готово в сроки.

– Тогда жду доклада, Франя.

Мишелеон вновь проследовал к окну. Снег всё ещё шёл, ничего не поменялось.

«Странно, очень странно... Ничего не помню... Что

из этого правда?

Весёлое место с десертом из абсолютной власти! Моя цель стала действительностью...

Что ж? Поиграем и в эту игру! Для начала – захватим мир, а потом его реконструируем в лучшую сторону... Хотя лучше, чем сейчас есть, в моих снах никогда бы не стало... Жаль, люди были хорошие...

Если бы только знать – действительно ли я не умер?

Действительно ли я пролежал три месяца, бегая и крутясь во сне... Или 36 лет пробегал как Михаил Александрович Божесов и был пристрелен после того, как меня избрали президентом? А сейчас нахожусь в загробном мире?

Даже если я и умер, то это место лучше незаслуженного мною рая! Я – Император...»

«Что с этими людьми? Вроде бы умные, но с такими чудовищными аппетитами! Просто кошмар... Но всё равно нравятся мне, не знаю почему... В конце концов, Мишелеону виднее» – думала, уезжая во Фронолон по белому, свежему снегу, Франя.....